

Виктор Васильев

ЗАРУБКИ НА СЕРДЦЕ

Повесть о военном детстве.

Светлой памяти моей матери,
Васильевой Анастасии Павловны,
её подвигу в Отечественной войне

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ АВТОРА

ОТ РЕДАКТОРА

Часть 1. НАШЕСТВИЕ

Глава 1. В ВОЗДУХЕ ПАХНЕТ ГРОЗОЙ

Счастливым день

Новый друг

Схватка с белофиннами

Глава 2. ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Запоминай, сынок.

Бабушка Фима

Колькина школа.

Глава 3.. ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!!!

Дом у дороги

В поисках убежища

Глава 4. ОККУПАНТЫ

Первый день

Пленные

Плохие новости

Глава 5.. ПЕРЕХОД

В дороге

Вечер песен

Тревожное утро

Под конвоем

Страшная комната

Марусин рассказ

Часть 2. МАЛАЯ РОДИНА

Глава 6. ХМУРАЯ ОСЕНЬ

Обживаюсь

Лишний роток

Страшнее зверя

Уровень

Глава 7. МАМИНЫ СЁСТРЫ

По дикому лесу

Тётя Ира

Над пропастью

Глава 8. ГОЛОДНЫЕ БУДНИ

Думы бабушки Маши

Так обидно!

Забавы старосты

Гнилая картошка

Жизнь продолжается

Глава 9. ОБЛАВА

Бабушка Маша

Ночь на пожарищах

Сборный пункт, как первый лагерь

Часть 3. ЛАГЕРЯ

Глава 10. КРЕНГОЛЬМСКАЯ МАНУФАКТУРА

Тонины муки

Фанерные домики

Глава 11. ИВАНГОРОДСКАЯ КРЕПОСТЬ

Что в лоб, что по лбу

Короткая любовь

Лесопильный завод

Глава 12. ГЛОТОК СВОБОДЫ

Переселение

Подвал. Добыча воды

Добыча питания

Бог знает, что делает

Умный снаряд

Глава 13. ОПЯТЬ ОБЛАВА

«Кто здесь русские? К стенке!»

Дорога пыток

Нежданная встреча

В ад с комфортом

Глава 14. КОНЦЛАГЕРЬ В ГОРОДЕ ВАЛГА

Место в аду

Трагедия женщины

Первый заработок

Товарищ из детства

Землячок

Учитель

Эпидемия тифа

Мама

Баня

Майские дни

Глава 15. БАТРАКИ

Лагерь в городе Валка

Опять телятники

От зари до зари

Лишние

Дождались!

ЭПИЛОГ

ОТ АВТОРА

Детство, прошедшее в оккупации, в фашистских концлагерях. Никогда не затихнет боль от тех переживаний, что принесла война.

Детская память имеет свойство не тускнеть с годами, а всё ярче выкристаллизовываться в обострённое чувство сопричастности с историческими событиями прошлого. Всё больше понимаешь с высоты прожитых лет, что надо нашим внукам и правнукам знать, какая это была война, какой ценой добывалась победа, какие несказанные муки выпали на долю их дедов и прадедов. Чтобы не пропали, не исказились уроки прошлого, и никогда бы не повторилась мировая война. Главное - успеть передать свой опыт и знания нашим потомкам, как бы ни было больно всё вспоминать. Ведь так мало уже нас осталось - живых свидетелей той страшной войны!

В моей повести нет ссылок на документы, нет текстов приказов гитлеровцев и сводок Советского информбюро, нет обзорного анализа событий тех дней. Документальность её заключается в том, что в ней собраны мои личные наблюдения, раздумья и переживания тех мальчишеских лет. Лишь то, что я сам видел, слышал и чувствовал, что сохранила моя память зарубками на сердце. Здесь нет ни одного вымышленного имени и события. Только чувствам и переживаниям детских лет теперь найдены, как мне кажется, точные слова и определения. Как бы репортаж глазами мальчишки из того, далёкого прошлого.

Как бы приглашение читателю вместе с мальчиком заново пережить те страшные эпизоды войны.

Повесть, конечно же, о Великой Отечественной войне, о борьбе за выживание в оккупации и в концлагерях. Однако мне показалось целесообразным в первых двух главах отразить беззаботное, предвоенное детство. Несмотря на скудость питания, подчас плохую одежду и обувь, во дворах со сверстниками мы много играли и крепко дружили, никому не завидовали. Мы пели много-много прекрасных песен. Мы гордились своей страной, Красной Армией, были патриотами и считали себя

счастливыми.

А в годы тяжких

испытаний эта мирная жизнь была для нас мечтой и отрадой, придавала нам силы в минуты отчаяния. Ведь надо было не просто выстоять, выжить любой ценой, но ещё надо было сохранить в себе человека - не пойти на поклон к фашисту, не сподличать, не предать. Это касалось не только женщин и стариков, но и нас, малолеток.

Надеюсь, что повесть может быть интересна как школьникам средних и старших классов, так и взрослым читателям.

Автор.

ОТ РЕДАКТОРА

Автор книги Виктор Васильев не воевал, но с полным правом может говорить, что он участвовал в Отечественной войне - хотя был тогда ребёнком.

О Великой Отечественной войне написаны горы книг - о сражениях на фронтах, о партизанском движении, о героизме людей в тылу, о мужестве и предательстве. Виктор Николаевич обратился к иной теме - жизни и борьбе с врагом на выживание детей, женщин, стариков на оккупированной немцами территории. Этот пласт литературы долгое время не был востребован. И вот Виктор Васильев в новой документальной повести «Зарубки на сердце» знакомит читателя с этой страницей войны. Да, жестокие годы оставили много таких «зарубок». Что могли дети, старики и женщины, оставленные под немецкой оккупацией, противопоставить бесчинствующим фашистам? Главное - сберечь в этой мерзкой жизни себя, своих близких, выжить и ещё раз выжить. И помочь тем, кто нуждался в такой помощи. Старшие молились в надежде обрести

спасение у Бога. А враг? Ему сжечь дом, расстрелять на глазах дочери её мать, оставить жителей деревни без кур, поросят и всякой живности, заставить людей голодать - лишь забава, удовольствие. Кровь стынет в жилах, когда читаешь эти строки!

Ещё более опасной и полной лишений стала жизнь героев повести в эстонском концлагере, куда немцы отправили жителей сожжённых деревень. Автор с горькой правдой, порой беспощадно, с присущей ему художественной убедительностью рассказывает о сверхтяжёлой доле тех, кто был размещён в лагере.

С большой надеждой ждали узники прихода Красной Армии и освобождения от рабства. Канонады советских орудий слышались всё ближе и ближе. Всё чаще появлялись наши самолёты в небе над Эстонией и Латвией. И вот она - долгожданная свобода! Но... Известно: тогда наша власть не питала любви к узникам немецких концлагерей. Их надо было ещё проверять - не предатели ли они?

Эта повесть - документ нашей истории, той её страницы, в которой так много вместились: и мужество, и борьба, и участие, и жертвы, и всё, что есть доброго и благородного в русском человеке. Надеюсь, что повесть сыграет положительную роль в художественном, идейно-нравственном и гражданско-патриотическом воспитании читателей, прежде всего молодёжи.

В заключение пожелаю автору, Виктору Васильеву, доброго здоровья и новых содержательных и ярких литературных произведений.

Редактор Вячеслав Булгаков,

кандидат исторических наук,

член Союза писателей России.

Часть 1. НАШЕСТВИЕ

Глава 1. В ВОЗДУХЕ ПАХНЕТ ГРОЗОЙ

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Старосиверская - окраина поселка Сиверский Ленинградской области, 26 сентября 1939 года. Мне исполнилось шесть лет. Я принимаю подарки. Стою перед зеркалом. На мне новенький матросский темно-синий костюмчик и бескозырка. На черных лентах - золотые якоря, на бескозырке крупно написано слово «ГЕРОЙ». Рядом со мной стоят мама, бабушка и четырехлетняя сестренка Тоня. Папы сегодня нет. Он работает через день пожарным в Ленинграде и придет только завтра. Этот костюмчик мне очень нравится, особенно бескозырка. Я верчусь перед зеркалом под одобрителем взглядом бабушки и завистливым взглядом сестренки.

- Дай, дай мне помелить! - картавит Тоня и сдергивает с меня бескозырку. Она ей велика и проваливается ниже бровей. Видны только щелочки довольных, смеющихся глаз.

Сейчас придут гости с подарками. На столе уже стоят чашки с блюдцами, сахарница, тарелка с печеньем, блюдце с конфетами в фантиках и стеклянная банка с брусничным вареньем. Стол дощатый, узкий, покрыт клеёнкой, по бокам две скамейки. Первой появляется моя ровесница Райка, наша соседка по дому. Ее папа - командир Красной Армии, мама - важная дама в сережках и кольцах. Они занимают переднюю часть нашего казённого дома с двумя комнатами и отдельным входом через веранду. С моими и с Колькиными родителями они не знают. Но Райке иногда разрешают играть с нами. У Райки красивые темные волосы рассыпаны по плечам. Розовое платье, новые белые башмачки. Она принесла в подарок два соевых батончика, протянула мне: «На!» - и полезла за стол.

- Раечка, - сказала мама, - подожди немного, еще не все гости собрались.

- А я хочу занять место. Я здесь подожду, - ответила Райка.

Мама подошла к столу, взяла с блюдечка две конфеты и дала Райке, чтоб не скучала. Тоня стоит рядом со мной, я даю ей половину Райкиного подарка - один соевый батончик. Так у нас принято: подарками надо делиться.

Вскоре приходит Люся. Она живет через несколько домов от нас. Ее родители дружат с моими родителями, а я дружу с Люсей. Она старше меня на полгода и чуть повыше ростом. На ней синее платье с закрытым воротом. У нее голубые глаза, которыми она умеет смотреть как-то очень тепло и дружески. А улыбка... Мне кажется, что так она улыбается только мне. Она принесла

пластинку для граммофона, а Тоне - заводного цыпленка. Сестра сразу взялась заводить его на полу.

- Желаю тебе счастья, Витя, - улыбается мне Люся.

- Спасибо, - я отвечаю и чувствую, что краснею.

Колька запаздывает. Он живет в соседней комнате за стенкой, у нас общая кухня. Его папа тоже пожарный и работает вместе с моим папой в Ленинграде. Колька на полтора года старше меня, ему на следующий год идти в школу. Он выдерживает фасон и ждет особого приглашения. Я стучу кулаком ему в стенку. Он тут же появляется в серой рубашке с воротом нараспашку и в чёрных брюках. Колька молча дает одно яблоко мне, а другое - Тоне.

Теперь все в сборе. Мама рассказывает нас за столом. Я между Люсей и Тоней. Бабушка несет из кухни свой подарок - пирог с капустой, на нем шесть горящих свечек.

- Ну, ребятки, - говорит мама, - давайте все вместе поздравим Витю, а он задует свечи. Раз, два, три: ПО-ЗДРАВ-ЛЯ-ЕМ!

И мы все кричим вразнобой, даже я со всеми кричу «поздравляем», потом спохватываюсь, и задуваю сразу все шесть свечей. Растроганная бабушка кончиком головного платка вытирает уголки своих глаз. Мама разливает чай, разрезает пирог и раскладывает в розетки варенье. Потом она и бабушка уходят на кухню. Начинается пир. Без взрослых мы чувствуем себя свободнее. Можно болтать ногами, можно толкаться, хихикать. Тоня жуёт пирог и чавкает. Я дергаю ее за рукав, шепчу ей: «не чавкай». Послушалась, отложила пирог и взяла конфету.

Вспомнили про Люсину пластинку. Я забираюсь с ногами на табурет возле комода. На нём стоит граммофон и стопкой лежат пластинки. Это мое хозяйство, моя гордость. Здесь я все знаю и все умею. Вставляю ручку в гнездо, полностью завожу пружину, проверяю, стоит ли иголка в головке. Труба граммофона, вся в голубых цветах, повернута в сторону стола. Пластинки я знаю наперечет и легко читаю названия на этикетках. Здесь «Провожание», «И кто его знает», «Сулико», «Дан приказ ему на запад», «Любушка». «Андрюша», «Тачанка», любимая мною «Песня о Каховке» и многие-многие другие. Ставлю Люсину пластинку. Из трубы раздается: «*Мы едем, едем, едем в далекие края...*». Эта задорная «Песенка друзей» нравится всем, и соответствует нашему настроению. Я ставлю ее второй, третий раз кряду. Мы все подпеваем и хлопаем в такт ладошками по столу:

«...Красота! Красота!

Мы везем с собой кота,

Чижика, собаку,

Петьку-забияку,

Обезьяну, попугая -

Вот компания какая!..»

Даже важный Колька и задавака Райка подпевают и хлопают по столу. На обороте пластинки Рина Зелёная читает стихотворение «Снегирь» Агнии Барто. Это тоже здорово! Особенно место: *«... До того я был хорошим, // Сам себя не узнавал...»*

Такой забавный мальчишка в этом стихотворении, что хочется с ним подружиться. «Снегиря» тоже ставлю два раза. Замечательная пластинка! Вот подарок, так подарок!

Потом Колька предложил: «Пошли в прятки играть!»

На улице ясный безветренный день - подарок уходящего лета. У нашего крыльца растёт березка, уже пожелтевшая. А через дорогу, около ручья, жмутся друг к другу две огненно-красные осинки. Наш деревянный одноэтажный дом стоит на перекрестке Оредежской улицы и шоссейной дороги на Красногвардейск (теперь называется город Гатчина). За дорогой - большая поляна с кочковатой травой. За перекрестком стоит двухэтажная деревянная школа. Я уже умею читать и неплохо считаю, но в первый класс, к сожалению, берут только с восьми лет.

Справа от поляны, на месте сгоревшего сарая, растут лопухи и крапива, среди которых мы любим прятаться. Начинаем считать:

«На златом крыльце сидели

Царь, царевич, король, королевич,

Сапожник, портной,

Кто ты будешь такой?»

Водить выпало Райке. Она стоит у обгорелого столба, закрыв лицо ладошками, и начинает считать. Мы все врассыпную. Я хочу прятаться с Люсей, но Тоня от меня ни на шаг. Приходится прятаться с сестрёнкой. От возбуждения она

кашляет, и Райка нас быстро находит. Теперь мы с сестрой сидим на бревне и ждем, когда Райка найдет остальных.

Тоня что-то сердито бормочет. Я прислушался:

- Лайка, Лайка-балалайка,

Ты свой нос не задилай-ка,

Лучше ты на балалайке

Нам сегодня поиглай-ка.

Оказывается, Тоня сердится на Райку и бормочет дразнилку на неё, выговаривая букву «Л» вместо «Р». Ай да сестренка у меня! Ай да умница! Ведь никто ее не учил этой дразнилке. Сама услышала как-то и вот - запомнила!

Дразнилки у нас есть на каждого. Мы все их знаем и часто используем. Кто и когда сочиняет эти дразнилки - никому не ведомо. Будто сами собой появляются...

Играли и веселились до сумерек, пока мама домой не позвала.

Ужинаем на кухне при керосиновой лампе. Продолговатая, с одним окном, кухня на две семьи, она же и коридор с выходом на улицу. Посередине стоит кирпичная плита, от которой прогревается общая кирпичная стенка. По бокам два стола - Колькин и наш. Мы вчетвером едва помещаемся за столом. Но в комнате едим только тогда, когда папа дома или гости собрались. Бабушка шепчет молитву и крестится. Мы с Тоней тоже крестимся перед едой. На ужин всем манная каша и чай с печеньем.

После ужина мы с Тоней отправляемся спать. Наша небольшая комната плотно заставлена. Слева от двери стоит оттоманка, кровать и комод. А справа - большой сундук с плоской крышкой, шкаф с зеркалом, буфет и этажерка. На столе стоит керосиновая лампа со съёмным стеклом. За столом - окно, в котором еще не вставлена зимняя рама. Мама с папой спят на кровати, бабушка с Тоней - на оттоманке. И только я, как барин, сплю один на сундуке. Спать, конечно, жестковато и подушка иногда уползает из-под головы. Зато просторно, никто не мешая ворочаться с боку на бок.

Мама укладывает Тоню, поправляет подушку, одеяло, рассказывает коротенькую сказку. Потом целует ее, подкручивает в лампе фитиль, кивает мне на прощание и уходит на кухню. Тоня засыпает быстро, а мне не заснуть. Зеваю, ворочаюсь, вспоминаю минувший день. Это был чудный день. Никаких огорчений. Одни радости. Самым первым поздравил меня папа. Еще ночью, перед уходом на

поезд, он разбудил меня и подарил три рубля одной зеленоватой бумажкой! Целое богатство! Ведь на три рубля можно купить 30 круглых мороженных с именными вафлями! Но я не глупец, чтобы тратить денежки на пустяки. Мне нужен самокат с красными колесами, звонком на руле и тормозом на подножке. Он стоит 30 рублей. У меня уже есть в копилке четыре рубля, теперь будет семь. Осталось накопить еще 23 рубля - и самокат будет мой! У Кольки нет самоката, У Люси нет самоката. У Райки есть, но она - жадина. А у меня будет свой - вот тогда все покатаемся! Нет, что ни говори, а хорошо жить на свете.

Фитиль в лампе разгорелся и стал коптить. Я встал и подкрутил его. Из переднего угла, с иконы, смотрел на меня строгий Боженька. Я поскорее отвел свой взгляд от него и остановился на черной тарелке радио. Скоро двенадцать, скоро включат Красную площадь. Сегодня у меня день рождения. Может быть, мама разрешит мне послушать?

Я вышел на кухню. Бабушка расставляла на полке вымытую посуду, а мама замачивала белье для стирки в детской цинковой ванночке.

- Ты чего не спишь? - сказала мама строго. - Сейчас же марш на сундук!

Я подошел и стал шептать ей на ухо:

- Мамочка, разреши мне включить радио. Ведь у меня день рождения.

Лицо мамино подобрело, она потрепала мои кудряшки.

- Ладно уж, полуночник, послушай свою любимую площадь. Но тихо-тихо, чтоб Тонечка не проснулась.

Я поцеловал маму и прошмыгнул в комнату. На ходиках было полдвенадцатого. Забрался на сундук под одеяло. Вошла бабушка, стала, кряхтя, раздеваться. Потом стала молиться на ночь: *«Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое...»*. Кончила молиться, вздохнула и легла рядом с Тоней.

Я подождал, пока на часах стало без восьми минут двенадцать. Пора. Тихонько встал, на цыпочках прошел к окну, взобрался на табурет и тихо-тихо включил радио. Играла музыка. Потом мужской голос сказал: «Включаем Красную площадь и бой часов на Спасской башне». Я услышал шуршание шин по мостовой, скрип тормозов, урчание двигателей автомобилей и перекличку разноголосых гудков. Так продолжается минуты три-четыре. Я жадно вслушиваюсь в эту гулкую тишину в ожидании чуда.

И вот оно чудо - первая россыпь колоколов! Звонкая, мелодичная, радостная! Потом вторая россыпь, третья. Сердце восторженно бьется. Первый

одиначный удар главного колокола звучит мощно, густо, словно ставит точку на прожитом дне. Кажется, что частички низкого баса его разлетаются по всей стране и гаснут на расстоянии. Только после этого раздаётся второй удар колокола, потом третий и так далее. Я невольно считаю эти удары, как будто боюсь, что вдруг их окажется не двенадцать. Все. Стихает последний удар. Несколько томительных секунд тишины. И вот приятный мужской голос торжественно и гордо выводит:

*«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...»*

Эту песню я знаю наизусть, очень люблю и согласен с каждым её словом. Да, это МОЯ страна так широка и привольна, это МНЕ так вольно дышится в ней.

*«...Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить!..»*

Это про МЕНЯ песня. Это МНЕ все радостнее жить.

*«... Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать!
Как невесту Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!..»*

Пусть только замахнутся, эти враги. Мы так брови насупим, так насупим, что они сразу разбегутся. Не знаю, как любят невесту, но как любить и беречь маму я хорошо понимаю. Вот и Родину я буду так же любить.

Застучал метроном. А я все еще стою, прижимаясь ухом к тарелке. Жду, пока затихнет мое внутреннее волнение...

Я выключил радио, слез с табуретки и забрался к себе на сундук. Лампу оставил горячей - мама с кухни придет и сама задует ее. Вспомнил, что забыл

помолиться перед сном, как учила бабушка. Еще рассердится Боженька. Но вставать с сундука уже не хотелось. Повернулся на правый бок, подложил ладошку под щеку и быстро заснул, уверенный, что со мной и со страной все будет хорошо.

Кончился чудный день.

... А где-то далеко, на западе, уже полыхала мировая война, о которой мы, дети, еще ничего не знали. И не могли знать, не могли даже подумать, что скоро, совсем скоро взорвется наше счастливое детство...

НОВЫЙ ДРУГ

В тот памятный 1939 год холода пришли рано, уже в начале октября появились заморозки. Пришлось папе доставать с чердака вторую, зимнюю раму. Между рамами положили ватный валик, покрытый плотной белой бумагой, и украсили мелко нарезанными кусочками цветной бумаги. На середину валика бабушка поместила жёлтый картонный крестик с косой поперечиной. На концы валика мама поставила две розетки с солью, чтобы стёкла меньше потели. Я тоже приложил руку к украшению окна - положил несколько красивых, гладких камушков, собранных на реке. Бабушка перекрестила окно, как будто оно живое.

- Теперь нам не страшен Мороз Иванович, - сказала она. - Перезимуем, благословясь.

Довольные своей работой, все пошли пить чай.

Потом я завёл граммофон, и мы с Тоней стали слушать новую пластинку, которую папа привёз из Ленинграда.

- Эта песня про то, - сказал папа, - как у озера Хасан высыпали перцу японцам наши три танкиста, три весёлых друга.

Мы с Тоней несколько раз прокрутили пластинку, всё искали слова - как танкисты ловят япошек и сыпят им перец. Но слов таких не было. Вообще японцы не упоминались. Были только слова: *«И летели наземь самураи под напором стали и огня»*. Мы пошли к папе за разъяснениями.

- Здесь только про самураев каких-то. А про японцев нет ни слова, - сказал я.

- Так это и есть японцы! - засмеялся папа. - Самураи - это военные японцы, они не сдаются в плен, а делают себе «харакири», то есть, режут сами себе животы.

- Вот теперь мне понятно! - обрадовался я.

«Харакири, харакири!» - слово-то какое красивое! - и я тут же побежал на улицу рассказывать мальчишкам о самураях, о нашей победе над ними, о дружных наших танкистах.

* * *

Как-то, после завтрака, бабушка сказала нам с Тоней:

- Сегодня мы пойдём в гости.

- Вот, здорово! А куда пойдём? - спросил я.

- К бабе Акке, она вчера пришла к нам.

Финка, бабушка Акка, была ещё не очень старая. Но четыре дня назад она едва дошла до нас. В каждой руке по палке, сгорбилась буквой «Г» и, морщась от боли, крошечными шажками передвигалась.

- Ой, Афимьюшка, выручай! Скрючил меня радикулит проклятый, нет силы терпеть!

- Ах, ты моя горемычная, - говорила бабушка Фима, снимая с гостьи пальто.
- Сейчас, сейчас, милая, Господь нам поможет.

Я стоял рядом и видел, как бабушка Фима помогла снять вязаную кофту с больной, через ситцевую сорочку стала прощупывать и простукивать пальцами её позвоночник. Потом уложила гостью поперёк небольшого порожка, головой в комнату, обула свои старые чуни (валенки с обрезанными голенищами), и стала бережно ступать на больной позвоночник. У меня всякий раз ёкало сердце - вдруг она раздавит финку? Бабушка Акка постанывала, но терпела. А бабушка Фима, наступая на позвоночник, шептала молитвы. Поплёвывала через левое плечо, и правой рукой делала жесты, как бы прогоняя что-то прочь, за порог.

Потом они пили чай и долго разговаривали о своих болезнях, о домашних делах и заботах. Моей бабушке Фиме было 82 года. Вообще-то она была бабушкой моей маме, а нам с Тоней приходилась прабабушкой. Весила она 80 килограммов. И мне было страшно представить себя, лежащим через порог, под тяжестью бабушки.

Уходила бабушка Акка от нас уже немного распрямив свою спину. А вчера она пришла к нам не горбясь и без палок. Принесла десяток яиц, трехлитровый бидон молока.

- Ты моя спасительница, - говорила финка. - Век буду за тебя молиться.

- Чего там, - отвечала бабушка Фима. - Это не я, это Господь сподобил моими руками.

Яички казались особенно вкусными. И молока парного мы с Тоней вволю напились. А сегодня нас ещё и в гости позвали. Хорошо жить на свете!

* * *

В деревне Старосиверской большинство жителей были финнами. Я там никогда не был. Шёл и думал: «Какие же дома у финнов? На что они похожи?» Оказалось, что дом бабушки Акки похож на обычный русский дом. В большой просторной комнате - русская печь. Стол кухонный напротив печки, а посередине комнаты - широкий обеденный стол со скамейками. Ещё был шкаф, комод, две кровати.

Мы, оказывается, пришли рано, но бабушка Акка встретила нас очень приветливо.

- Проходите, проходите, гости дорогие! Снимайте пальто, садитесь. Мой сын и невестка ещё не пришли с работы, а внучок Эрик ещё в школе. Я вот масло кончаю взбивать, - показала она на бутылку с широким горлом и с отверстием внизу, закрытым деревянным штырьком. Бутылка была заполнена белой измяткой с жёлтыми комками масла сверху. Такую бутылку, измятку и масло я видел в своей родной деревне Реполке, где летом был у моей бабушки Дуни.

Бабушка Акка взяла две алюминиевые кружки, вынула штырёк из бутылки, нацедила измятки мне и Тоне.

- Кушайте, кушайте. Измятка очень полезна детям, она улучшает пищеваренье, - говорила она.

- Какое, какое варенье? - шёпотом спросила Тоня меня.

- Не знаю, - так же шёпотом ответил я. - Наверно, финны всякую пищу считают вареньем.

Измятка и правда была очень вкусная, в ней попадались мелкие комочки масла.

Скрипнула дверь, вошёл мальчик с портфелем.

- А вот и внучок мой явился, - обрадовалась бабушка Акка. - Эрик, познакомься. Это моя спасительница бабушка Фима. А это её правнуки Витя и Тоня.

Эрик всем поклонился, сказал: «Здравствуйте». А мне протянул руку по-взрослому, назвал какую-то финскую фамилию и своё имя. Я растерялся, пожал его руку и тихо промямлил: «Витя». Свою фамилию я почему-то просто забыл в этот миг.

Но Эрик не засмеялся. Он уже был второклассником, ему девять лет исполнилось.

- Пойдём, я тебе покажу самое дорогое, - сказал он мне так просто, как будто давно со мной дружил. Всё моё смущение сразу пропало. Тоня тоже хотела с нами идти, но бабушка Акка сказала:

- А ты останься. Я дам тебе альбом, будешь картинку раскрашивать.

Мы с Эриком вышли во двор, потом под навес. Там было устроено что-то вроде столярной мастерской и склада разных материалов.

- Это хозяйство моего папы. Он занимается разными поделками в свободное время, а я иногда ему помогаю. Если быть терпеливым, упорным, то многому можно научиться у папы. Вот, например, молоток, - он взял в руки обыкновенный молоток с гвоздодёром. - Что тут особенного? Знай, колоти. А вот посмотри сюда внимательно.

С этими словами он взял гвоздь средних размеров, поставил на доску, чуть-чуть пристукнул, чтобы он знал своё место. Потом поднял руку с молотком, прицелился ударить, а сам повернул голову в сторону. И резко ударил молотком. Гвоздь вошёл в доску по самую шляпку!

- Ты что же, вслепую забил?! Не видя молотка и гвоздя?! - восхитился я.

- В том-то и дело! Рука так натренирована, что сама помнит прицел. Хочешь попробовать?

Я, конечно, хотел. Раз десять пытался так забить гвоздь, но ни разу даже не попал по нему. Рука не слушалась.

- Не огорчайся, - успокоил меня Эрик. - У меня тоже раньше не получалось. Надо много тренироваться. И топором надо так же ловко владеть, чтобы в одну точку дважды попасть.

- Ты и топором можешь работать? - удивился я.

- Нет, топором я ещё плохо владею. Так, сухое деревце срубить, колышек затесать. Ещё дрова поколоть, которые без сучков, - пояснил он. - Давай-ка, я тебе покажу главное, - и он подвёл меня к новой собачьей будке. - Вот, посмотри.

- Что тут смотреть? - удивился я. Будка, как будка.

- Э, нет. Стенки-то двойные, из тонких досок, называемых вагонкой. С воздушной прослойкой между стенками, чтобы теплее было. И дверца, как задвижка на колёсиках, и ручки с двух сторон на дверце, чтобы собака сама могла закрывать-открывать её носом. От ветра защита зимой. И заметь, я сам это всё сделал по папиному совету.

- Вот здорово! А собака твоя уже научилась дверцу закрывать?

Эрик нахмурился, тяжело вздохнул.

- Обязательно научится, я уверен. А пока нет собаки, - сказал он и снова тяжело вздохнул. - Был у нас пёсик любимый, Полканом звали. Да весной чем-то заболел и умер. Сказали, что заразная болезнь, пришлось и будку старую сжечь. Я так плакал, так плакал! Как девчонка какая-то.

Мне казалось, что Эрик почти взрослый, такой умный и рассудительный. Такой не может плакать. Но ведь не будет он сам на себя наговаривать! За доверчивость ко мне я ещё больше стал его уважать.

- Мы уже нашли хозяйку, у которой собака должна вот-вот ощениться. Тогда возьмём у неё щенка, опять назовём Полканом, - мечтательно сказал Эрик.

Пришли с работы его папа и мама. Нас позвали в дом. Там, на столе, уже всё было приготовлено. Кроме нас, были ещё гости - несколько финских женщин и мужчин, видимо - соседи. Бабушку Фиму, как почётного гостя, посадили рядом с бабушкой Аккой. Нас, детей, посадили за отдельный столик. Там было много вкусного: пирожки с капустой, ватрушки с морковкой, студень, сладкий творог, винегрет, сметана, смородиновый морс.

Мы проголодались, поэтому уплетали за обе щеки. Взрослые шумели, смеялись, громко разговаривали - в основном по-русски. Видимо, у них была бражка, потому что вскоре они запели. Все раскинули руки, обняли своих соседей за плечи и стали дружно раскачиваться влево-вправо в такт песне. Выходило

очень красиво и здорово, будто пели не только голосами, но и самим раскачиванием. Сначала спели несколько песен по-фински. Я ещё спросил у Эрика: «О чём эти песни?»

- Я тоже слов не понимаю. У нас только папа и бабушка знают финский язык. А мы с мамой лишь отдельные слова понимаем. Да и зачем нам знать?

Потом взрослые стали петь русские песни: «На Муромской дорожке», «Живёт моя отрада», «Мой костёр в тумане светит», «Провожание» и много других. Некоторые песни мы с Тоней знали наизусть и стали подпевать взрослым. Эрик не пел, и всё удивлялся:

- Откуда вы знаете столько песен?

- А ты приходи к нам. У нас есть граммофон с огромной трубой и куча пластинок. И я их хозяин: сам завожу, сам пластинки меняю, - расхвастался я.

- Обязательно приду. Спасибо за приглашение, - заверил Эрик.

Когда мы уходили домой, нам ещё надавали пирожков и ватрушек. Очень гостеприимные финны. На улице было уже темно. Скоро глаза приспособились и дорогу различали. Бабушка, после бражки, была веселенькая, вполголоса напевала задорную песенку: *«Эх, загулял-загулял-загулял парень молодой-молодой! В красной рубашоночке, хорошенький такой!»* И сама бабушка тогда казалась мне такой же молодой и красивой.

* * *

В ноябре выпал снег, пришли морозы. По свежему снегу хорошо лепить снеговика и в снежки играть. Кто-то из мальчишек предложил разделиться на «красных» и «белых», чтобы воевать снежками. Идея всем понравилась, только «белыми» быть никто не хотел.

Тогда разделились на «красных» и «жёлтых». Но и «жёлтыми» быть не хотели, все стремились быть «красными». Едва-едва уговорили Эрика возглавить команду «жёлтых», куда вошли ещё три русских мальчика. Команду «красных» возглавил третьеклассник Егорка. В неё вошли Колька, я и ещё один финский мальчик из второго класса.

Договорились, что кому в голову попадёт снежок, того считать убитым, и он обязан выйти из боя. Попадания в другие части тела не считаются. Снежки кидать издали, в нейтральную зону не заходить. Снежки лучше приготовить заранее, штук по десять каждому.

Перед началом боя командиры объяснили своим бойцам, как им действовать. «Красный» Егорка велел каждому из нас обстреливать одного, назначенного ему, противника. А «жёлтый» Эрик, видимо, приказал своим стрелять залпом в кого-то одного, потом в другого. Потому что, как начался бой, в «красного» Егорку полетели сразу четыре снежка. От залпа увернуться трудно, один снежок попал ему в голову, и он покинул поле боя. Потом поочерёдно «жёлтые» выбили меня, Кольку и «красного» финна. У противника был «убит» только один боец. Убедительная победа «жёлтых», хотя, по общему возрасту, они были младше «красных».

Бой длился десять минут. Сделали перерыв. Мы с Эриком сели на холодное бревно. Он достал из сумки две булочки с маком, одну дал мне.

- Сколько стоит такая булочка? - спросил я.

- Не знаю. Это бабушка Акка пекла.

- Моя бабушка Фима говорила, что до революции такие булочки стоили полкопейки.

- Тише ты! - прошептал испуганно Эрик и огляделся вокруг. - Нельзя хорошо говорить о тех временах. Так и в тюрьму загреметь недолго. Его испуганный шёпот крепко засел в моей памяти, послужил хорошим уроком.

Отдохнули, запаслись новыми снежками. И бой повторился. Теперь и «красные» применили залповую тактику боя. И победили со счётом 3:1. В третьей схватке была ничья 2:2, а в четвёртой опять победили «красные».

Ух, как устали все! Собрались в одну общую кучку, шутили, смеялись. А потом спели хором песню: *«...И от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее!»*

Хорошо провели время на свежем воздухе! Все остались довольны.

СХВАТКА С БЕЛОФИННАМИ

К декабрю мороз обозлился. Стёкла на окне покрылись сказочными узорами. Мы с Тоней почти не выходили на улицу. Валенки детских у нас не было, а в ботах, даже с двумя шерстяными носками, быстро замёрзнешь. Новости узнавали только из разговоров взрослых.

Тётя Нюра была в магазине, за мукой ходила. Пришла взволнованная:

- Настя, война началась!

- Какая ещё война?! Что ты мелешь!

- Правда, правда. В магазине бабы судачат. Говорят, война с финнами. Ну, как это? С белыми финнами. Некоторым мужикам повестки пришли, на войну собираться.

- Надо радио включить, - сказала мама и пошла в комнату.

- Мама, оно не работает. Наверно, сломалось радио, - крикнул я вдогонку.
Мама вернулась:

- Это ты сломал? Крутил-крутил, и докрутился?

- Почему я? Чуть что, так сразу я, да?

- А кто же ещё?! Вот приедет отец, я всё расскажу, пусть разбирается.

- Ладно, не заводись. Что ты пристала к ребёнку? - заступилась за меня тётя Нюра.

И это было справедливо, хоть она и не знала, в чём дело. Потому что радио сломал Колька. Мы слушали с ним какой-то рассказ про будёновцев. Он хотел сделать погромче, так сильно крутанул регулятор, что там хрустнуло, и радио замолчало. Но не мог же я съябедничать про Кольку!

Все помолчали. И Колька молчал. Потом тётя Нюра сказала раздумчиво:

- Может быть, и наших мужиков пошлют воевать?

- Вроде бы не должны. Всё-таки, военизированная пожарная команда, - возразила мама.

На другой день приехали папа и дядя Ваня. Они подтвердили, что да, война идёт. Война с белофиннами. В тридцати километрах от Ленинграда грохочут пушки, солдаты сходятся врукопашную.

- Нас с Иваном не возьмут, можете не волноваться, - сказал папа. - И вообще, через пару недель всё закончится. Перебьют этих финнов наши танки и пушки.

- А кто же начал войну? Неужто финны полезли? - спросила мама.

- По радио говорят, что белофинны первыми обстреляли нашу границу, и наши были вынуждены объявить им войну, - уклончиво ответил папа. - Подойди-ка сюда, сынок, - позвал он меня.

Холодок подступил к моему сердцу. Подумал, что мама нажаловалась про радио. Я подошёл. Папа взял меня за плечо, притянул к себе и тихо сказал:

- Ты, говорят, с финским мальчиком дружишь?

- А что, нельзя, да? - надулся я. - Он хороший, во второй класс ходит. Он будку сам сделал!

- Я верю, сынок. Но пока идёт война с белофиннами, лучше с ним не дружить, не встречаться.

- Но он же не белый! Когда в снежки играли, так он за красных выступал, - соврал я немножко.

- Всё равно не надо встречаться. От греха подальше. Ты понял меня, сынок?

Я не понял, что папа грехом называет. Хотел молча уйти. Но он крепче сжал мне плечо и строго-строго сказал:

- Нет, постой. Ты понял меня, я тебя спрашиваю?

- Понял, - тихо ответил я. Папа меня отпустил.

Конечно, я был огорчён папиным указанием. Ведь я собирался зайти к Эрику и посмотреть его маленького щенка. А к себе я его пригласил слушать пластинки. Теперь же придётся мне сказать ему: «Не приходи». А почему? Как я ему объясню это? Ведь не могу же я сказать, что папа запретил мне с ним дружить?! В общем, как-то не хорошо получается.

* * *

Прошло три дня. Радио наше никто не чинил, оно молчало. Зато «сарафанное радио», (как папа его называл), исправно работало. К нам пришла мамина подруга тётя Оля со странной фамилией «Подкругляк». Жила она в местечке Кезево в километре от нашего дома. И только переступила порог нашей кухни, запричитала:

- Ой, что деется! Что деется! Мороз лютует, а бабы в магазин бегут, соль и спички скупают. Я тоже запаслась маленько. Бабы говорят, что ихний генерал самый главный раньше царю служил, а теперь не хочет сдаваться. На белом коне

сидит, саблей машет и кричит: «Всех русских солдат зарежем!» Вот страсти какие!

Она перевела дыхание. Мама, тётя Нюра и мы с Колькой слушали молча, не могли вставить словечко. А тётя Оля продолжала скороговоркой:

- Ещё бабы судачат, будто бы накануне войны мальчишки в снежки воевали. Команда «красных» против «белых», где одни финны были. Так эти «белые» победили «красных»! Слыханное ли дело! И зачем только они это сделали? Напророчили войну, этикие паршивцы!

- Это неправда! - вмешался Колька. - Там были «красные» и «жёлтые», а «белых» вообще не было. Мы с Витей были в команде «красных» и победили два раза, а «жёлтые» только один раз.

- Вы ещё малы, даже в школу не ходите, - не сдавалась тётя Оля. - Вы ничего не поняли, а бабы всё знают, всё понимают.

Она, наконец, сняла пальто, галоши с валенок, вошла в нашу комнату. И только здесь объявила жалостливым голосом:

- Моего-то Ванечку на войну забирают, повестку прислали, - и заплакала. Достала носовой платок, сначала высморкалась в него, потом слёзы вытерла. - Ваня велел тебя с Николаем пригласить на завтра, на проводы, - сказала она моей маме.

* * *

В конце декабря я случайно встретил на улице Эрика. Поздоровались, помолчали. Я боялся, что он позовёт меня посмотреть щенка. А Эрик вдруг задумчиво так сказал:

- Моего папу забрали. Сказали, что в армию. Но почему-то очень быстро, даже не дали проститься. И писем всё нет от него. Мы с мамой не знаем, что и думать, куда писать.

Он помолчал полминутки, разбивая комья снега ногой, и продолжал:

- Мне мама сказала: «Вите лучше к нам не приходите, и не дружить. От греха подальше».

- Так и сказала?! - удивился я. Ведь последние слова точно совпали с папиными словами о каком-то грехе, которого надо бояться.

- Так и сказала, - грустно подтвердил он. - И она права, тебе лучше со мной не встречаться.

- Но ведь после войны мы снова можем дружить? - убеждал я его и себя.

- Будем надеяться, - тяжело вздохнул Эрик, пожал мне руку и пошёл к дому. Грустный-грустный. Я долго смотрел ему вслед. Сердце у меня защемило.

* * *

Новый год мы встретили по-тихому. Радио наше молчало. Скромная ёлочка, старые игрушки, флажки, свечи, конфеты, печенье на ниточках. Песен мы не пели. Зато подарки под ёлкой нам с Тоней понравились: ей коробка с посудой для куклы, а мне набор печаток со штемпельной подушечкой. На каждой круглой печатке наклеена резинка с выпуклым рисунком. На рисунках - самолёты, танки, пушки, солдаты с винтовками, конники с шашками на боку. Ещё командиры, генералы, летящие бомбы, снаряды и взрывы. Даже были санитары с носилками и пограничник с собакой. Хороший подарок. Теперь мне одному или с Колькой можно будет разыгрывать целые сражения! Можно и Эрика пригласить.

В начале января папа, мама и мы с Тоней поехали в Ленинград на ёлку. Папе на работе выдали билеты. Встали рано-рано, чтобы на ёлку не опоздать. От нас до станции полтора километра. Папа нёс Тоню на руках, а мама вела меня за руку. Было темно. Мороз щипал нос и щёки. Хорошо, что ветра не было.

В зале ожидания работал буфет, и папа успел купить нам полосатого мармелада. Подошёл поезд, мы сели в детский вагон. На окнах двухсторонние занавески с бахромой, на стенках у каждой лавочки цветные картинки из детских сказок. Мы с Тоней обегали весь вагон, рассматривая картинки. Потом мама уложила меня и Тоню спать на лавочках. Колёса выстукивали: «На-до-спать, на-до-спать, на-до-спать». И мы быстро уснули.

Нас разбудили уже в Ленинграде. Поезд вошёл под крышу Варшавского вокзала. «Ой, мама! - удивилась Тоня. - Поезд прямо в дом заехал!» Было уже светло. Пришли к трамвайной остановке. «Дзинь-динь-динь» - трезвонил новенький, ярко красный трамвайчик. Мы с Тоней обрадовались: прокатиться в таком красивом вагончике одно удовольствие.

- Не торопитесь, это не наш трамвай, - сказал папа. - Нам нужен тридцать четвёртый.

- Как! Ещё тридцать три трамвая ждуть? - ужаснулся я. Папа хихикнул, но пояснил:

- Каждый трамвай имеет свой номер. У этого трамвая номер двадцать восемь.

Я увидел спереди, внизу вагона, четырехзначный номер, а не двойку с восьмёркой. В чём дело? Но спрашивать у папы не стал. Постеснялся. Другой трамвай был некрасивый, краска старая, потемневшая. На вагоне спереди опять стояли четыре цифры. Значит, не наш, не тридцать четвёртый. Но папа командовал: «Садимся!» Ничего не понятно.

В вагоне длинные лавки слева и справа. Под потолком две трубы, с них спускаются ремни с ручками, чтобы держаться. Тоня встала коленками на лавку, прижалась носом к стеклу. Я тоже смотрел в окно. Мы с ней первый раз в Ленинграде, нам всё интересно. Вот переехали замёрзшую речку. «Обводный канал», - сказал папа. Справа и слева пошли высокие каменные дома. Я стал считать этажи. Автомобилей было мало. Чаще встречались извозчики с пассажирами на легких, высоких санках или с поклажей на низких, широких розвальнях.

Долго ехали. Наконец, папа сказал: «Выходим». Когда вышли, я вдруг заметил спереди вагона, на самом верху, номер 34. Вот, оказывается, куда надо было смотреть! И хорошо, что не расспрашивал папу, а то насмешил бы его!

Нарядная ёлка была в большом, светлом зале, украшенном цветными флажками и воздушными шарами, которые свободно плавали под потолком. Часть зала перед ёлкой была отделена тонкой верёвкой с флажками. Перед ней столпились дети. За ёлкой, в глубине зала, на возвышении, была сцена. Там Леший и Кикимора держали Снегурочку, а Баба Яга стучала клюкой об пол и кричала скрипучим голосом:

- Отдай свой наряд! Отдай по-хорошему! Я хочу нарядиться Снегурочкой!

- Не отдам! Меня дети ждут! Дедушка! Дедушка, где ты? - жалобно кричала Снегурочка.

Тогда Леший зажал ей рот своей ладошкой, а Кикимора стала расстёгивать шубку. В это время в зале появился Дед Мороз с длинным посохом.

- Ой, беда какая! Заблудилась Снегурочка! Дети, вы не видели мою внученьку?

- Видели! Видели! Её Баба Яга поймала!

- Где? Где они??

- Оглянись, дедушка! На сцене они! - вразнобой кричали дети.

Дед оглянулся, увидел внуку и бросился выручать её.

- Ах вы, нечестивцы поганые! Вот я вас! - грозно кричал Дед Мороз, размахивая своим посохом. Баба Яга с Лешим и Кикиморой сразу же убежали со сцены.

И начался праздник. Дети кричали: «Ёлочка, зажгись!» Вспыхнули сотни разноцветных лампочек на ёлке. Ограничительную верёвку с флажками убрали, дети ринулись к ёлке. По команде Деда все стали водить хоровод и петь: «В лесу родилась ёлочка»...

Тоня тоже пошла в хоровод и пела со всеми. А я и ещё с десяток мальчиков остались у стенки стоять. Плясать и прыгать вместе с малышами нам казалось глупо.

Потом Дед Мороз лично раздавал всем подарки в красивых бумажных пакетах. В общем, хороший был праздник. Надолго запомнился.

* * *

Долгими январскими вечерами наши мамы устраивали посиделки в тётинской комнате. Вязали, штопали, вышивали, вручную шили и перешивали. Бабушка с Тоней ложились спать, а мне и Кольке разрешалось допоздна быть на таких посиделках. Мамы иногда пели протяжные, жалостливые песни, а больше говорили, делились новостями. Однажды на посиделки пришла тётя Оля Подкругляк.

- Ой, что делается, бабоньки, что я вам скажу! Что делается! - говорила она, покачивая головой. - Заходил ко мне солдатик, что с моим Ваней служил, привет передать. Его домой отпустили после ранения в голову. Так он рассказывал, будто крепости финские на какой-то линии Магарейма сплошь лесом да камнем заросшие. Ни вжисть не догадаться. Будешь рядом стоять, на тебя пушки наведены, а ты и не знаешь. Ещё «кукушки» ихние на ёлках сидят, да наших солдат постреливают. И не видать их там среди хвои.

- Какие ты страсти рассказываешь. А где же танки наши, да пушки, да самолёты? - спросила тётя Нюра.

- А пушки да танки - говорил тот солдатик - больше по дорогам ходят. Их из крепостей-то и встречают огнём. А сами белофинны в белых халатах да на белых лыжах бегают. Их на снегу и не видно. Лес для них, что дом родной. Вихрем налетят эти лыжники, наших солдат постреляют да порежут финками, да обратно в лес. Ищи их там, что ветра в поле.

- Что же, солдат этот считает, что финнов не победить? - вставила мама словечко.

- Ну, нет, бабоньки, что вы! Так он не говорил. «Понемножку берём у них то одну, то другую крепость, вперёд продвигаемся, - рассказывал он. - Только солдат наших много теряем. А сколько ещё обмороженных, да простуженных! Ведь морозы-то лютые!»

Мы с Колькой слушаем, рты разинув. Боимся пропустить хоть словечко. Мне представляются стены крепости, заваленные камнями. А сверху, на стенах, всё ёлки да ёлки в снегу. И стволы пушек торчат из-под веток, едва различимые. А на ёлке «кукушка» прячется. Крикнет сверху «Ку-ку», кто из наших солдат поднимет голову посмотреть, тому и пулю в лоб. Даже слушать тётю Олю страшно становится. Это тебе не в снежки играть!

- Витя, пойдика, чайник поставь на керосинку, пусть прогреется, - обратилась мама ко мне.

Отложили рукоделье, все попили чаю с клубничным вареньем, присланным Колькиному папе из Псковщины. Поговорили о болезнях, о целебных свойствах чайного гриба и о том, проведут ли когда-нибудь к нам электричество.

Вдруг с улицы постучали в окошко. Мама и тётя Нюра вышли на улицу. Оказывается, это был контроль светомаскировки. Через тётю-Нюрино окно, плохо закрытое одеялом, пробивался свет. А это нарушение маскировки, могут и штраф наложить. Тётя Нюра быстро подоткнула все щели, а мама проверила с улицы - всё ли в порядке.

Я снова пошёл греть чайник. Когда ещё выпили по кружке чаю, тётя Оля взглянула на часы-ходики и сказала:

- Ну, спасибо вам за угощенье. Хорошо тут у вас, да уже десять часов. Домой пора.

Когда она ушла, я спросил маму:

- Зачем нужна эта светомаскировка?

- Считается, что если прилетят вражеские самолёты, то сбросят бомбы на свет. А света не будет, то и бомбить не станут.

- Но, ведь, ни разу к нам не прилетали финские самолёты!

- И слава Богу, что не прилетали. А маскироваться нам не трудно, раз война требует, - пояснила мама.

* * *

На крещенские морозы бабушка Фима опять собралась «плешивых считать» Она верила, что если за одно утро ей удастся вспомнить сорок лысых, плешивых, с проплешинами и залысынами мужчин, которых она встречала или знала по разговорам за свою долгую жизнь, то морозы спадут, и солдатикам на войне будет легче.

Первые две попытки окончились неудачей, так как бабушка смогла насчитать первый раз только 32 имени, а второй раз 35 имён вместо сорока. Тогда она очень расстраивалась, ходила задумчивая, рассеянная. Мы с Тоней, конечно, ей сочувствовали. Видимо, за последнюю неделю она ещё кого-то вспомнила, раз решила на новую попытку.

После завтрака она усадила меня и сестру за стол, достала свой заветный мешочек с сорока бобами, перекрестилась на икону в переднем углу.

- Ну, начнём, благословясь, - сказала она. Достала из мешочка первый боб, назвала первое имя «Петя Гордин из Реполки» и отложила боб в пустую тарелку.

Сначала она вспомнила всех плешивых из своей родной деревни Реполки, потом вспоминала поочерёдно из других деревень и посёлков - Селища, Верести, Соснова, Сосниц, Извары и так далее. Мы с Тоней следили, чтобы не было повторов. Из предыдущих попыток мы много имён запомнили и частенько подсказывали бабушке, если она забывала кого-то. Первые бобы попадали в тарелку один за другим, но после двадцать пятого дело застопорилось. Вспоминать становилось всё труднее. Проходили минуты, десятки минут и часы. Время приближалось к обеду, когда в тарелке набралось 38 бобов. Всего два имени не хватало! И так обидно было бы сдаться, не достигнув цели!

Бабушка морщила лоб, всё чаще шептала молитвы, крестясь на икону. Умоляла, просила: «Господи, помоги!» Я тоже охватил виски своими ладонями, смотрел в одну точку и думал, думал, думал. И вдруг меня осенило:

- Бабушка, я вспомнил! Ведь дедушка Ленин был лысый!

- Верно, верно, касатик! И как же мы сразу не вспомнили про него?

Она уже стала доставать из мешочка боб на него, но вдруг опомнилась:

- Погодь-ка, Витенька. Он же в Господа Бога не верил! Ленин-то наш! Никак не можно приглашать такого к Божескому делу!

- Почему ты думаешь, бабушка, что он не верил? Он же хороший! - удивился я.

- Дык, ведомо! Большевик он! Все они говорят: «Бога нет! Бога нет!»

Опять мы стали думать-гадать, где бы наскрести парочку лысых. Снова потекли томительные минуты. Тоне всё это наскучило. Она пошла с куклой играть.

- Ещё папа у Эрика, кажется, лысый, - неуверенно сказал я.

- Ведомо, лысый. Сама видала. У них вера другая, не православная. Бог тоже, поди, другой. И война идёт с ними.

- Но если ослабнут морозы, всем будет лучше, - заступился я. - Пусть и финский Бог поможет.

Бабушка удивлённо смотрела на меня, как будто впервые увидела.

- А ведь правда твоя, голубок! Умную головушку тебе дал Господь, - погладила она мои кудри и полезла в мешочек за бобом. - А как же зовут Эрикиного папу?

- Не знаю, бабушка. Эрик не говорил.

- Ну, так и назовём его - «Эрикин папа», - решила бабушка, откладывая боб в тарелку.

И тут я радостно закричал, даже Тоня прибежала:

- Вспомнил! Вспомнил, бабушка! Есть сороковой! Это продавец в нашей булочной! Он совсем лысый, а зовут его Еремей Борисович!

Бабушка в нашу булочную никогда не ходила, продавца не знала, но мне сразу поверила.

- Назовём его «Булочник Еремей». - Отложила последний боб в тарелку, облегченно вздохнула и засмеялась, как маленькая девочка, получившая заветную игрушку.

- Будет у нас праздник сегодня, - радовалась она. - Блинов напеку, варенье достану.

И только потом, успокоившись, обратилась она к иконе. Прочитала «Отче наш», а закончила простыми словами, словно обращалась к хорошему, верному другу:

- Спасибо тебе, Господи, что услышал меня. И от солдатиков наших спасибо.

Через несколько дней морозы действительно стали слабее. Но зато завьюжило, ветры завывали. Может быть, это было простым совпадением? Как знать, как знать...

* * *

В середине марта повеяло весной. Улыбалось солнышко, снег у заборов осел. Сосульки днём начали плакать. Папа из Ленинграда приехал довольный, улыбочивый. Обычно он привозил в своём чемоданчике свежий хлеб, нарезной батон, иногда баранки и палку колбасы. Конфеты привозил редко. Но мы с Тоней всё равно, завидев его, бежали навстречу. Прыгали к нему на руки, тёрлись о его колючие щёки. Потом отбирали у него чемодан и бежали домой, чтобы скорее открыть у чемодана застёжки. На этот раз папа привёз не только конфеты с баранками, но и целый килограмм оранжевых мандаринов! Такие душистые, вкусные у них дольки!

- Всё! Конец войне! - громко сказал он маме. - Наши взяли Выборг и подписали мир с финнами.

- Слава тебе, Господи! - перекрестилась бабушка.

- А кто победил? - задал я глупый вопрос.

- Наши, конечно! - щёлкнул меня по носу папа. - Теперь граница будет за сто сорок километров от Ленинграда.

- Ура! - закричал я. - Теперь я снова могу дружить с Эриком!

Папа строго посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но махнул рукой, промолчал.

* * *

Через пару дней появился наш сосед по дому, командир Красной Армии, Райкин папа. В белом полушубке, весь в скрипучих ремнях, наган на боку. Кивком головы поздоровался с мамой и тётёй Нюрой, и, молча, прошёл к себе на веранду. Когда Райка вышла на улицу с нами играть, я спросил у неё:

- Папа твой был на войне? Как там, страшно было?

- Папа мой всех врагов победил, вот! А больше говорить не положено, - высокомерно заявила она.

- Как это? - не понял я. - Кто не положил? Куда не положил?

- Ты что, дурной? - покрутила Райка пальцем у виска. - Когда нельзя, тогда военные говорят: «Не положено». - Она достала носовой платок, накрыла им палец и стала ковырять в носу. Колька поморщился.

- Палец сломаешь! - хихикнул он.

- Не твоё дело, скобарь! Мой палец, что хочу, то и делаю!

Это было оскорбление. Колькин папа, дядя Ваня, был родом со Псковщины. Поэтому Кольку мальчишки частенько дразнили: «Скобарь скобской, набит треской. Треска трещит, скобарь пищит». Колька сжал кулаки, пошёл на Райку:

- Сейчас я врежу тебе, будешь знать.

- Ой, испугал! Только тронь, попробуй! - храбрилась Райка. - Вот папе скажу, а у него наган!

Это правда. Теперь нет войны, у Райки появилась защита. Её папу с наганом мы тогда боялись.

- Ну, погоди! - грозно прошипел Колька и пошёл домой. Я и Райка тоже пошли домой.

* * *

В комнате папа брился перед зеркалом опасной бритвой. Он держал бритву тремя пальцами, как щепотку соли. При этом мизинец стоял вертикально, словно часовой на посту. Обычно я любил смотреть, как папа бреется, ловко снимает мыльную пену со щёк, а щетина трещит под бритвой. Но в этот раз я сердито бросил шапку на кровать. Не снимая пальто, лёг спиной на сундук, руки заложил под голову.

Папа видел, что я не в духе. Но спокойно закончил бриться, умылся под раковинами, убрал бритву и помазок. Потом присел на край сундука и сказал:

- Ну, выкладывай, какие кошки тебя грызут? Кто тебе насолил?

От неожиданности, я сел на сундуке и выпалил:

- А чего она задирается?!!

- Кто задирается?

- Да Райка эта! Меня дурнем назвала и пальцем у виска покрутила, а Кольку скобарём обозвала!

- Может, сначала вы обидели девочку?

- Что ты, папа! Я просто спросил, трудно ли на войне было её папе? А она закричала: «Не положено! Рассказывать не положено!» - и давай обзывать.

Папа помолчал немного. Обнял меня за плечи, вздохнул и сказал:

- Нервная девочка. Не любит расспросов. Её папа и мама тоже не любят расспросов, потому и не общаются с людьми. Видимо, к этому есть причина. И дочку учат поменьше общаться. Вот и становится она диковатой и нервной. Её, скорее, пожалуй надо, посочувствовать. Ведь ей так одиноко без друзей и подруг!

- А я знаю причину, - похвастал я, почесав затылок.

Папа удивлённо уставился на меня:

- Чего, чего ты знаешь? Откуда?! Уж не бабка ли Фима тебе нагадала?

- И совсем не бабушка, а Колька мне рассказал. Ещё летом он слышал, как дядя Ваня шептал тёте Нюре: «Кажется, с его братом что-то случилось. Вот он и боится расспросов....»

- Мало ли, что кому кажется. А точно никто не знает. И знать нам незачем.

Папа помолчал полминутки, потом тихо спросил:

- Вы с Колей кому-нибудь говорили об этом?

- А кому говорить-то? Кто ерунду будет слушать? Было бы что-то важное, интересное.

- И правильно, - одобрил папа. - Пословица есть: «Молчание - золото, разговор - серебро». Лучше держать язык за зубами.

Он встал, потянулся, разминая косточки, и шутливо погрозил мне пальцем:

- А подслушивать нехорошо, так и скажи своему Кольке.

Я хотел возразить, но он быстро ушёл на кухню.

* * *

При первом удобном случае я побежал к дому Эрика. На сердце было тревожно. «Как-то он встретит меня? - думал я. - Что с его папой? Есть ли письма от него? Сидит ли щенок в новой будке?» Дом Эрика я сразу нашёл. Но что это? Окна были закрыты ставнями и заколочены досками крест-накрест. На дверях висел огромный замок. Под навесом стояла пустая будка. Мимо дома шла женщина с ведром.

- Тётяшка, не знаете, куда переехали Эрик и его бабушка Акка? - спросил я.

- Не знаю, милоч, не знаю. Они как-то быстро и тихо уехали. Может быть, в соседних домах что-нибудь знают?

Я пошёл к дому справа - там до хрипоты залаяла собака. Страшно даже к забору подойти. Пошёл к дому слева. Там было совсем тихо. С дороги к калитке в заборе и от калитки к дому не было тропинки, не было следов. Похоже, что зимой там никто не жил, а только летом жили. Мне стало не по себе. Страх засосал под ложечкой. «Может быть, здесь виноват тот самый, не понятный мне грех, которого так боялись мой папа и мама Эрика? И от которого мне велели держаться подальше?» - подумал я и торопливо зашагал домой. Папе и маме не доложил. Рассказал только бабушке.

- Свят, свят, свят! - перекрестилась бабушка. - Спаси, Господи, и помилуй их души! Отведи от них лихо!

Так и осталось для меня загадкой, что же случилось с семьёй Эрика. Я поскуцнел, стал задумываться. Видимо, повзрослел немножко.

* * *

В апреле к нам приехала моя крёстная, папина сестра, Полина Фёдоровна. Ещё зимой я случайно услышал, как папа сказал моей маме: «Полька-то рехнулась! Меня не послушалась. Сама полезла в это пекло!» Какое такое пекло имел он в виду? И кто такая Полька? Я тогда не понял. Но очень удивился, что кто-то может не послушаться моего папу. И вот теперь она, «непослушная», приехала к нам. В военной гимнастёрке и в юбке защитного цвета, с широким, хрустящим ремнём на поясе. Молодая, красивая и весёлая моя крёстная! Мы с Тоней облепили её и не хотели из рук выпускать. Она принесла нам праздник весны, праздник мира и радости! Она единственная из моих близких родственников была на финской войне. Медсестрой была. Раненым помогала. Как говорится, «понюхала пороху».

Она подарила мне настоящую «будёновку» (шлем со звездой), детскую саблю и пистолет с коробкой пистонов. А Тоне - новую куклу с «закрывалишными» (как называла сестрёнка) глазами. Ещё привезла нам конфеты, мармелад и мандарины. Ну как же нам не любить её?!

После той войны крёстная стала работать в посёлке Кикерино в детском саду (тогда он назывался «Очаг»). Она рассказывала папе и маме, как хорошо и полезно для развития ребёнка посещать такой очаг. Но мама ответила:

- Нам это не надо. У нас бабушка пока ещё в силах присматривать за детьми.

Сразу после обеда крёстная стала учить нас плясать «русского» с бодрым припевом: «Мы в лесу дрова рубили, рукавицы позабыли, топор, рукавицы, рукавицы и топор». Потом «Барыню» под припев: «Во поле берёза стояла». Потом «Лезгинку» под припев: «Ойся да ойся, ты меня не бойся. Я тебя не трону, ты не беспокойся». Тоня схватывала всё на лету, быстрые ножки её так и выделявали кренделя. А я был неуклюжим в танцах, ноги не слушались.

Крёстная поковырялась в чёрной тарелке репродуктора, что-то там поправила - и радио заговорило! Мы не отпускали её от себя, не давали даже поговорить со взрослыми. Только когда нас уложили спать, они наговорились вволю на кухне. Ночью я встал в туалет и услышал, как крёстная сказала папе: «Всё это была репетиция. Настоящая схватка ещё впереди. И, может быть, скоро». «Я тоже так думаю», - ответил папа. Я не знал, что такое «репетиция» и не придал значения их словам.

Крёстная спала на полу. Мы с сестрой, как только проснулись, сразу перебрались к ней под одеяло. По радио стали слушать рассказ о том, как собака помогала пожарным спасать людей. Она бросилась в горящий дом, нашла годовалую девочку и вынесла её, держа зубами за платье. Потом снова бросилась в жаркое пекло и вынесла большую куклу. Вот какие бывают собаки! Мы с Тоней

были в восторге. А после завтрака мы с крёстной сели за стол и написали письмо в радиокомитет о том, что мне и сестре понравилась храбрая, умная собака.

К вечеру я, Тоня и мама пошли провожать крёстную до самой станции. По дороге она ещё научила нас очень красивой песне:

Утро красит нежным светом

Стены древнего Кремля,

Просыпается с рассветом

Вся Советская земля.

Холодок бежит за ворот,

Шум на улицах сильней.

С добрым утром, милый город,

Сердце Родины моей!...

Счастье переполняло меня. Все тревоги зимних месяцев улетучились, как дым.

Через месяц почтальон расспрашивал бабушку Фиму - не здесь ли живёт Виктор Николаевич Васильев? И бабушка никак не могла взять в толк, что это МНЕ ЛИЧНО пришло письмо из радиокомитета! Меня и Тоню благодарили за наше письмо и за то, что мы любим рассказы и сказки. Я гордился, хвастался мальчишкам на улице!

* * *

После разговора с папой я стал лучше относиться к соседке. Стал называть её Раей. Однажды я даже встал на её сторону, когда она о чём-то поспорила с Люсей. В ответ Рая наградила меня благодарным взглядом. Колька тоже перестал к ней придираться.

Как-то в мае я сидел на бревне за дорогой и мастерил рогатку. Ко мне подошла Рая с тонкой книжечкой для детей.

- Витя, - обратилась она ко мне, - ты умеешь читать. Прочитай мне, пожалуйста, эту книжечку. Я запомню и расскажу маме, как будто я прочитала. Она давно ждёт, что я сама научусь читать, как ты. А у меня не получается.

В книжке был коротенький рассказ про мальчика с вредной привычкой лизать предметы из металла. Однажды, в морозный день, он лизнул дверную скобу на крыльце и приморозил язык. Ревел он страшно. Пришлось дворнику поливать из горячего чайника на скобу, чтобы оттаял язык. Книжечку я прочитал, Рая была довольна.

В тот же день она вывела свой самокат и сказала мне:

- Катайся, сколько хочешь. И Коле можно кататься.

Глава 2. ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

ЗАПОМИНАЙ, СЫНОК

Две новые песни особенно часто пели в лето сорокового года. Это «Катюша» и «Если завтра война». Девчонки любили петь ласковую «Катюшу», а мы, мальчишки, военную песню. Под неё хорошо было маршировать босиком по пыльной дороге и орать во весь голос, распугивая воображаемых врагов.

Как-то я предложил папе:

- Давай, вместе споём? Громко-громко!

Папа посмотрел внимательно, посадил меня на одно колено, как маленького, и тихо сказал:

- Я не люблю крикливых песен о войне. Там люди убивают друг друга. Война - страшное зло, много страданий и горя.

- Это врагам будет плохо, - возразил я. - Что же, мне бояться их надо?

- Ну, нет. Бояться не надо. Просто живи и радуйся мирным дням. И старайся запомнить всё хорошее, что видишь вокруг.

Я слез с папиной коленки и пошёл на улицу. Не поверил ему тогда. Ведь крёстная весёлая и довольная приехала к нам с финской войны. Значит, хорошо врага побеждать! А радоваться мирной жизни я умею, в этом я с папой согласен. Тем более, что вокруг было так много интересного!

* * *

Мама пошла к Красновым за длинными спицами для вязания больших «оренбургских» платков. Взяла с собой и меня с Тоней. У Красновых была большая комната с двумя окнами, своя отдельная кухня с широкой плитой. Когда мы вошли, тётя Вера, Люсины мама, строчила на швейной машинке. Люся подметала веником пол, а её сестрёнка Аня стояла на скамеечке у раковины и мыла посуду. Все были при деле.

- Вот, посмотрите, - сказала моя мама, - как надо помогать родителям.

- А мне бабушка не даёт, - ответила Тоня.

Красновы бросили свои дела и подошли к нам.

- Ой, смотрите, кто пришёл! - присела тётя Вера около Тони. - Тосики-курносики, задавать вопросы! Да как подросла-то, скоро брата догонишь! Вот, познакомься, - это моя Анечка. Она на полгода младше тебя. Анечка, - обратилась она к младшей дочери, - покажи Тосе свои игрушки.

Аня смело взяла Тоню за руку, повела показывать своё богатство.

- Сейчас я чай разогрею, - сказала тётя Вера моей маме.

- Не суетись, не надо чаю. Давай, сразу о делах, - ответила мама. - Расскажи, как ты стираешь и сушишь большие платки. И спицы прошу одолжить, если сможешь.

Обе мамы удалились в комнату, а мы с Люсей пошли на улицу. Возле сарая мы увидели трёх девочек и одного мальчика нашего возраста. Они играли в прятки. Люся познакомила меня с ними: Зина, Нина, Полина и Боря. Мальчик был худощавый, выше меня, остроносый, рыжий, весь усыпан веснушками. Водить должна была шустрая, бойкая Зина. Она встала у берёзы, закрыла глаза ладошками, начала считать. Все побежали прятаться. Люся потянула меня за рукав к двум железным бочкам с водой. Через щель между бочками хорошо наблюдать за водящим, чтобы вовремя выскочить, добежать до берёзы и отстукаться. Я был как охотник в засаде. Нетерпение и азарт волновали меня. А когда нечаянно коснулся рукой Люсиного плеча под ситцевым платьем, меня

словно током ударило. Я отдёнул руку, сердце забилось чаще, и жар подступил к лицу. Но через несколько секунд рука сама потянулась к её плечу. А Люся своей ладошкой охватила моё плечо. И так мы оказались лицом к лицу, держа друг друга за плечи. Мы часто дышали и руки наши дрожали. Лица наши сближались. И вот, Люся коснулась губами моей щеки, а я поцеловал её щеку. (В губы мы не могли целоваться - носы нам мешали). Дальше мы не знали, что делать, даже начали успокаиваться. Но вдруг раздался истошный, радостный Зинкин крик:

- Аааа! Вот они!!! Тили-тили-тесто! Жених и невеста! Тили-тили-тили, мы их уличили!

Радость её была безгранична. Она приплясывала! Сбежались и другие участники игры, и все радостно вопили про жениха и невесту. Люся бросилась с кулаками на Зинку. Та - бежать, Люся - за ней Я погнался за Борькой. Ноги у него длиннее, догнать его трудно. Он умудрялся оглядываться на бегу и дразниться! Это-то и помогло мне почти догнать Борьку. Но он успел вскочить на крыльцо и скрыться за дверью. Я подёргал дверь - заперто. Спустился с крыльца, глянул на окна. В одном открылась форточка, а в ней - бесчисленные веснушки да озорные зеленоватые глаза. Казалось, что сами глаза кричали весёлую дразнилку: «Тили-тили-тесто, жених и невеста! Тесто засохло, невеста оглохла!»

Мне уже расхотелось сердиться. Я улыбнулся, погрозил Борьке кулаком и пошёл восвояси.

«Ничего, - думал я. - Узнаю тебя из тысячи».

* * *

Летом мама работала в Доме отдыха через день, но зато в две смены. Приходила домой очень поздно. Бабушка не понимала, отчего так получается.

- Это потому, - объяснял папа бабушке, - что с июня 1940 года вся страна перешла на восьми часовой рабочий день (вместо семи часового). Ещё отменили «шестидневку» и ввели семидневную рабочую неделю с одним выходным в воскресенье.

- Слава тебе, Господи! - крестилась бабушка. - Хушь неделю Божью воротили. Ишь, удумали было антихристы взамен понедельника - первый день шестидневки. Взамен вторника - второй день шестидневки. Выходной - шестой день шестидневки. А воскресенье Христово и вовсе убрали, - ворчала бабушка себе под нос.

Как-то в свой выходной мама сказала мне:

- Ты любишь путешествовать?

- Конечно, люблю. А куда? И с кем?

- Завтра пойдёшь один ко мне в Дом отдыха. Я тебе как-то показывала дорогу.

- Ура! - закричал я.

- Я тоже хочу! - захныкала Тоня.

Мама посмотрела на меня, усмехнулась:

- Как, сынок, возьмёшь сестрёнку?

- Возьму, если реветь не будет.

- Сам СПЕРВА не ЗАРЕВИ, - обиделась Тоня.

Я очень удивился:

- Ну-ка, ну-ка, скажи - РОЗА, РЫБА, РАДУГА?

- РРОЗА, РРЫБА, РРАДУГА!!! - обрадовалась Тоня.

- Когда же ты научилась «Р» говорить?

- Не знаю, я не заметила.

- Мама, ты слышала? - спросил я.

- Рррастёт ррребёнок, - пошутила мама и погладила сестрёнку по голове. Помолчали.

- А зачем идти туда, мама? - поинтересовался я.

- Возьмёшь мой обед за вторую смену и принесёшь домой в судке. Ты у меня уже большой, скоро семь лет будет. Надеюсь, что не заблудишься.

На другой день бабушка накормила нас завтраком, помыла, убрала посуду и проводила нас до спуска к речке. К пешеходному деревянному мосту с перилами мы спустились одни. Перешли на другую сторону речки. На тот берег поднималась крутая, деревянная лестница с широкими ступеньками и тремя площадками для отдыха. На каждой просторной площадке буквой «П» стояли три лавочки со спинками, за которыми были длинные ящики с живыми цветами. С верхней площадки открывался чудный вид на песчаные, обрывистые берега красавицы Оредежи. Мы сидели на лавочке и во все глаза любовались, будто хотели навсегда запомнить эту картину. Но надо было вставать и дальше идти.

Когда подошли к Дому отдыха, нас увидела тётенька и спросила:

- Вы кого-нибудь ищете?

- Васильеву Анастасию Павловну, кухарку, - ответил я.

- Пойдёмте со мной, - сказала тётя и отвела нас в подсобное строение. - Павловна, встречай гостей! - крикнула она в пространство.

В сторонке от входа сидел на табуретке бородатый мужчина. Он что-то делал с блестящими железными банками. Такими, как у мороженщика на тележке. Когда подошла мама, я спросил у неё про банки. Она подвела нас к бородачу:

- Егорыч, угости-ка моих мороженым.

- Для тебя всегда готов, Настасья Павловна.

Пока мама ходила наполнять наш судок, Егорыч взял два блюдца, положил на каждое по три шарика мороженого, да ещё полил их красным сиропом. Дал нам по чайной ложке.

- Ешьте не торопясь. Сначала подержите кусочки мороженого во рту. Дайте им согреться, а уж потом глотайте. Иначе горло может заболеть.

Такой вкуснятины мы ещё не пробовали! Раньше мы знали только круглое мороженое с именными вафлями. Несмотря на предупреждения, мы с мороженым очень быстро управились.

Судок из трёх небольших кастрюлек был не тяжёлый, нести его было удобно. Не доходя до спуска к речке, Тоня сказала:

- Давай посмотрим, что в кастрюльках?

Мы нашли плоский камень на обочине дороги, уселись на него. В верхней кастрюлке была гречневая каша, в средней - десяток ещё тёплых котлет и случайно забытая ложка на дне. А в нижней кастрюлке был душистый гороховый суп. У нас тут же разыгрался аппетит. Но ложка только одна!

- Давай, сначала я поем, а потом ты, - предложил я. Но Тоня не согласилась:

- Ждать не интересно. Давай по очереди. Ложку каши тебе, потом ложку мне.

Так и сделали. Ложку передавали друг другу не облизывая. Обычно дома мы ели кашу из-под палки. А здесь так увлеклись, что не замечали прохожих, ели у всех на виду. Видимо, наш «пир на обочине» заметил кто-то из маминых знакомых и рассказал ей. Когда мама вернулась с работы, Тоня уже спала. Мама так живо рассказала бабушке, как азартно мы уплетали кашу одной ложкой, перепачкав свои носы и щёки, что мы все трое долго смеялись. Потом мама сказала мне:

- А вообще-то вы молодцы. Теперь вам через день придётся ходить ко мне. И берите с собой две ложки, раз вам нравится обедать на воздухе. Только с дороги отойдите в сторонку, где пыли нет.

* * *

В доме через дорогу появились два новых мальчика - дачники. Младшего звали Алик, ему шесть лет было. Ходил всегда в белой панамке и с сачком для ловли бабочек. Но сам не ловил, а просил кого-нибудь, чтобы ему поймали. Потому что боялся упасть, ушибиться. Гогочка, одним словом.

А старший брат его, Дима, был не таким. Он много знал, много умел. В седьмой класс перешёл. На взрослом велосипеде он снял седло и привязал обычную подушку на раму, чтобы доставать до педалей ногами. Лихо гонял, выделывая круги и восьмёрки. Он с ребятами, даже младше себя, общался как с равными - дружелюбно и просто. Не задирая носа. С увлечением принимал участие в наших играх в лапту, в штандер, в «казаки-разбойники». Мог с удовольствием гонять жестяной обруч с проволочным водилом. Иногда играл в «перевёртыша». Это такая игра на мелкие деньги. Выбиралась ровная площадка с твёрдой землёй. На кон стопкой ставились монеты «орлом» вниз, а «решкой» - вверх. Медные алтыны (три копейки), пятаки или белые «Гришки» (гривенники) - как договорятся участники. За десять шагов проводилась черта. С неё надо было бросать свою битку, чтобы установить очередь. Чья битка ляжет ближе всего к стопке монет, или даже попадёт в стопку, тот бьёт первым. Если после удара биткой монета перевернётся «орлом» (то есть гербом) вверх, то игрок забирает эту монету себе и продолжает бить другие монеты. У каждого была своя битка. Особо ценились свинцовые «лепёшки» с колечком, служившие грузилом у рыбаков. У меня был плоский камень, найденный на реке, а у Кольки - наружное кольцо от подшипника. Дима быстро освоил эту игру, часто выигрывал. Но охотно раздавал свой выигрыш тем, кто попросит.

Однажды к играющим подошла ватага ребят от 12 до 15 лет во главе со Стёпкой Оладушкиным, который считался известным хулиганом в округе.

- Да никак тут деньги делают! - обратился он к играющим. - А ну-ка, дайте и мне богатеньким стать.

Мелюзга, включая нас с Колькой, сразу разобрала свои алтыны и отошла в сторонку. Только Дима оставил свою монету.

- Забирай, забирай свой алтын. По двугривенному не хо-хо?! - ехидничал Стёпка.

Его ватага стала укладывать в стопку двадцати копеечные монеты. Положил свой двугривенный и Дима. Не побоялся. А мы за него боялись, замерли в ожидании: «Придерётся Оладушка к чему-нибудь, и отлупят они Диму. Вон, сколько их тут!»

- Ты что же, новенький? Из дачников? - удивился Стёпка.

- Из дачников, - подтвердил Дима.

С первым же броском из-за черты битка Оладушки попала в стопку монет, две из них перевернулись. Он подошёл и ловкими ударами битки заставил перевернуться все остальные монеты. Даже бросить свои битки никому не пришлось.

- Учись, дачник, как надо играть, - сказал Оладушка. - Впрочем, это был мой показательный номер. Все заберите свои монеты, я добрый сегодня.

Его ватага быстро разобрала монеты, только Дима не взял. Лицо Оладушки стало суровым. Он цикнул слюной сквозь зубы прямо под ноги Диме:

- Такие мы гордые, да? И брезгливые? - сказал он строго.

- Да брось ты, - просто ответил Дима. - Проигрывать тоже надо уметь. Без сожаления и печали.

- Ну-ну, коли так, - примирительно закончил Оладушка. Лицо его посветлело. Он протянул Диме руку. Дима пожал её. Мы облегчённо вздохнули, всё кончилось миром.

Оладушка со своей ватагой ушли, а мы продолжили играть в прежнем составе.

В тёплые ночи мы спали с открытой форточкой. Приятно просыпаться на зорьке с первыми птицами. В форточку льётся запах сирени под нашим окном. Слышен дальний крик петуха, потом второй, третий. Нет прохожих, и собаки ещё не лают.

Если я проснулся таким утром, то уже не стараюсь снова заснуть. Начинаю мечтать, лёжа на своём сундуке. Конечно, о Люсе. Вот так и вижу, как её лицо приближается к моему. Всё ближе, ближе. Я даже чувствую её дыхание, её поцелуй на моей щеке. Сердце громко стучит и тает, как в песне поётся: «И кто его знает, зачем оно тает, зачем оно тает?» А я теперь знаю, зачем оно тает.

После той встречи за бочками я два раза ходил к Люсиному дому, но оба раза напрасно - их не было дома. От этого нетерпение и мечты мои по утрам больше ещё разгораются. То представляю, как я на ромашке гадаю - любит-не любит, и всё время выходит, что любит. То я спасаю её от рыжего хулигана. То покупаю ей на свои сбережения самую большую шоколадку в вокзальном буфете. Я даже слова в песне меняю «Любушка» на «Людушка» и представляю, как мы идём от вокзала домой. Люся двумя руками держит огромную шоколадку, а я ласково пою:

«Люда- Людушка, Людушка- голубушка,

я тебя не в силах позабыть»

И пусть прохожие видят и слышат всё это. Пусть мальчишки и девчонки дразнятся «тили-тили тесто», а мне не стыдно - пусть завидуют...

Но вот Люся берёт меня за плечо, почему-то трясёт меня и громко зовёт: «Витя, Витя, вставай!». Я открываю глаза и вижу, что это мама будит меня.

* * *

В тот же день я снова пошёл к дому Красновых. И опять на дверях увидел замок. Расстроился, сел на крыльцо. Вдруг увидел Борьку рыжего. Он подошёл ко мне:

- Что, к невесте пришёл?

- А ты что, подрасться хочешь? - ответил я.

- Ладно, не пыхти, - сказал Борька и сел рядышком. - Уехали они. Всей семьёй уехали. Наверно, до августа. Ведь нам с Люсей надо будет к школе готовиться.

Он помолчал. Откинулся спиной к перилам крыльца. Уставился взглядом в небо и вдруг признался:

- Честно говоря, мне тоже нравится Люся. И давно. Только она меня не замечает.

Я хотел сказать: «Сочувствую». Но промолчал. Борька достал платок, высморкался, вздохнул и тихо сказал:

- Витя, это правда, что у тебя бабушка - ведьма?

Я вскочил, как ошпаренный:

- Ну, держись, гад! Сейчас в ухо получишь!

- Да остынь ты. Сядь лучше. И не думал я обижать твою бабушку. Наоборот, я помощи хотел попросить.

Я снова сел на крыльцо, но обида ещё не затихла.

- У моей мамы рана не заживает на ноге. К врачам ходила, к бабкам разным, да всё без толку. Вот я и говорю, может быть, твоя бабушка поможет?

- Так бы и говорил. А то «ведьма», «ведьма». Думай, что говоришь.

- Ну, виноват. Не сердись. Я не знал, как назвать её, - закончил Борька.

Я рассказал ему, как нас найти, и пошёл домой. Рассказал бабушке о Борькиной просьбе.

- Пущай приходит. Поглядим, что у неё.

БАБУШКА ФИМА

Я всё думал о том, как же правильно называть мою бабушку. «Ведьма», конечно, плохо. Но и «колдунья» тоже не лучше. «Ворожиха?» Но та на картах ворожит, или ещё на чём. Будущее угадывает. И вот, когда бабушка справилась по хозяйству, надела очки и стала вязать носок за столом, я набрался храбрости.

- Бабушка, - робко начал я, - один нехороший мальчишка сказал, что ты «ведьма». Я, конечно, поддал ему за это.

Бабушка сразу догадалась, что волнует меня.

- Окстись! Бог с тобою, милоч! Ведьмы и колдуны с нечистой силой, да с сатаной якшаются, у них подмоги кланчут. Я же служу Господу Богу нашему, его милостью помогаю людям. Как бы услужница Божья. И пуцай кличат меня, как хочут. Ведома присказка: «Хоть горшком назови, токмо в печку не ставь»

- Бабушка, раз ты услужница Божья, значит, ты святая?! Когда ты помрёшь, тебя в икону вставят?

- Эвон, куды хватил ты! Кака така святая?! - Бабушка сняла очки, отложила вязанье. Уставилась на меня:

- Грешна я пред Господом, голубок. Одни младенцы святы.

«И правда, грешна бабушка, - подумал я. - Вчера чай наливал из чайника в стакан, а он взял да и лопнул. Сам лопнул, на зло мне. Так бабушка закричала: «Ах ты, негодник! Фулюган! Всю скатерть завазгал!» Я чайник поставил и убежал в кухню плакать за напраслину».

- Вот и ты помянул мой давешний грех, - грустно сказала бабушка.

Я вытаращил глаза от удивления:

- Бабушка, как ты узнала, о чём я думал? Я же вслух ни слова не говорил!

- Поживи с моё, голубок, и тебя умудрит Господь по лицу думы ведать.

Бабушка помолчала, как будто с мыслями собиралась.

- Смолоду я бойка была, много грешила. У подруги дролю отбила. Со свекровью не ладила. А на работу лиха была. Всё горело в моих руках. Двух сынов да дочку подняла. Вот медведя сгубила невинного, так до сей поры каюсь, прости, Господи.

- Это как же, бабушка?

- Пошла, было, в лес, за груздями. Кузов большой за плечами, палка в руках. Токмо перешла я Большу Делянку, - рябина стоит, красна от ягоды. А на ветках-то зверь сидит. Медведь, значит. И загребает лапами гроздь да в рот, всё в рот. Ижно слышно, как чавкает. Подивилась я. Мне бы, дурёхе, пройти стороной. Да озорство-то, бесово, на ухо шепчет: «Напужай, зверя! Напужай, глупого! Хохотнёшь, как о землю брякнется!»

- Как же может медведь тебя испугаться? - не поверил я.

- Скинула кузов пустой, - продолжала бабушка, - да как хлопну палкой по кузову! Громко и резко так вышло, будто выстрел. А я ещё ору что есть мочи: «Ааааа!!! Медведь-то совсем очумел. Мешком на землю свалился, вскочил да бегом в ельник! Токмо треск пошёл! И след за ним стелется, кровавый понос пробрал. - Бабушка взяла стакан, выпила глоток воды.

- А что дальше было? - спросил я нетерпеливо.

- Мне уж не до смеху. Смекнула вдруг: а ну, как не напужался бы Мишка, да на меня пошёл бы? Ни ружья у меня, ни ножа, ни рогатины. А бегаёт он быстрее меня. Как есть, заломал бы дуру-бабу. Не до груздей мне стало, домой пошла. Рассказала сыну - Павлу, деду твоему, царствие ему небесно. (Дедушка Паля умер в январе 1939 года). Ещё два мужика там были, Павловы приятели. Не верят мне.

- Складно врёшь, Афимья, - сказал сосед Аким. - Где тако видано, штобы медведь бабы боялся?! Бьюсь об заклад, што выдумка это. Полпуда халвы привезу из города, коли покажешь тот след у рябины. А ты чем ответишь?

- Ведро браги поставлю, - разгорячилась я.

- И кто же выпорил? - торопил я бабушку.

- Через час три мужика с ружьями, да я с кузовом снарядились к той рябине. Пса Буяна взяли с собой. Пришли. На земле - ветки рябины и следы поноса нашли. Буян как взял след, так и кинулся в ельник. Удрал, еле слышно его. Полторы версты, через канавы, лесные завалы бежали мы за Буяном. Едва догнали. У туши медведя стоит, заливается лаем. Не выдержало сердце медвежье страху такого. Уткнулся носом в мохову кочку, а лапами словно обнял её. Мошкара облепила глаза медведя. Я отогнала тряпкой мошкару, да лучше бы не делала этого: такой обиженный, такой растерянный взгляд его был. «За что? - словно спрашивали глаза. - Кому я помешал на земле?!!» Грохнулась я в мох на колени, уткнулась лицом в ещё не остывшую шкуру, да как зареву: «Ой, прости меня, Мишенька, бабу глупую, безрассудную!» Мужики едва оттащили меня.

Мы помолчали. Бабушка так живо рассказала про свой грех, что мне тоже стало жалко медведя, я чуть не заплакал. Но сдержался.

- От халвы я отказалась, - продолжала бабушка. - Тушу мужики на троих поделили, а шкуру медвежьё Павел выделал и хотел на стену повесить. Да я запретила. Тогда он продал шкуру какому-то барину. А когда у Павла сын родился, то я настояла, чтобы его Михаилом назвали. Он ведь твой крёстный, - кивнула она мне. - И с твоей мамой они двойняшки.

Это я уже знал. Мама иногда говорила, что мой крёстный на целый час её младше.

Бабушка встала, налила из графина воды, выпила.

- Остепенилась я с той поры, - продолжала бабушка. - Стала строже к себе. К людям и животным токмо с добром подходила. Тут и заметила меня тётя Груня, сестра моего тятеньки, царствие им небесно. Знатна была лекарша, хуш и не ведала грамоты. Сам фершал из Изварской больницы к ней приезжал совету просить. «Помру я скоро, - говорила тётушка, - а знания, богом данные, некому передать. Ты девка памятлива, смышлёна, сердцем добра, быстро поймёшь мои молитвы да заговоры».

- И ты научилась лечить? - торопил я бабушку.

- Не сразу, конечно. Перво-наперво стала она натаскивать меня на хлопоты повитухи. Потом стала травам учить, что к чему разбираться. Потом уж болезни всяки. И всё на примере своём, всех болящих вместе лечили. А когда помёрла тётя Груня, то я одна стала лечить.

- Как же она себя не могла вылечить?! - удивился я.

- Знать, так Богу было угодно. Призвал он её к себе.

Бабушка достала платок, протёрла очки. И опять отложила их в сторону.

- Слышь-ко, ведь скоро и я помру. Просила твою маму перенять от меня дар Божий, - обратилась она ко мне, как будто жалуясь, - да у неё смехоньки токмо. Говорит, время друго. С детьми хлопот полон рот. И грамоты нет записать за мной.

Бабушка грустно вздохнула, подпёрла щёку рукой:

- Время, конечно, друго. Сичас в больницах рожают. А в деревнях-то нету больниц! Там повитухи что дар божий. Почитай, вся Реполка моими руками принята. И Тоню, и тебя примала, не помнишь разве? - пошутила она.

- Куда принимала? Зачем принимала?

- На свет божий души ангельски примала.

- Значит, и у меня душа ангельская?! - удивился я.

- Дык, ведомо! Именины твои сентября двадцать девятого. В день святых Виктора и Людмилы. Этот святой и вложил в тебя душу ангела Виктора. Потому день именин днём ангела зовётся.

Но я уже дальше не слушал. Я был поражён тем, что святые Людмила и Виктор в один день родились! Двойняшки, значит! Как моя мама и крёстный. Так вот почему мне так нравится Люся! Значит, сам Боженька повелел мне влюбиться в неё.

КОЛЬКИНА ШКОЛА

Незаметно подкралась осень. Первого сентября 1940 года тётя Нюра провожала Кольку в школу, в первый класс. Мы с Тоней завидовали. И было чему завидовать. Новая куртка с карманами, белая рубашка, новые скрипучие ботинки. И не короткие штанишки на ляпочках, а настоящие тёмно-синие брюки с отглаженными стрелочками. Колька весь светился от гордости, когда показывал нам пахнущий кожей коричневый портфель с железными уголками и приятно щёлкающим замком. А в портфеле был деревянный пенал с выдвигной крышкой. В нём было много отделений: для карандашей и вставочек, для металлических перьев, для стирательной резинки, карандашной точилки и двадцати счётных палочек.

Ещё в портфеле был букварь с красивыми картинками и новенькие тетрадки в клеточку для арифметики да в косую линейку для правописания. Всех этих вещей мы раньше не видели и руками не трогали. Мне оставалось только мечтать, чтобы ещё один год скорее прошёл до моих сборов в школу.

За окном накрапывал дождик. Тётя Нюра под зонтиком пошла провожать Кольку до школы. На улице увидели ещё один зонтик - это Люсина мама провожала дочку в школу. Люся тоже была очень нарядная и горделивая.

Очень долго тянулись несколько часов до возвращения Кольки. Мы с Тоней потолкались по кухне, по комнате. Сели за стол играть в транспортное домино. Там на каждой половинке двадцати восьми дощечек была наклеена картинка с трамваем, троллейбусом, автобусом, самолётом, паровозом или пароходом. Но игра нам тоже быстро наскучила. Я всё чаще поглядывал на часы - ходики, торопил ужасно ленивую часовую стрелку. Наконец, она подошла к цифре 1 на циферблате. Тётя Нюра опять взяла зонтик и вскоре привела Кольку домой.

В честь первоклассника был устроен праздник. Тётя Нюра меня и Тоню тоже пригласила к себе в комнату. На столе был арбуз, яблоки и чай с печеньем. Когда Колька переоделся в домашнее, я спросил у него:

- Ну, как там в школе?

Колька хихикнул, свысока взглянул на меня и молча принялся за арбуз. Он и раньше любил важничать, а сейчас тем более - повод был. Но когда мы все поели арбуза, я опять спросил у него: «Как там в школе?»

- Да ничего хорошего. Сиди смиренно целый час, не вертись, не ёрзай. По сторонам не поглядывай, а смотри на учительницу. Она строгая. Чуть что, так указкой стучит по столу.

- Что же вы делали в школе? - не унимался я.

- Учились карандаши затачивать, рисовать ими палочки да закорючки разные.

- А домашние уроки вам задали?

- Да отстань ты, ничего не задали, - отмахнулся Колька.

Попили чаю с печеньем, съели по яблоку. Колька устало откинулся к спинке стула и, как бы нехотя, сам стал говорить, не дожидаясь вопроса:

- Ещё учительница рассказала, что наша страна самая большая на всём свете. Если на одном краю десять часов утра, то на другом краю страны уже восемь вечера. Говорила, что в какой-то Сибири лес называют тайгой, а самую длинную реку Леной зовут. Представляешь? Реку назвали девчоночьим именем! И кто это придумал только!

Колька встал, подошёл к окну. Потом повернулся ко мне:

- Дождик перестал. Айда на улицу. Там с мальчишками во что-нибудь поиграем.

* * *

Прошёл месяц. Я часто видел, как Колька корпит над уроками. Однажды я спросил у него:

- Коля, покажи, как ты делаешь уроки. Может быть, и я научусь.

- Тебе-то зачем? - удивился он.

- Как зачем? Я читать и считать умею, а писать ещё не пробовал.

- Какое там. Письмом и не пахнет. Одни крючки да закорючки разные. Морока одна без всякого толку. Хочешь, попробуй - сам убедишься.

И он показал мне свою тетрадь в косую линейку. На каждой странице в верхнем левом углу стояли образцовые закорючки, написанные учительницей. А дальше уже шли неровные, с разным наклоном и разной длины, Колькины закорючки. Я взял карандаш, попробовал аккуратно вывести несколько штук. Получилось даже лучше, чем у Кольки. Он удивился:

- Да у тебя талант! Может быть, ты весь урок за меня напишешь?

Я старательно, не торопясь, написал все десять строчек. Колька остался доволен. На другой день он сам позвал меня писать вновь заданные закорючки. Колька повеселел и важничать перестал. А через неделю он сказал мне:

- Может быть, ты и арифметику за меня хочешь делать?

- Хочу, - ответил я.

Так и пошло-поехало: Колька ходит в школу, а я учусь на домашних заданиях. Тётя Нюра знала об этом, но не обращала внимания. Только когда дядя Ваня, Колькин отец, был дома, Колька боялся его и делал уроки сам.

* * *

В конце ноября первоклассники стали писать чернилами. Понадобились чернильницы-непроливайки, вставочки, пёрышки. Писать надо было «с нажимом», для этого лучше подходило пёрышко № 86. Кольке стало ещё труднее справляться с письменными заданиями, а я как-то быстро освоился и с удовольствием продолжал трудиться за Кольку.

Но в марте, перед каникулами, произошло непредвиденное - к тётё Нюре домой пришла Колькина учительница с упрёком:

- Я прошу вас не делать за Колю уроки. Это ему сильно вредит.

- Что вы, что вы, - замахала рукой тётя Нюра. - Я безграмотная! Не смогу сыну помочь!

Мы с Колькой быстро прошмыгнули на кухню и дальше слушали через приоткрытую дверь в его комнату.

- Тогда, может быть, отец за него старается? - продолжала учительница.

- Отец тоже малограмотный, всего две зимы ходил в деревенскую школу. И строгий он, никогда не станет что-то делать за сына.

- Ну, не знаю, - озадаченно сказала учительница. - Ведь кто-то же делает за него уроки! Домашние задания всегда выполнены старательно, чисто. А в классной тетрадке он пишет небрежно, с помарками и с ошибками. Может быть, кто-то из друзей ему помогает? - напоследок спросила она.

Тётя Нюра, конечно же, поняла в чём дело. Но промолчала, не выдала нашей тайны. Учительница тяжело вздохнула, махнула рукой и стала прощаться. Когда она ушла, тётя Нюра сказала Кольке:

- Видишь, что ты наделал? Заставил меня краснеть. С этого часу всё будешь сам выполнять. Иначе отцу пожалуюсь.

Глава 3. ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!!!

ДОМ У ДОРОГИ

Весна 1941 года выдалась холодная, затяжная. В майские праздники ещё снег лежал местами. Тепло пришло только к середине июня. Во всю зацвели сирень и шиповник.

В тот жаркий воскресный день 22 июня 1941 года мы всей семьёй решили пойти на пляж реки Оредеж. Пока взрослые в доме готовились к походу на речку, я в палисаднике качал в гамаке шестилетнюю Тоню. Накануне я показал ей, как просто и ловко можно спуститься с крыльца задом наперёд, да ещё с закрытыми глазами. Она, конечно, упала, ударилась головой о камень. Кровавая ссадина была глубокая, мне тогда крепко попало. И вот теперь, чтобы загладить свою вину, я собрался тысячу раз качнуть её. Тоня вела счёт, а я, чтобы не скучно было, громко пел: *«Если завтра война, если враг нападёт, если тёмная сила*

нагрянет... С нами Сталин родной, он с железной рукой, нас к победе ведёт Ворошилов....»

Вышел папа, и почему-то испуганным голосом строго сказал мне:

- Не смей так петь. Нельзя. Вместо слов: «он с железной рукой» надо петь: «и железной рукой». У Сталина не железные руки, а нормальные. Он может обидеться. Это Ворошилов железной рукой поведёт нас к победе.

Я хотел спросить у папы: «А как Сталин узнает, что я неправильно песню пою?» Но не успел. В открытое окно позвала мама: «Коля, Коля, иди скорее. Война, Молотов говорит».

Пляж и гамак отменялись. Все уставились в чёрный круг репродуктора.

Взрослые встревожились, засуетились. Папа почему-то быстро собрался и уехал в Ленинград, на работу. Как будто забыл, что был выходной. Сердитая мама стала стирать замоченное бельё. А бабушка всё шептала молитвы да крестилась на передний угол, где висела икона. «И чего они так испугались? - думал я. - Радоваться надо. Красная Армия задаст немцам трёпку «Малой кровью на вражьей земле», как в песне поётся. Папа привезёт мне с войны настоящую саблю, может быть, и наган подарит. Вот когда сосед мой, девятилетний Колька Семёнов, лопнет от зависти!»

Проходили дни, а лица взрослых становились всё строже и строже. На улицах везде появились плакаты, на которых наши солдаты на штык поднимали страшных, уродливых немцев в рогатых касках. По радио часто пели военные песни, только «Если завтра война» больше не пели. Мороженщик уже не возил свою тележку по улицам. Рыжая тётя Софья больше не продавала на углу газировку с сиропом.

Третьего июля взрослые по радио слушали Сталина. Тревога на их озабоченных лицах не исчезала. На меня часто покрикивали: «Отстань! Не мешай! Не путайся под ногами!»

Закрылся дом отдыха, мама потеряла работу. Папа стал реже бывать дома, больше был в Ленинграде на работе. Маму и других женщин стали возить на грузовике под Лугу копать траншеи. Мы с Тоней бегали к станции за полтора километра встречать её. Мама привозила сестре полевые цветы, иногда горсть земляники. А мне однажды привезла несколько гибких ивовых прутьев. Если содрать с них шкурку, они станут красивые, белые. Таким прутком, как саблей, хорошо сбивать головы с травы тимофеевки и представлять, что это фашисты. Ещё интересно было помогать маме наклеивать бумажные полоски крест-накрест на стёкла, чтобы они не рассыпались при бомбёжке. И опускать-поднимать

затемнение на окне - чёрные шторы. Около дома мама и соседи рыли окоп с накатом из брёвен. Было много глины. А мы с Тоней лепили из неё птичек, танки, самолёты, большие звёзды и сушили на жарком солнце.

Тогда мы с сестрой ещё не понимали, что такое война, и что предстоит нам испытать.

* * *

Вскоре начались бомбёжки. О воздушной тревоге оповещала сирена. Её вой был всегда такой густой и жуткий, что хотелось сжаться в комок и забиться куда-нибудь в угол. Особенно трудно было ночью просыпаться под этот вой и бежать в темноте, в дождь и слякоть, к окопу. А там, по мокрым глинистым ступенькам, просто скатываться кто на чём.

Вот одна из таких ночей. В окопе стояла скамейка. Мы потеснее прижались друг к другу, чтобы согреться. Тоню мама взяла к себе на колени. Бабушка Фима тихо молилась: «Господи! Мать пресвята Богородица! Покарай супостатов!»

Сидели в темноте, чтобы не нарушать режим затемнения. Пахло сырой землей. От близкого разрыва нас хорошо потрянуло, сверху за ворот осыпалась глина. «Как в могиле, - подумал я с грустью. - Если разорвётся бомба совсем рядом, то засыплет нас, живьём похоронит. Брррр, страшно думать об этом».

У выхода стояли тётя Нюра и Колька, наблюдали за небом, перечёркнутым прожекторами.

- Мама, смотри! - горячился Колька. - Никак наш ястребок появился?!

- Где? Где? Покажи! - Я встал и попытался протиснуться между ними. Любопытство сильнее страха.

- Да не толкайся ты, - рассердился Колька. - Пропал из виду наш самолёт. Сбили, наверно, его.

Другие наши соседи - Райка с мамой - в окопе не прятались, их папа - командир Красной Армии - увёз куда-то в середине июля.

Наконец, затихли разрывы бомб и гудение самолётов. Всё ближе и ближе звучит милицейский свисток. И вот уже девушка с противогазовой сумкой на боку свистит нам прямо в окоп. «Отбой! Отбой! - радостно кричит она. - Вылезайте, кроты! Улетели фашисты!» - и спешит к другим окопам. Бабушка кряхтит и охает, никак ей не вылезти по крутым ступенькам. Я снаружи подаю ей руку, а мама снизу толкает её в спину. Вылезли все, огляделись. Но что это? Где была

двухэтажная школа за квартал от нашего дома, теперь развалины и огромный костёр. «Вот он, близкий разрыв, тряхнувший нас, - подумал я и по сердцу прошёл холодок. - Ещё бы чуть-чуть и бомба накрыла бы наш окоп! Где же теперь мне учиться? Куда я пойду в первый класс?».

* * *

Дом наш стоял у самой дороги, перед развилкой на Красногвардейск и Вырицу. В августе по этой дороге из колхозов погнали скот в Ленинград. Было страшно слушать, как режут не доенные коровы, жалобно мычат ослабевшие, спотыкающиеся телята. Напротив дома, через дорогу, был обширный пустырь. Там и остановилось это несчастное стадо на короткую передышку. Женщины-погонщицы слезно просили жителей посёлка подоить коров. Наша мама тоже доила, мы тогда вволю напились парного молока. Тоня пила молоко, и слёзы капали в кружку - так ей было жалко коровушек.

- Зачем их гонят по такой жаре? Ведь до Ленинграда так далеко! - спросил я маму.

- Чтобы немцам не досталось мясо.

- Как это?! Что же, немцы сюда придут?! - ошарашила меня догадка.

- Не знаю, не знаю, - тихо ответила мама. - Про это нельзя ни с кем говорить. За такие разговоры могут и в тюрьму посадить, паникёром назвать. Ты понимаешь это, сынок?

Как ни странно, ЭТО я уже понимал: надо держать язык за зубами, лишнего не болтать.

И очень обидный вопрос гадюкой заполз в мою душу: «Как же так получается, что мяса коровьего жалко для немцев, а нас, детей, не жалко?! Нас ведь не везут в Ленинград!»

* * *

Спустя несколько дней по этой же дороге из-под Луги пошли отступающие наши солдаты. Оборванные, пыльные, многие с забинтованными головами или руками. Жаловались на нехватку винтовок, патронов, гранат. А у немцев - автоматы, танки, мотоциклы. «Вместо гранат бутылками с горючкой драться приходится против танков», - говорил усталый солдат.

Неожиданно у нашего крыльца остановился настоящий танк. Открылся люк, появился танкист в комбинезоне и шлеме. Я закричал: «Мама! Мама! К нам танк приехал!» На крыльцо вышла мама.

- Здравствуйте, - поздоровался танкист с мамой. - Хочу вас попросить приготовить нам кашу из концентратов. Мы уже два дня, как не ели горячего.

- Конечно, сварю. У меня и примус горит, на нём чайник вскипает. Так что минут через пятнадцать всё будет готово.

- Нас три человека, - сказал танкист, доставая концентраты из полевой сумки. - Три пачки нам сварите, а другие пять пачек себе оставьте, детей накормите. Если разрешите, я у вас руки помою.

Мама пригласила его на кухню. Когда танкист вымыл руки, пыльное лицо и присел на табуретку, я набрался храбрости и спросил его:

- Дядя танкист, а вы немцев видели? Это правда, что они страшные уроды, как на плакатах? И каски у них рогатые?

- Видел, сынок, видел, - грустно вздохнул танкист. - Ещё вчера стрелял в них из пушки и пулемета в танке, пока снаряды не кончились. А сегодня получил приказ отступить. - Он помолчал чуть-чуть, снова вздохнул и продолжал: - Каски у немцев, действительно, с рожками. А так, снаружи, обыкновенные люди. Только внутри они, конечно, уроды. Такая у них звериная жажда грабить, жечь, убивать всех подряд! Одно слово - фашисты!

- Дядя, а «фашист» - это прозвище или дразнилка? Немцы и нас могут обозвать: «Сам фашист»? Как мальчишки говорят: «Сам дурак»?

- Э, нет, дорогой! Фашист - не прозвище, не дразнилка. Это много страшнее. Это убеждение немцев, что им предназначено быть господами, а все остальные люди должны быть их рабами. Кто не согласен быть рабом, будут уничтожены. Мы, советские люди, не хотим быть рабами. И умирать без борьбы не согласны. Мы сражаемся за свою землю, защищаем стариков и детей. Мы правы, и поэтому победим.

«А почему же сейчас отступаете»? - хотел задать я больше всего волновавший вопрос. Но не решился: такой растерянный и усталый был командир. И не решился попросить его показать мне свой танк изнутри, что там и как.

- Каша готова. Зовите своих товарищей, - сказала мама. - И чаем я вас напою.

Танкист вышел из кухни. Через минуту вернулся один, но с тремя котелками.

- Кашу в котелки положите, пожалуйста, - обратился он к маме. - Мы торопимся, поедим на ходу. Спасибо вам за всё.

Мама наполнила котелки до краёв. Я неотрывно смотрел на танкиста.

- А ты верь, сынок, - сказал он мне, как будто угадал мой невысказанный вопрос. - Наполеона без штанов прогнали с нашей земли, и Гитлеру шею свернём, будет время. Только выживи, дорогой. Всем смертям назло выживи! Чтобы увидеть нашу ПОБЕДУ! -Он говорил тихо и медленно, словно выдавливая слова. Словно догадывался, какие муки нам предстоят. Мне даже страшно стало.

Бабушка рядом стояла. Прослезилась. Перекрестила танкиста и тихо сказала: «Да храни тебя, Господь. Да покарай всех супостатов».

Танк ушёл. Я не знал, кто такой Наполеон, но слова танкиста запомнил.

По дороге по-прежнему шли отступающие солдаты. Налетели немецкие самолёты. Низко-низко летали и строчили из пулемётов по солдатам. Немцам никто не мешал. Наших самолётов не было видно (взрослые говорили, что Сиверский аэродром полностью разбомбили фашисты). Мы с Тоней убежали с крыльца и спрятались под кроватью. Разорвалось несколько бомб, полопались стёкла в окне. Бабушка стояла на коленях, молилась Спасителю. Мама лежала на полу. «Маму убили!» - закричала Тоня и бросилась к ней. Но мама обняла её, прижала к себе. Улетели самолёты, всё затихло. И только на кустах сирени под разбитым окном снова чирикали воробьи. Я удивился, подумал: «Как они могут чирикать?! Ведь минуту назад их тоже могло убить!»

- Всё! - сказала мама. - Здесь оставаться очень опасно. Надо уходить от дороги подальше.

Она накормила нас кашей, потом собрала необходимые вещи, документы. Уложила их в заплечный мешок - большой для себя и маленький для меня. В руках у мамы ещё были сумки с продуктами, с примусом и с посудой. Я нёс лопату и банку с керосином для примуса. Тоня и бабушка шли налегке.

На улице я оглянулся. Наш дом показался мне маленьким, сиротливым. Что-то с ним будет?

В ПОИСКАХ УБЕЖИЩА

Мы разместились в пещерке под крутым песчаным обрывом на другом берегу реки. Наломали много еловых лап, устелили пол. Принесли с мамой небольшое брёвнышко, чтобы сидеть. Я ходил за водой к реке. Мама подогрела ужин. Ели кашу и пили чай.

- А кто такой Наполеон? - спросил я маму.

- Не знаю, сынок. Что-то слышала про него, но не помню.

Мама была неграмотная. Читала с большим трудом, а писала и того хуже.

- Да хранцуз это, - вдруг вставила бабушка. - Басурманин такой. Он Москву сжёг.

Вот это да! Бабушка совсем не умела ни читать, ни писать. А про Наполеона знала!

- Как же так, - засомневался я. - Москву сжёг, а без штанов убежал?!

- А вот так! - оживилась бабушка. - Наш Михайло Кутузов таку трёпку ему задал, что не токмо штаны, он и мать родну позабыл!

Я благодарно посмотрел на бабушку. Получилось, что я остался в семье самый грамотный. С пяти лет начал читать знакомые, а потом и незнакомые вывески, тонкие детские книжки с картинками. И писать у Кольки Семёнова научился разборчиво, письменными буквами. Но мама, бабушка и все взрослые знают обо всём больше меня. И очень жаль, что негде теперь мне учиться - школу-то разбомбили!

Наступил тёплый августовский вечер. Солнце спряталось за деревья, затихли птицы. Над рекой появился туман. Сумерки быстро сгущались, зажглись первые крупные звёзды. Только редкие всплески рыб тишину нарушали. Как хорошо-то было вокруг! Будто и не было никакой войны и бомбёжек! Будто мы на мирной, семейной вылазке на природу!

Спать устроились все под одним широким одеялом. Мама и бабушка по краям, а мы с Тоней в середине. Откуда-то появился сверчок, то ли снаружи, то ли внутри пещеры. Под его стрекотание ещё лучше спалось.

Утром, как рассвело, налетели немецкие самолёты. Мы все проснулись, но продолжали лежать под одеялом - чувствовали себя в безопасности. Послышались взрывы, то вдалеке, то близко. Но вот бомба взорвалась над нами, на краю обрыва. Нас сильно-сильно потрянуло и оглушило. Мимо входа в пещерку медленно, будто нехотя, проползла ёлка с вывернутыми корнями и едва не

закрыла нам выход. А с потолка на нашу постель обрушилась лавина песка и засыпала бабушку с Тоней толстым слоем (мне по грудь).

Мы с мамой успели выскочить из-под одеяла. Она схватила лопату, а я железную миску, и стали откапывать пленников. Ближе к головам песку было меньше, вскоре нам удалось их лица освободить. Бабушка и Тоня тяжело дышали. Не плакали, не стонали - видимо, не было сил.

Мы очень боялись, что песок снова осыплется, и работали без передышки. Откуда только силы брались! Лишь часа через два бабушка и Тоня смогли выбраться из-под завала. Мама бессильно опустилась на брёвнышко и вдруг зарыдала. Мы с Тоней бросились её успокаивать. Бабушка вышла из пещеры, опустилась на колени и, глядя в небо, крестилась, молилась и кланялась Богу.

Страшно было даже представить, как нас всех могло живьём завалить. Даже если бы маму одну завалило, мы все не смогли бы её откопать, а без неё точно все бы пропали.

* * *

Придя в себя, мы наскоро перекусили, собрали все вещи и снова двинулись в путь. Теперь подальше от коварных песков, к заброшенному дому отдыха. На веранде одного из закрытых флигелей мы и расположились. Рядом оказалась траншея, в которой было удобно прятаться от бомбёжки. Там мы прожили несколько дней. Бомбёжки повторялись всё чаще, но мы с мамой научились ещё издали угадывать немецкие бомбардировщики по прерывистому звуку моторов и успевали прятаться в траншее. Невдалеке было небольшое поле с морковкой и брюквой. Мы запаслись на какое-то время продуктами. День рождения Тони 15 августа мы просто не вспомнили и не отметили.

18 августа нас разыскал папа. Он тогда в последний раз приехал навестить семью. Привёз немного хлеба, булки, полкило пряников. Небритый, колючий и очень серьёзный. Понимал, что оставляет нас жить под немцами. Я слышал, как он сказал маме:

- При первой возможности перебирайся в деревню Реполку. Там все родные, не дадут пропасть.

Ночевать они с мамой пошли в наш дом. Оттуда ближе идти на вокзал к раннему поезду.

Наутро опять началась бомбёжка. Бабушка сама повела нас в траншею. На этот раз бомбили только аэродром и станцию. Несколько разрывов показались мне странными - как будто удары в пустую бочку. В моё сердце закралась

щемящая тревога, предчувствие беды. Тоня тоже была серьёзная, не капризничала. Бабушка неустанно молилась, глядя на небо.

Окончилась бомбёжка. Мы вернулись на веранду. Бабушка подогрела завтрак, но ели мы через силу. Всё делали молча. Тревога не проходила. Прошло ещё часа два. Мама не возвращалась. Мимо нас проходила какая-то женщина с пустой сумкой - вероятно, на поле за морковкой шла. Бабушка спросила её, не видала ли она нашу маму в сиреневой куртке.

- Не знаю, не знаю, - ответила женщина. - Близко от станции разбомбили пассажирский поезд, там горят вагоны. Много убитых и раненых. Очень много всяких людей ищут родственников. Может быть, там и ваша женщина.

Мы встревожились ещё больше. Было ясно, что это тот поезд, на котором поехал папа. И мамы так долго нет.

* * *

Мама пришла только после полудня. На ней лица не было. Осунулась, поблекла. Рассказывать ничего не хотела. Буркнула только: «Нигде его не нашла». Бабушка подала ей тарелку с овощами - мама резко отодвинула её, побежала на крыльцо. Там её вытошнило. Тогда бабушка накапала валерьянки и дала таблетку снотворного. Вскоре мама уснула. Но проспала всего часа два. Встала, попила чаю. Стала сквозь слёзы рассказывать, губы её дрожали:

- Не знаю, жив он или убит. Нигде его не нашла. Я пошла провожать на станцию. Прощались тяжело. Понимали, что надолго, может быть, навсегда. Подошёл поезд. В последний раз он обнял меня, сказал: «Береги детей». Поезд тронулся, набрал скорость. Я не успела отойти от станции, как вихрем налетели самолёты. Летели низко, сыпали бомбы, строчили из пулемётов. Я спряталась в ближайшей воронке. Когда стихли разрывы и самолёты скрылись, я увидела пламя и столб чёрного дыма в километре от станции. Побежала туда по шпалам. Крики, стоны, ругательства, искажённые вагоны. От паровоза шёл чёрный дым. Некоторые вагоны горели, сошли с рельсов. Два вагона свалились на бок.

Мама попила воды, вытерла слёзы платком. Глубоко вздохнула:

- Я бегала вдоль вагонов, кричала: «Коля! Коленька! Николаша!» Молоденький солдатик с оторванной ногой лежал на земле и кричал мне: «Я - Коля! Я - Николенька! Позовите маму, она за оврагом живёт, у речки!» Я ответила: «Хорошо, хорошо! Позову!» А сама дальше бежала.

«Может быть, мой Коля так же лежит и ждёт моей помощи», - стучало в висках. Я залезла в горящие вагоны, заглядывала в разбитые окна лежащих вагонов и всё Колю кричала.

Тоня тихо редела и хлюпала носом. У меня тоже капали слёзы. Не плакала только бабушка, шептала молитвы.

- Появились санитары с носилками, милиционеры и солдаты, стали уносить раненых и убитых, - продолжала мама. - Унесли и того Николеньку с оторванной ногой. Я стала шарить по откосам, по ближним кустам и канавам. Там тоже встречались женщины, искавшие своих мужей или братьев. Вернулась к вагонам. Стала спрашивать санитаров. При мне проверили списки погибших и отправленных в больницу раненых. И там он не числился. Я никак не могла поверить, что он бесследно исчез. Стала осматривать всё сначала - вагоны, кусты, канавы. Не чувствовала ни жажды, ни голода. Лишь тоска неизвестности грызла меня и заставляла снова искать. А когда солнце пошло на запад, я опомнилась и поспешила к вам, - закончила мама.

- Значит, живой он, - вдруг уверенно заявила бабушка. - Значит, Господь сподобил ему убраться с того места.

Мама удивлённо смотрела на бабушку. Такая мысль ей в голову не приходила.

- Да, да! Так и считайте, так и верьте мне. И всем будет легче от этого, - закончила бабушка.

Всё-таки удивительная женщина была мамина бабушка и моя прабабушка. Самая мудрая в нашей семье. Раньше я думал, что она от страха часто молится. Но в тот раз понял: никого и ничего она не боится. Она за нас молится.

Уже сгущались сумерки. Мы понемногу успокоились и пошли спать. А на другой день мы узнали, что в Сиверскую пришли немцы. Начиналась другая жизнь. В оккупации....

Глава 4. ОККУПАНТЫ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

На другой день мы встали поздно. Была непривычная тишина: не летали самолёты, не слышно было разрывов бомб и грохота пушек. От этого было ещё тревожнее, как будто что-то должно случиться.

И действительно, в середине дня прибежала к нам тётя Нюра:

- Настя! Настя! - закричала она. - В Сиверской немцы!

Мама побледнела, тихо сказала:

- Не кричи так. Расскажи спокойно. Где ты их видела?

- Я в посёлке у подруги была. Понаехали немцы на мотоциклах, а я скорей сюда. Тебе сказать да Колю забрать. Домой нам надо. Без присмотра дом-то. Вот поселятся немцы в нём, что тогда? - сказала тётя Нюра и побежала к своему флигелю за вещами и Колькой.

Мы тоже стали собираться домой. Опять заплечные мешки для мамы и для меня, разные сумки в руках. В последний раз взглянули на веранду, приютившую нас, и тронулись в обратный путь.

У домика перед спуском к мосту через реку мы увидели мотоцикл с коляской и трёх немцев в серо-зелёной форме. Два солдата ловили курицу, а третий, офицер в сапогах и фуражке, наблюдал за ними. «Так вот они какие, немцы-то, - подумал я. - И вправду похожи на обыкновенных людей».

Курица никак не давалась солдатам. Всякий раз выпархивала из-под рук, сердито кудахтала и бежала к забору. Но перелететь забор не могла, и солдаты снова окружали её. Они кричали, смеялись, как будто играли. «Вот дураки, - немного осмелев, подумал я. - Надо насыпать крупы, тогда курица сама прибежит».

Мы только-только прошли этот дом, как раздался оглушительный выстрел. Тоня заревела со страху. Мама бросила сумки на землю, прижала её к себе. «Свят, свят, свят!» - крестилась бабушка. Мне показалось, что я оглох - зажал уши ладошками. Но я всё-таки видел, как офицер прятал пистолет в кобуру, а один из солдат поднял убитую курицу за горло. По её вытянутым лапам стекала кровь. «Вот тебе и «обычные» люди. Ведь они могут любого убить так же, как эту курицу», - подумал я. К сердцу подступил холодок.

Понемногу мы успокоились, стали спускаться к реке.

* * *

Улицы были пустынные, люди попрятались в домах. По дороге, мимо нашего дома, сновали туда и обратно немецкие мотоциклы и легковушки. К счастью, замки на дверях были целы и в доме всё осталось на месте. Мама разожгла примус, накормила нас. Вскоре пришли тётя Нюра и Колька.

Я стал рассказывать Кольке, как немцы ловили курицу и расстреляли её. Но Кольке было не интересно. Он хвастался красивой немецкой коробкой из-под сигарет с блестящей (серебряной, как мы считали тогда) обёрткой. Если отрезать от неё полоски, согнуть их вдоль и наложить на зубы, то получались серебряные челюсти. А это был шик.

Гулять нас мамы не выпускали. Мы с Колькой вышли на крыльцо. Преодолевая страх, смотрели на машины и мотоциклы. Пеших солдат и конников не было видно. И вдруг, шагов за сто от нас, мы увидели двух, нарядно одетых, молоденьких девушек. Они стояли на обочине и бросали немцам букетики цветов. Немцы восторженно кричали, махали руками, посылали воздушные поцелуи. Машина с открытым верхом остановилась около них, о чём-то поговорили. Девушки сами забрались в машину и уехали с немцами.

- Вот, заразы! - зло сказал Колька. - А ещё пионерки, наверно.

Сам-то он не был ещё пионером, но, конечно, хотел им быть. А то, что девушки могли быть и комсомолками, такого предательства он и в мыслях не допускал. Мы не знали, откуда и кто были эти девушки. Рассказали мамам своим, но и они не знали. А нам запретили даже на крыльцо выходить.

Спать мы отправились рано, ещё в сумерках. Керосиновую лампу не зажигали (электричества у нас никогда не было). Несколько стёкол в окне были выбиты. Через эти дыры отчётливо слышались гудки и тархтенье машин на дороге. Это мешало сразу заснуть. Потом услышали пьяный хор из двух голосов: «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночь тёмная была»...

- Вот, нехристи! Прости их, Господи, - ворчала бабушка.

- Это газировщица, Софья рыжая, с Прокопкой своим горланят, - заметила мама. - То раздерутся между собой, то вместе напьются и куражатся. Вот и сейчас, похоже, наклюкались.

Так прошёл наш первый день под немцами.

По-соседски, к нам на кухню зашел дядя Петя - пожилой бородатый мужчина (тогда все, кому было за пятьдесят, казались мне пожилыми). Он ходил с палкой, хромал с гражданской войны. Жил со своей женой через два дома от нас. Он был то ли дворником, то ли сам по себе присматривал за порядком в нашем квартале. Однажды он при мне поругал Кольку за шелуху от семечек, которую Колька выплёвывал у колодца. До войны дядя Петя приносил нам ёлку к новому году (за «трёшку», как говорил папа). Зимой мама брала у него подвозки - тяжёлые хозяйственные санки, с которыми мама и я ходили в лес за дровами.

- Вернулись в дом, как я погляжу? - спросил дядя Петя. - Всё ли в порядке? Все ли здоровы?

- Спасибо, пока здоровы, - ответила мама.

Дядя Петя присел на табуретку, достал кисет, свернул сигарку. Затянулся едкой махоркой:

- Ты читала ли объявления, что немцы везде расклеили? Завтра всем собираться велят на площади. Требуют выдавать евреев и коммунистов.

- Я неграмотная, объявления не читаю. И на площадь не пойду - с кем детей оставлю?

- Смотри сама, здесь я тебе не советчик. Зато, Настасья Павловна, советую походить за картошкой на поле у железной дороги, пока немцы его к своим рукам не прибрали. Зимой-то что есть будете?

- Да много ли унесешь на плечах-то?

- Я, так и быть, тележку дам самодельную. На неё целый мешок положишь.

- Спасибо, Пётр Игнатьич. Вы частенько меня выручаете, дай Бог вам здоровья.

- Чего там. Вижу, как вы крутитесь, - сказал он, вставая.

Теперь все новости я узнавал только из разговоров взрослых. Радио молчало, газет никогда у нас не было. Мальчишки-сверстники по домам сидели, как и мы с Тоней.

* * *

С утра по дороге снова пошли наши солдаты. Только теперь они были пленные, шли в обратную сторону под дулами немецких автоматов. Ещё более измученные, в ободранной одежде, с потемневшими от пыли бинтами. Многие

шли босиком. Некоторые падали от усталости. Их подхватывали товарищи, не давая упасть на землю. «Шнель! Шнель!» - кричали немцы, готовые застрелить любого упавшего.

Редкие жители Старосиверской стояли на обочине. Молча смотрели и плакали. Некоторые пытались передать солдатам что-нибудь съестное. Тогда немцы грозно кричали: «Цурюк! Цурюк!» - и оттесняли их прикладами автоматов.

Мы всей семьёй и Колька с тётей Нюрой сгрудились на крыльце. Тоня и мама тихо плакали. Бабушка осеняла крестом несчастных солдат. Они проходили совсем рядом с нашим крыльцом, и печальные лица свои стыдливо отворачивали. Мама вынесла кастрюлю с отварной картошкой, старалась сунуть бойцам картофелины. Они торопливо, украдкой прятали картошку в карманы, не тратя силы на благодарность. Немец наставил автомат на крыльцо и грозно выкрикнул: «Пух! Пух! Мутер!»

«Как же так? - думал я. - Что же, любимые песни всё врели???» Я же хорошо помнил слова: *«Ведь от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!»* Или такие: *«Мы железным конём все поля обойдём, соберём и посеём и вспашем. И врагу никогда, никогда-никогда не гулять по республикам нашим!»* (Меня только смущал порядок слов - ведь надо сначала вспахать, потом посеять и собрать урожай).

Сердце моё сжималось. Я со страхом вглядывался в бесконечные ряды солдат - вдруг увижу своего танкиста или других знакомых. Впрочем, командиров среди пленных не было видно.

Прошло часа два. Пленные всё шли и шли. Мы устали от переживаний, пошли пить чай. За столом сидели молча, как на поминках. Даже Тоня не задавала вопросов.

* * *

Я послонялся по комнате без дела, повздыхал и снова пошёл на крыльцо. Взял кастрюлю с остатками картошки. Колька был уже там. Пленные солдаты всё шли и шли. Некоторым, кто оказывался рядом с крыльцом, я успевал сунуть картофелину. И вдруг Колька крикнул мне: «Смотри, смотри! Стёпка Оладушкин! - потом в толпу: «Стёпка!!! Стёпка!!!» В среднем ряду оглянулся совсем молодой солдатик. Он был с палкой, хромал. Левый рукав гимнастёрки был сильно надорван и белел нательной рубашкой. На исхудалом сером лице только оттопыренные уши да нос картошкой выдавали в нём когда-то грозного Оладушку, вожака старосиверских огольцов-хулиганов. Я до сих пор, в любой момент, могу

с трепетом вспомнить тот обречённый взгляд голодного, затравленного зверька, каким он взглянул на Кольку. Взглянул, и сразу спрятался, затерялся в толпе от стыда. Ближайший немец схватил Кольку за ухо и крутанул. Да так, что Колька присел и скорчился.

Потом тётя Нюра смазала йодом надрыв на ухе, а Колька с обидой ворчал:

- Вот проклятый фашист! Жаль, что успел руку отдёргнуть, а то я пальцы ему откусил бы.

Я сочувствовал Кольке. Меня тоже била дрожь, хотя немец до меня не дотронулся.

Так близко, так реально войну и врагов я ещё не чувствовал. Мама накапала мне валерьянки. Я пошёл в комнату и долго плакал в подушку. Весь остаток дня я переживал и вспоминал историю этого парня.

Фамилия и прозвище «Оладушка» никак не соответствовали его натуре. Взрослые про него говорили, что он вор-карманник, отпетый хулиган, сидел в колонии. Что к нему и близко нельзя подходить - не то, чтобы дружить. Но он всё равно оставался кумиром для всех пацанов, как малолеток, так и постарше. За малышей он всегда заступался. А если кому из старших и попадало от него, так безо всякой злобы и в меру.

Он играл на гитаре и пел блатные песни. Сверкал голубыми глазами и смеялся так задорно и весело, что казалось, будто уши его шевелятся. Он умел сплёвывать (цыкать) сквозь зубы далеко и точно. Однажды Колька получил от него подзатыльник, но не заплакал, а даже гордился этим, как подарком. Ещё Оладушка здорово стрелял из поджоги. Я хорошо помню это устройство, так как не раз видел его изготовление и подготовку к выстрелу. Но по малолетству стрелять мне, конечно, не приходилось.

Поджога - это самодельный пистолет с деревянной рукояткой и стволом из трубки или большого полого ключа. У сплющенной стороны трубки делался запальный надрез. В ствол набивалась сера, соскобленная с множества спичек, очень мелкие камушки и всё затыкалось пыжом. Потом бралась лучинка, слегка надрезалась. В неё защемлялась обыкновенная спичка. Правая рука с поджогой была вытянута, левая держала лучинку с горящей спичкой, которая подносилась к запальному отверстию. Для безопасности вся мелюзга, да и старшие тоже, стояли на десять шагов сзади стрелявшего. Гремел оглушительный выстрел, все бежали к мишени. Это, как правило, была чья-нибудь кепка.

Так вот, Оладушка был лучшим стрелком, и поджоги у него были лучшими. Ещё он умел удивительно красиво бегать, расталкивая локтями полы своего пиджака. Я мечтал научиться так бегать, и цыкать слюной, и играть на гитаре.

В первые дни войны мы с Колькой и другими ребятами провожали Оладушку на сборный пункт. Он шел добровольцем, да ещё год прибавил себе. И вот теперь такая страшная встреча. Что случилось дальше с его буйной головушкой, я не знаю. Но помнить его я буду всегда...

ПЛОХИЕ НОВОСТИ

Тётя Нюра ходила к колодцу бельё полоскать. Пришла домой расстроенная.

- Ты чего такая хмурая? - спросила мама.

- Будешь хмурая. Бабы у колодца такое судачат, такое... Немцы в посёлке кур ловят, поросят отбирают. Поросята визжат, а немцы гогочут. Бабка корову доила, так немцы прямо с подойником молоко отобрали. Как будто в ихней Германии голодом их морили! Дорвались.

- А ты-то чего печалишься? - усмехнулась мама. - У нас нет ни кур, ни поросят. Нечего отбирать.

Мне тоже показалось смешно. И Колька хихикнул.

- А ты не смейся. Найдут, чего отобрать. На вокзале женщину изнасиловали прямо на глазах у ребёнка.

- Ты права, - смутилась мама. - Конечно, от этого зверья можно всего ожидать.

Помолчали. Я не знал, что значит «изнасиловали». Но понимал, что нанесли какую-то страшную обиду. Видимо, значительно большую, чем когда незаслуженно тебя накажут родители. Или когда мальчишки нагло отберут твою любимую вещь. А спрашивать у взрослых о непонятном я не умел. У ровесников - тем более. Всегда старался сам додуматься, но не всегда получалось. Поэтому многие мои мысли и вопросы оставались не высказанными.

- Ещё говорили бабы, что в посёлке уже несколько человек расстреляли немцы, а некоторых повесили, - продолжала рассказывать тётя Нюра.

- Это ужасно. Хоть на улицу не выходи. К любому могут придраться и казнить за пустяк, - заметила мама.

- Конечно, лучше дома сиди. На столбе, вблизи колодца, бумага белела. Её одна женщина вслух прочитала, - рассказывала тётя Нюра. - Кого-то там бургоминистром назначили. Как стемнеет и до утра на улицу нельзя выходить - расстрел будет. Партизан нельзя укрывать - расстрел. Хлеб там или продукты какие им передашь - снова расстрел. Так в бумаге прописано.

- А что же можно? Жить-то как, не прописано?

- Можно выдавать партизан, партийцев разных, красноармейцев, евреев, - грустно пошутила тётя Нюра. - Вот увидишь партизана или еврея, скорее к немцу беги, он конфетку даст, - улыбнулась она, взглянув на меня и Кольку.

Ах, тетя Нюра, тётя Нюра! Если бы ты знала тогда, как слова твои вспомнятся мне через недельку! Не стала бы ты так шутить.

* * *

Тележка дяди Петина была хороша. Два колеса от подросткового велосипеда, прочная, в решётку, деревянная рама и ручка буквой П, выставленная вперёд. Тележку можно было и за собой тянуть, и перед собой толкать - как удобней покажется. Лёгкая, юркая. Мы с мамой пошли за картошкой с утра, как рассвело. Мама решила, что утром безопаснее будет. Пошли вдоль ручья по узкой, травянистой дорожке. Она петляла, изгибалась то вверх, то вниз. Прошли заросли ольшаника и осины, где зимой мы с мамой добывали дрова, и вышли к широкому полю с картошкой.

Ботва уже начала вянуть, картошка поспела. Наши отступили, не успели убрать. А немцы ещё не расчихали, не присвоили. Поэтому брать ничейную картошку не считалось зазорным. Во многих местах на поле зияли пролысины, копошилось с десятков фигур. Часа через два мы накопили один целый мешок и закрепили его на тележке, а второй, заплечный мешок для мамы, заполнили наполовину. Присели отдохнуть на камень перед обратной дорогой. Подул ветерок, мама повела носом:

- Мертвечиной пахнет. Надо пойти посмотреть, что там. А ты здесь посиди.

Но я не послушался. Мы пошли против ветра и шагов через сто, в борозде, увидели человека. Лицо было испачкано грязью. Он был босой, без гимнастёрки. Рубашка потемнела. Только армейские штаны говорили, что это русский солдат.

- Наверно, неделю назад убили. Когда пленных гнали, - сказала мама сама себе. - Бежал, может быть, из плена, а немцы здесь его и настигли. - Мама

перекрестила покойника, сказала: «Господи, упокой душу воина, прими его в Царствие Небесное».

Мы постояли минутку. От сильного тухлого запаха меня чуть не вытошнило. Так я впервые увидел смерть на войне. Вернулись к тележке и тронулись к дому. Мама тянула тележку, а я сзади толкал. Прошли путь благополучно, никто к нам не цеплялся.

Мама рассказала дяде Пете про нашу «находку». Он заверил, что уберёт солдата. И действительно, в тот же день он зарыл тело в ближайшей воронке от бомбы. А мы на другой день ещё раз за картошкой сходили.

* * *

Тётя Нюра принесла новость:

- Настя, ты слышала? Софья-то Рыжая немцам задумала услужить. Взяла и выкатила свою газировочную тележку на угол, где ещё до войны стояла. Разные сиропы по банкам налила, стаканы приготвила.

- Как же она свой баллон-то припёрла?

- А Прокопка на что? Помог ей, конечно.

Мы с Колькой слушаем. Интересно же.

- Причесалась, напудрилась, - продолжала тётя Нюра. - Час стоит, два стоит. Бабы смеются, пальцем показывают. А к воде не подходят. Немец один подошёл, так она на радостях бесплатно ему налила.

- А ты почём знаешь, что бесплатно? - заметила мама.

- Так бабы судачили. Они всё знают.

Газировку я любил до войны. Как заведётся монетка, так бегу на угол один или с Тоней шипучки отведать.

- Она и сейчас там? Стоит на углу? - спросил я из любопытства.

- Никак бежать к ней собрался?! - удивилась тётя Нюра. - Так опоздал маленечко. Полдня не простояла Софья. Какой-то мальчишка выстрелил из рогатки из-за сарая по её банкам. Софья ловить его побежала, а другой мальчишка с палкой подскочил, и давай крушить всё хозяйство.

- Будет знать, как немцев поить, - буркнул Колька. Он тихо-тихо сказал, но тётя Нюра услышала. Лицо её сразу стало суровым.

- Так-так-так! Значит, руку приложил? Ну-ка, пойдём со мной, - сказала она, взяв Кольку за руку, и увела в свою комнату.

Через приоткрытую дверь послышались Колькины вопли.

- Ой-ёй-ёй!!! Больно же! Возьми другое ухо, это немец порвал!!!

- Нет, терпи! И другое тебе оторву! Сиротой меня хочешь сделать?! А ну, как признает Софья тебя? Ведь Прокопчик-то ейный, говорят, в полицаи подался! Вздёрнут тебя на первой берёзе! - и тётя Нюра завелась рыданиями. Колька теперь сам её успокаивал:

- Мама, мам, успокойся же. Никто не узнает, - уговаривал он. - А рогатку я на улице спрятал, шиш найдут!

Моя мама на меня посмотрела, строго сказала:

- А твоя где рогатка? Давай-ка сюда, сожгу её от греха.

- Так папа ещё весной сломал её и выбросил. Когда я воробья подстрелил. Мне тогда крепко попало от папы, разве не помнишь?

- Так это тебе попало! - засмеялась мама. - Тебе надо помнить, а мне-то зачем?

* * *

Неожиданно к нам из Реполки пришла бабушка Дуня - мамина мама, она же невестка прабабушки Фимы. Пришла не одна, а с пятнадцатилетним папиным братом дядей Федей. Но мы с Тоней его просто Федей звали. Мама и бабушка Дуня бросились обниматься, целоваться. Бабушка Фима прослезилась на радостях. Федя протянул мне руку, как взрослому, сказал: «А я думал, что ты ещё маленький».

- Откуда вы взялись-то? Будто с неба свалились, - удивлялась мама. - Поезда ведь не ходят.

- Да вот, пришли вас проведать. Как вы тут горе мыкаете. Пешком пришли мы. Через лес, напрямую. Вёрст сорок отмерили.

Бабушке Дуне было лет пятьдесят. Ещё крепкая, проворная, и звание «бабушка» не очень-то к ней подходило. Федя был почти взрослый. Говорил мало, держался с достоинством. Они принесли нам пирожков с морковной начинкой, турнепса и репы с колхозного огорода, полнавочки гороха в стручках.

За обедом бабушка Дуня рассказывала:

- Немцы к нам пришли раньше, чем к вам. Волосово взяли ещё в начале августа. И к нам в деревню приехали на мотоциклах. Назначили старостой Колю Карпина, полицаем - Стёпу Кузина. Кур половили, поросят отобрали и укатили обратно. Поговорили мы со сватьей Марьей (это бабушка Маша, папина мама), потужили, да и решили, что надо Настеньку, то есть тебя, выручать. К нам в деревню переводить.

- Как же немцы вас пропустили? Говорят, объявления развесили, что нельзя ходить с места на место.

- Бог миловал, не цеплялись. Видели, что мирные мы, с котомками.

- И справка есть у нас, - вставил Федя.

- Да, да, Коля Карпин написал нам справку, что идём мы в Сиверскую, дочку проведать.

Мама стала рассказывать, как засыпало песком Тоню и бабушку Фиму во время бомбёжки, и как искала она папу в горящих вагонах. Федя, не скрываясь, не прячась, достал из кармана папироску и вышел курить на крыльцо. Ему хотелось показать, что он совсем взрослый и никто ему не указ. Я пошёл за ним. Стал ему рассказывать, как немцы курицу расстреляли, как среди пленных мы видели Стёпку Оладушку и какой Колька Семёнов храбрый: из рогатки разбил посуду газировщицы Софьи Рыжей.

Вечером, перед сном, я случайно услышал разговор бабушки Дуни и мамы, в котором решалась моя судьба.

- Не могу я с вами идти, - говорила мама. - И Тоня, и бабушка Фима пешком не дойдут. Разве только Виктора отпустить?

- Пускай хоть Витя с нами пойдёт. А за вами за всеми я Лёшку Шилина уговорю на телеге приехать. Не через лес, а вкруговую, через Заречье, Калитино и деревню Чёрное.

Я вначале не понял, что значит этот разговор. И только на рассвете, когда стали меня будить, объяснили, что пора собираться в дальнюю дорогу, в родную для всех нас деревню Реполку.

Глава 5. ПЕРЕХОД

В ДОРОГЕ

Я не боялся предстоящего путешествия, поэтому простился с домом легко. Только Тоня почему-то надулась. Возможно, завидовала. Мама всплакнула немножко.

Бабушка Фима перекрестила меня, пошептала молитву и тоже смахнула слезу. Чего плакать-то? Скоро и сами приедут в Реполку.

У меня был небольшой заплечный мешок. Остальные мои вещи несли бабушка Дуня и Федя. Идти по дороге было непросто. Приходилось жаться к заборам, чтобы не попасть под гремящие мотоциклы. На полпути к станции был глубокий овраг. Дорога круто падала вниз и так же круто карабкалась вверх. На такой крутизне даже опытные возчики оказывались под откосом, так как телега спускалась быстрее лошади. А в тот раз мы увидели под откосом разбитый мотоцикл с коляской.

- Не понравился немец нашей дороге, - пошутил Федя. - Стала партизанить дорога.

Вокзал оказался разрушен полностью, одни развалины. А ведь таким красивым был! Главное, там буфет был отличный. Папа покупал мне коврижки и конфеты с самолётом на фантиках. А я пел его другу про Каховку....

Недалеко от станции работали пленные. Их стерегли автоматчики и собаки.

- И чего они копошатся на линии? - сказала бабушка.

- Наверно, колею меняют, - ответил Федя.

- Как это? Какую колею? - удивился я.

- Колея - это расстояние между рельсами. В Германии она немного уже, чем в России. Чтобы могли ходить немецкие вагоны и паровозы, надо переложить рельсы.

Федя был образованным. Он семь классов окончил.

- Значит, немцы долго здесь жить собираются, - вздохнула бабушка.

За станцией дорога была шире и идти удобнее стало. Часа через два мы прошли селение Выру, как назвал его Федя. Он какого-то зрителя и Пушкина вспомнил. Подошли к развилке. Сели на обочину передохнуть. Федя с бабушкой вдруг заспорили, куда идти.

- На Ляды короче будет, - горячился Федя. - Мы же так из Реполки шли.

- Надо зайти в Заречье, Марфина Колю проведать. Его мать, баба Марфа, просила. Там переночуем, и Витя передохнёт, - решила бабушка.

Пошли дальше. Я нашёл две коробки из-под сигарет с блестящей обёрткой. В одной коробке даже целая сигарета оказалась. Федя обрадовался, сразу же закурил и пытался пускать кольца дыма.

- Ишь, форсит. Строит из себя мужика, - ворчала бабушка.

Шли мы медленно, с остановками. Чтобы я не устал. Во дворе какого-то дома увидели, как пятеро немцев окружили двух женщин. Одна была совсем молоденькая, а другая постарше. Женщины пытались вырваться из круга, а немцы с криком и хохотом ловили их. Будто в «кошки-мышки» играли. Потом два немца поймали старшую женщину и потащили её к сараю. Другие три немца продолжали ловить молодую. Она ускользала от них, испуганно кричала: «Мама! Мама!»

- Зачем кричит, если играть согласилась? - спросил я у бабушки.

- А ты не смотри туда, - сказала она.

- Почему? - недоумевал я.

- Не смотри, и всё тут. Пошли быстрее отсюда.

Тогда я так ничего и не понял.

Прохожих на дороге почти не встречали. Мотоциклы сновали туда-сюда, не обращая на нас внимания. Тени стали удлиняться. А мы всё шли и шли. Увидели хороший, гладкий камень. Сели отдохнуть, съели по пирожку.

- Что-то очень долго идём, - ворчал Федя. - Может быть, поворот какой-нибудь проскочили?

- Не ворчи. Я когда-то ходила здесь. Как речку перейдём, так и дом его, и мельница будет.

Вскоре свернули на узкую, тележную дорогу. Пошли по полю с несжатой пшеницей. Колосья поникли, осыпались. Местами стебли были спутаны и

прижаты к земле. Наконец, появились прибрежные кусты, а за ними речка Оредеж. Здесь она была узкая, мы перешли её по лёгкому мостику. И сразу за рекой увидели хороший бревенчатый дом.

- Вот и пришли, слава Богу, - сказала бабушка.

День уже склонялся к вечеру.

ВЕЧЕР ПЕСЕН

Встретили нас очень приветливо. Вся семья высыпала на крыльцо. Хозяин дома, мельник дядя Коля Степанов (Марфин, как звали его в Реполке), жена его Мария, младшая тринадцатилетняя дочь Маруся и гостивший у него внук от старшей дочери, шестилетний Лёнька.

Ахи, охи, поцелуи, расспросы. На меня посыпались обычные в таких случаях похвалы: «Какой большой! Вылитый папа! И кудри, как у отца!»

- Проходите в дом, гости дорогие! - сказал дядя Коля. - Сейчас Маруся покажет вам светёлку, где можете располагаться. А я приготовлю петушка на ужин.

По крутой лестнице в сенях Маруся провела нас в светёлку. Это была просторная комната. Две кровати, шкаф платяной, стол у окна, несколько табуреток. На полу - пёстрый половик, а в углу у входа - кирпичная труба от печки внизу. Бабушка осталась довольна.

- Вот и славно. Одна кровать Феде, на другой мы с тобой разместимся, - сказала она, обращаясь ко мне. - Сними куртку и ботинки, дай ногам отдохнуть.

Федя пошёл к окну, позвал меня:

- Витя, посмотри, как красиво.

Я подошёл и увидел, что под окном полыхала в осеннем наряде осина. Что-то во мне колыхнулось, дух захватило. Как-то радостно стало мне. Конечно, я не мог тогда выразить это словами, но неосознанно вдруг почувствовал, что война войной, а есть ещё красота, бабье лето и тихий осенний вечер в кругу хороших людей.

Маруся принесла наверх набор пуговиц, нашитых на десяток квадратных тряпиц. Пуговицы были самые разные.

- Это с пуговичной фабрики, где до войны работала моя мама. А я собирала коллекцию, - пояснила Маруся.

Бабушка и Федя пошли вниз вести разговоры, а к нам поднялся Лёнька и тоже стал смотреть Марусино богатство.

- Вот это военные пуговицы, - сказала Маруся. - Они блестящие, под золото и серебро. И с ушками для пришивания к гимнастёрке или шинели. На них звезда, или серп с молотом. А на этих - двуглавый орёл. Они ещё с царских времён.

- Почему две головы у орла? - спросил Лёнька.

- Это означает единство Европы и Азии. Ведь наша страна в двух частях света находится.

- А-а-а, - сказал Лёнька, как будто что-нибудь понял. Я тоже ничего не понял, но ведь не говорю: «А-а-а!»

- Эти мелкие пуговицы - для рубашек и кофточек. А крупные пуговицы - для женских пальто, жакеток и блузок. Некоторые очень красивые. Эта похожа на бабочку, эта - на крупную божью коровку. И цвет подходящий, коралловый. Словно и впрямь из коралла сделана.

- «Как кораллы, розовые губы», - неожиданно вырвалось у меня.

- Это ты что сказал? - очень удивилась Маруся.

- Слова из песни про Любушку, - смутился я.

- Ты что, эту песню знаешь?!

- Знаю, - сказал я уже смелее.

- Нет на свете краше нашей Любы,

Чёрны косы обвивают стан,

Как кораллы, розовые губы,

А в очах бездонный океан»,

- пропел я в полголоса.

Маруся бросилась меня тискать и обнимать:

- Какой ты молодец! Это же моя любимая песня! Давай, дальше вместе споём?

Я охотно допел с нею «Любушку». Петь я очень любил, хоть и понимал, что слух у меня неважный...

- А какие песни ты ещё знаешь? - оживилась Маруся.

- Да я много знаю. Когда мне пять лет было, у нас появился граммофон с огромной трубой и много пластинок. Я научился читать этикетки на пластинках, сам заводил граммофон.

- Ну, назови хоть несколько песен.

- «Орлёнок», «Катюша», «Тачанка», «Сулико», «Любимый город», «Весёлый ветер», - загибал и загибал я пальцы на руках.

- Хватит, хватит! Вижу, что много знаешь. А вот «Весёлый ветер» откуда знаешь? Пластинки-то нету такой.

- Я по радио слушал.

- Хорошая у тебя память. Давай-ка, споём эту дивную песенку.

И мы запели:

«А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер,

Весёлый ветер, весёлый ветер!

Моря и горы ты обшарил все на свете,

И все на свете песенки слышал!»....

Мы пели, и праздник расширялся в наших сердцах. До чего же замечательной девушкой была Маруся! Когда допели, жалко стало, что песня кончилась. Помолчали.

- Зато я знаю песню, которую ты точно не знаешь, - хитро сказала Маруся..

- Какую же?

- «В путь дорожку дальнюю» она называется.

Да, такой песни я не знал, и попросил Марусю спеть первый куплет.

- «В путь-дорожку дальнюю я тебя отправлю»,

- начала она.

- «Упадёт на яблоню алый цвет зари»,

- продолжил я неожиданно. И дальше вместе мы громко запели:

- «Эх! Подари мне, сокол, на прощанье саблю,

Вместе с вострой саблей пику подари!

Затоскует горлинка у хмельного тына,

Я к воротам струганным подведу коня,

Эх! Ты на стремя встанешь, поцелуешь сына,

У зелёной ветки обоймёшь меня!»

Мы сами обнялись и допели эту очень красивую песню.

Такого праздника я ещё никогда не испытывал. «К добру ли это?» - шевельнулась в груди тревога. Вспомнились слова бабушки Фимы: «Ой, не к добру это», которые она иногда говорила, когда мы с Тоней очень расшумимся, заиграемся.

- Ты же говорил, что не знаешь этой песни? - вернула меня Маруся на землю.

- Я знал её как «Песню о Соколе». Так называла девушка, которая пела её.

- У тебя что, знакомые девушки водятся? Я буду ревновать тебя!

Жар прихлынул к моему лицу. Я почувствовал, что краснею.

- Ладно, ладно! Не красней. Я пошутила, - улыбнулась Маруся.

- Зато я плясать умею, - вдруг напомнил о себе Лёнька. Он сидел это время угрюмый, нами забытый. И не знал, что делать.

- Верно, верно, - сказала Маруся. - Я сейчас подыграю голосом, похлопаю в ладоши, а он спляшет.

Но на пороге встала бабушка Дуня:

- Вы чего тут расшумелись, распелись? Вниз пойдёмте, ужинать нас позвали.

Когда мы уселись за широким столом, дядя Коля пошутил:

- Лучше бы здесь нам спели, мы бы похлопали. Может, мы и сами голоса бы почистили.

Он налил пахучей бражки себе, тёте Марии, бабушке Дуне. Бражки и Феде, наверно, хотелось, но спросить постеснялся.

- Выпьем же за дорогих гостей, за добрую весточку, что нам принесли из родной Реполки, - сказал дядя Коля.

На ужин была жареная картошка со шкварками, по куску петушатины и молоко парное на третье. Я сто лет не ел столько вкусного! С усталости от дальней дороги, от плотного ужина и обилия впечатлений меня потянуло ко сну. Бабушка Дуня заметила это, проводила меня в постель.

ТРЕВОЖНОЕ УТРО

Когда я проснулся, было уже светло. В комнате я один. Одежда, спустился вниз. Феда и бабушка там находились.

- Уже проснулся, певун наш? - сказала бабушка Дуня.

Певун - это не певец. Это насмешка. Я хотел обидеться, да подумал: «Может быть, бабушка и не думает насмехаться?»

- Ты оденься да пойдди, погуляй у дома, пока завтрак готовится.

Ну, гулять, так гулять. На улице свежо. Солнце уже поднялось немного, но не грело. Была вторая половина сентября. Счёт числам я давно потерял. И не знал, когда будет (или был уже?) день 26 сентября - мой день рождения. Взрослые не напоминали. Как забыли и Тонин день рождения в августе. Может быть, они тоже потеряли счёт дням?

Я осмотрел красную осину, подобрал несколько листьев. Рядом с осиной цвели жёлтые георгины на длинных стеблях. На кустах шиповника - много красных шариков с семенами. Что-то потянуло меня к воде. Там я увидел лодку без вёсел. Нос её покоился на берегу, а бока покачивались на воде. Я, конечно, полез в лодку, сел на перекладину. «Посижу немного, - думал я. - Представлю, что я с вёслами и плыву далеко-далеко, в синее море». Размечтался. И вдруг

заметил, что под ногами вода хлюпает. Течёт лодка-то около носа! А нос уже сполз в воду и просвет от берега быстро растёт! Ужас меня охватил. Шутка ли, оказаться на глубине в дырявой лодке без вёсел! И плаваю я как топор.

«Без паники, - словно кто-то мне приказал. - Прыгай, здесь ещё мелко». Я встал на нос лодки двумя ногами. До берега метра полтора было. Но я со страха так сильно оттолкнулся левой ногой, что правой ногой оказался на берегу и плюхнулся на землю. Даже ноги не промочил!

Подниматься с земли не хотелось. Сердце моё колотилось так, словно выпрыгнуть хочет. «Вот оно, «не к добру» веселье вчерашнее, - вспомнил я присказку бабушки Фимы. - Слава Богу, закончилось всё хорошо».

Я успокоился. Встал, отряхнулся от пыли, пошёл к дому.

* * *

Но оказалось, что рано я радовался. Настоящие несчастья ещё только начинались. На крыльце почему-то два немца стояли с автоматами на груди. Дорогу в дом преградили. «Что это значит? - встревожился я. - Как же мне завтракать? И где все взрослые?» Я отошёл на несколько метров. Потоптался, поглядывая на немцев. Потом набрался храбрости вперемежку со страхом, подошёл к немцам и буквально протиснулся между ними. В сенях навстречу мне на улицу шкаф несли дядя Коля, Федя и Маруся. «Посторонись», - сказал мне дядя Коля.

- Что случилось? - спросил я бабушку Дуню, когда вошёл в избу.

Она очень волновалась, голос дрожал:

- Немцы сказали, что в двенадцать часов дом сожгут. Хоть вещи-то разрешили вынести.

- Но почему? Что они сделали немцам?!

Бабушка приложила палец к губам:

- Уж ты-то помалкивай.

- А завтракать? - задал я глупый вопрос.

- Завтрак отменяется. Лучше помоги мелочь вытаскивать.

Из другой комнаты вышли тётя Мария и Лёнька. Он был в пальто и шапке, двумя руками нёс табуретку.

- А, Витя, хорошо, что ты объявился. Бери табуретку или стул и с Лёней идите в огород, - сказала тётя Мария очень расстроенным голосом.

Я взял стул за ножку у сиденья в правую руку и табуретку в левую руку. Но на рыхлом поле после убранной картошки я понял, что перегрузился. С трудом мы с Лёнькой дотащили свои ноши до кучи вещей на земле. В этот момент Маруся и Федя принесли пружинный матрас и поставили его на табуретки.

- Сидите здесь, не толкайтесь в доме, - сказала Маруся. - Без вас управимся.

Сидеть просто так, без дела, скучно. Об этом, наверно, и Лёнька подумал. Он выдвинул ящик в комод и достал коробку со звериным домино. На каждой половинке дощечки был нарисован какой-нибудь зверь. Стали играть на матрасе. Но игра что-то не клеилась. Мешало засевшее чувство тревоги.

Куча вещей всё росла и росла. Появились сложенные кровати с блестящими шариками и второй матрас, который положили на первый. Потом нам принесли позавтракать. Ели остатки жареной картошки с застывшими шкварками и молоко в полулитровых банках. У Лёньки был хороший аппетит. Он управился быстрее меня. Вытер губы ладошкой, а её вытер о штаны. Он был на два года моложе меня. Невысокий, худощавый, но казался мне шустрым, смекалистым.

- Вот полыхнёт, так полыхнёт! Будет костёр выше неба! - восхищённо сказал Лёнька, глядя на дом.

Стыдно признаться, но мне тоже хотелось увидеть этот «костёр выше неба». Сердце моё замирало от ожидания невиданного зрелища. А ужас и горе людей от этого действия как-то тускнели, на сознание не давили. Может быть, от обыденности происходящего? Озабоченные взрослые деловито ходили, вещи носили. Суровые лица, но никто не стонал, не плакал у меня на глазах. Может быть, в доме наплакались?

ПОД КОНВОЕМ

И вдруг мы с Лёнькой увидели, что к нам по картофельному полю идут три немца. Один офицер и два солдата с автоматами. Но не те, что на крыльце стояли, а другие. Сердце моё ниже пяток упало. Офицер показал на меня

кнutowищем, сказал по-русски: «Пошёл». И вот я иду под конвоем. А Лёнька остался.

Иду неизвестно куда и зачем. Может быть, на расстрел? Вспомнились слова из песни «Орлёнок»: *«Лети на станицу, родимой расскажешь, как сына вели на расстрел»*.

Прошли мимо дяди Колиного дома. Пошли по дороге. «Вот в тех кустах меня расстреляют», - подумал я, как о чужом человеке или собаке. Не было ужаса близкой смерти. Мысли, чувства куда-то девались. Обречённость затмила всё.

Но мы миновали те кусты и оказались у небольшого дома в начале деревни. Вошли в него. Через открытую дверь из прихожей в комнату я видел, что там роскошная мягкая мебель, зеркала. И две женщины сидят. Одна нарядная, накрашенная, другая - не очень. Услышал обрывок их разговора: «Пусть лучше мне достанется их дом».

Офицер сел за стол в прихожей, пододвинул на край стола круглые конфеты-леденцы в пачках и сказал:

- Ты хороший мальчик. Скажи, что дяденьки ночью приходили, и получишь конфеты.

- Какие дяденьки? - не понял я. - Ночью я спал, ничего не видел. - Ещё подумал: «Не врать же мне ради этих конфет».

- Ты кого мне привёл?! - вдруг закричала крашенная на офицера. - Я тебе внука велела привести, внука!

Офицер встал. Меня так же, под конвоем, провели до крыльца дяди Колиного дома. Там отпустили, сами за Лёнькой пошли. Тётя Мария вся дрожала, всё теребила головной платок в руках. Дядя Коля стоял сзади, держал её за плечи.

- Витя, что там было? Куда водили тебя? - спросила бабушка Дуня. Она тоже волновалась, расстёгивала и застёгивала пуговицу на блузке.

- К какой-то крашеной тётке. Там офицер сказал мне: «Если скажешь, что видел дяденек ночью, то получишь конфеты».

- А ты что сказал? - насторожилась бабушка.

- А что я мог сказать? Я же спал ночью, никого не видел, даже во сне. Так и сказал немцу. Не врать же мне ради конфет дурацких. А эта, крашенная, как закричит на немца: «Ты кого мне привёл?! Я же внука велела, внука»!

Два немца по-прежнему стояли на крыльце, но разговаривать нам не мешали. По-русски не понимали, наверно.

* * *

Прошло какое-то время в нервном ожидании. И вот мы увидели, как бежит к нам Лёнька и радостно кричит на бегу:

- Бабушка, бабушка, я немцев обманул!

Лёнька бежал один, без конвоя. Он поднял над головой кулачок с конфетами.

- Как же ты их обманул? - упавшим голосом спросила тётя Мария, когда Лёнька вбежал на крыльцо.

- Я наврал им, что видел дяденек ночью, они и поверили, дали мне сразу две пачки конфет! А я же спал, никого не видел! Вот какие глупые немцы! - и он, довольный собой, разжал кулачок и похвастал конфетами.

Все молчали. Только тётя Мария стояла бледная, как полотно. Она тихо сказала:

- Всё. Моя песенка спета, - уткнулась в грудь дяди Коли и зарыдала. Он увёл её в дом.

Лёнька оторопело смотрел то на меня, то на бабушку Дуню. Он ничего не понял тогда. Да и кто бы взялся объяснить ему, что его наивный обман немца стал невольным предательством родной бабушки?! Мне очень жалко было Лёньку. Непонятно почему, но мне казалось, что или я, или кто-то другой, в чём-то виноваты перед ним.

Появились те же конвоиры с офицером, что водили меня на допрос. Они вошли в дом. Через минуту вышли уже с тётей Марией. На крыльцо вышли так же дядя Коля, Маруся и Федя. Офицер разрешил попрощаться со всеми. Тётя Мария поцеловала всех, даже меня и Федю. Дядя Коля перекрестил её, дал маленькую иконку. А Лёньку она просто зацеловала. Слёзы, рыдания душили её. По приказу офицера, дядя Коля с трудом оторвал её от внука. «Вносите вещи», - сказал офицер.

Увели тётю Марию. А мы еще долго-долго стояли на крыльце и молча смотрели вслед, даже когда конвой и два немца-сторожа совсем пропали из виду.

СТРАШНАЯ КОМНАТА

Время перевалило за полдень. Как ни трудно было прийти в себя после ареста тёти Марии, но надо вещи вносить обратно в дом. Снова дядя Коля, Федя и бабушка Дуня надрывались над шкафом, комодом, матрасами. А мы с Лёньюкой носили мелочь. Только главной помощницы Маруси не было. Она побежала к комендатуре разузнать что-нибудь о своей маме. Уже стало смеркаться, когда кончили вещи носить. Их не расставляли по своим местам, а сваливали в кучу в сенях или в большой комнате. Предельно усталые, голодные, измученные дневной нервотрёпкой, все сели отдохнуть.

- Господи, милостивый! За что же так прогневался на нас, Господи! - с болью простонал дядя Коля.

Я хотел объяснить: «Это за песни вчерашние да за брагу», но вовремя сообразил, что когда взрослые молчат, детям тоже лучше помалкивать. А то скажешь что-нибудь невпопад.

Печь не топили, еду не готовили. Решили попить молока с хлебом. Бабушка вспомнила про корову. Взяла подойник, хлеба кусок и пошла доить. Дядя Коля лампадки зажёл у икон в большой комнате и в своей, маленькой. Минут через двадцать вернулась бабушка с пустым подойником.

- Вот зараза, - сказала она сердито.

- Кто зараза? - спросил Федя.

- Кто-кто, корова ихняя, вот кто. Хлеба с солью дала, за ухом почесала, милой-хорошей назвала. Ну, думаю, всё. Поладили. Только стала доить, она как брыкнет ногой - еле подойник поймала. Не хочет признавать меня за свою, и всё тут. Снова стала поглаживать да уговаривать. Вроде бы успокоилась. Дала надоить почти целый подойник. «Слава Богу», - подумала я, а она в этот момент как даст ногой по подойнику! Он кувырком полетел, молоко всё в навоз! - «Шиш вам, только хозяйке дам», - сказала корова.

- Так и сказала? - спросил Федя.

- Не веришь? Пойди, сам спроси.

В первый раз за этот день мы улыбнулись. Достали утреннее, снятое молоко и с хлебом поели. Дядя Коля не ел, он был в своей маленькой комнате. Бабушка налила полулитровую банку молока, отрезала хлеба кусок.

- На, снеси дяде Коле, - сказала она мне.

* * *

В дяди-Колиной комнате было сумрачно. Свет от зелёного стекла лампадки делал его лицо мертвенно бледным. Он стоял на коленях перед иконами, молился и кланялся до пола. Через открытую форточку тянул ветерок и колебал пламя в лампадке, отчего тени в комнате причудливо шевелились. Я стоял у двери, боясь шелохнуться, боясь помешать дяде Коле. И было страшно мне, очень страшно. От такого движения теней казалось, что это души шевелятся, а я нахожусь на том свете. И не знаю ещё, в рай попаду или в ад. Конечно, я тогда не мог бы так описать эту комнату, но ощущения были такие, это я точно помню. Ещё я точно помню тот далёкий вой, который врвался в форточку. Вой всё нарастал, приближался. И превратился в такой страшный, звериный вой, такой безысходный и смертный, что душу мою рвал на части. Особенно страшно в этой чёрной комнате слушать. Оказалось, что это Маруся бежала домой и выла в смертной тоске. Дядя Коля давно уже понял это и отчаянно бился головой об пол.

Маруся, как безумная, ворвалась в комнату дяди Коли:

- Папочка! Папочка! Они зарыли её, а ножки торчат! Босые! Мамины ножки! Из могилы торчат! Ты понимаешь меня??? Холодно ножкам! Босые они! - она трясла и трясла дядю Колю, не давая себя прижать, успокоить. - Мамины ножки! Босые! Холодные! Лезут! Лезут в меня! Ыыыы!!! - снова завывала она по-звериному.

Прибежали бабушка Дуня, Федя и Лёнька. Принесли зажжённую керосиновую лампу. Бабушка с помощью дяди Коли и Феди насильно влили в рот Марусе раствор валерьянки. Кое-как скрутили её, уложили в кровать. Дядя Коля нашёл какие-то таблетки снотворные. Растолкли одну или две таблетки и тоже насильно дали выпить. Немножко успокоили Марусю...

* * *

Я плохо спал в эту ночь. Беспокойно вздыхал, ворочался, в голову лезли дурные мысли. А когда задрёмывал, то видел один и тот же сон. Будто я сползаю с крутого берега в чёрную воду. В страхе карабкаюсь, карабкаюсь вверх, но всё

равно сползаю. Пытаюсь кричать, рот открываю, а голоса нет. Просыпаюсь в холодном поту.

В окно светила луна. Федя спал. А бабушки рядом не было. Только в середине ночи она тихо вошла и увидела меня сидящим в кровати.

- Ты почему не спишь? - прошептала она.

- Мне снится один и тот же дурной сон. Я боюсь его, - ответил я тоже шёпотом.

Она накапала валерьянки мне и себе. Стала тихо рассказывать:

- Я помогала дяде Коле вещи собрать в дорогу. С Марусей и Лёней он хочет идти в Реполку. Маруся, слава Богу, спит. Лишь бы не повторился нервный срыв. Лёня тоже спит. И нам с тобой надо хоть немного поспать. Дорога-то трудная предстоит. Давай-ка, спи. Сон твой не приснится больше.

Она покрестилась, пошептала молитву, легла рядом со мной. Я пригрелся и заснул.

Уже светло было, когда меня позвали к завтраку. Оказалось, что дядя Коля спал всего часа два. На рассвете проснулся, сам подоил корову, накормил её. Стал жарить яичницу со свининой на двух сковородах. Все уселись за столом, кроме Маруси. Её не будили, дали ещё поспать. Сидели молча. Тоска и тревога царили в доме.

Ели и молоко пили досыта, как будто в последний раз. После завтрака дядя Коля, Федя и бабушка стали забивать окна ставнями. В комнаты пришёл полумрак. Под стук молотков и проснулась Маруся. Яичницу есть отказалась, только выпила молока.

Все встали на колени перед иконами, помолились. Дядя Коля сам погасил лампадки. Несколько икон снял с иконостаса, укутал простынёй, уложил в сумку и передал Марусе. Разобрали котомки и сумки - кому что нести. Вышли на улицу. Дядя Коля повесил замок на дверь, перекрестил дом. Вывел из хлева корову. Прощально взглянул на видневшуюся деревню. И скорбная процессия тронулась в путь...

И никто-никто тогда не догадывался, что даже через семьдесят лет люди будут помнить деревню Большое Заречье, что здесь будет устроено Мемориальное кладбище. На месте сожжённых немцами домов, в одном из которых были заперты около сотни живых людей, будут оставлены голые печи и трубы как танки памяти. А на мраморе, среди перечисленных имён загубленных фашистами жителей деревни, будет стоять имя тёти Марии Степановой.

МАРУСИН РАССКАЗ

Дядя Коля повёл нас своим путём - напрямик на деревню Ляды. Шли то полем, то лесом. То по тропинке, то по тележной дороге. Шли медленно, так как вначале корова мотала головой, упрячилась. Потом ничего, разошлась. Мы почти не разговаривали. Только изредка отдельные реплики слышались. У каждого были свои тяжёлые думы. Марусю никто ни о чём не расспрашивал, даже отец. Видимо, потревожить боялся. Шла себе тихо, и слава Богу, что шла. Лёнька угрюмо молчал. Переживал, наверное.

Были и у меня думы тяжёлые о вчерашнем дне. Когда монотонно вот так идёшь и идёшь, от дум никуда не спрятаться. Ведь окажись я более жадным до сладостей и любил бы соврать, то я оказался бы невольным предателем. А Лёньке даже не пришлось бы ходить на допрос. Как коварны и как жестоки враги! Совсем не такие, как в песнях мы их представляли.

Часа через три мы вышли к деревне Ляды. Заходить в неё не стали, обошли стороной и вышли на знакомую Феде и бабушке лесную дорогу на Реполку. Прошли по ней до болота, которое Федя Карловским называл.

- Отсюда до Реполки семнадцать километров осталось, - сказал он. - Ни одного жилья, ни одного сарая дальше не встретим. Один лес да болота разные.

У лежащей осины решили устроить большой привал. Корова тоже легла отдохнуть. Достали хлеб со шпиком, молоко в бидоне, яички варёные. Appetit нагуляли. Дядя Коля уговорил и Марусю съесть яйцо и хлеб со шпиком. Она съела, захотела руки вытереть. Достала платок носовой из кармана куртки, выронила иконку. Подхватила её на лету, поцеловала, потом зарыдала. Дядя Коля прижал дочку к себе, гладил волосы. К счастью, скоро она успокоилась. Глубоко вздохнула и вдруг сама стала рассказывать:

- Это мамина иконка, её папа дал при аресте. А я нашла её на месте, где маму зарыли. - Она сделала усилие, чтобы вновь не расплакаться. - Я ведь всё-всё видела. Собственными глазами. Сначала я недалеко от комендатуры стояла. Надеюсь, что маму отпустят или повезут в какой-нибудь концлагерь. Хотя, конечно, в счастливый конец не верила. Мама же говорила нам с папой, что когда передавала хлеб партизанам у крыльца, то эстонка, будь она трижды проклята, откуда-то появилась и заметила маму. В темноте разглядела, кошка драная!

Мы все слушали, затаив дыхание. Боялись неосторожным движением спугнуть её желание говорить.

- Чтобы дом сжечь, немцу достаточно было одного доноса эстонки. А для расстрела мамы ему почему-то ещё свидетель понадобился. Вот и пошёл он на подлый обман малолетних.

Маруся перевела дыхание. Комок в горле, видимо, мешал ей говорить. Но она тихо продолжила:

- Я часа три или четыре стояла. Боялась отойти от комендатуры и пропустить мамин выход. Уже смеркаться стало, когда вывели маму и ещё четырёх наших солдат. Избитых, оборванных, со связанными руками. Три автоматчика и офицер повели их к кустам. Там лежали четыре лопаты. Пленным развязали руки, велели копать могилу.

Марусю душили слёзы. Но, видимо, была потребность выговориться, разделить с нами боль, терзавшую душу.

- Я стояла метров за тридцать в кустах и всё-всё видела. «Вот сейчас, - надеялась я, - пленные лопатами убьют хоть одного фашиста, ведь всё равно им расстрел. Но нет. Какое-то оцепенение, безвольная обречённость заставляли их копать себе могилу. Мама тоже обречённо стояла. Она охватила руками свои плечи и покачивалась вперёд-назад. Вероятно, молитвы шептала.

Маруся глубоко вздохнула, чуть-чуть помолчала и продолжила:

- Стало быстро темнеть. Офицер посчитал, что достаточно глубока могила. Приказал пленным и маме встать на краю ямы. Скомандовал: «Файер!». Автоматчики дали очередь. Я закрыла уши ладонями, упала на землю. Но тут же поднялась, буквально заставила себя дальше смотреть. Один из пленных и мама не упали в яму, а на краю лежали. Офицер подошёл, выстрелил в яму. Видимо, добил кого-то из упавших туда. Потом своим начищенным сапогом брезгливо столкнул в яму лежавшего на краю пленного и сверху мою маму. Чего-то крикнул. Вышли два полицаи из-за кустов, взяли лопаты, стали закапывать. А расстрельная команда ушла.

Маруся замолчала. Молчали и мы все, потрясённые этим рассказом. Она попросила воды, но бабушка налила ей молока в кружку. Выпила, вздохнула и продолжила:

- Когда ушли полицаи, я побежала к могиле, к песчаному холмику. В полумраке споткнулась обо что-то, упала. Оказалось, что это мамина ступня торчит. Стала ощупывать рядом. Сначала иконку нащупала, потом вторую мамину

ногу. Холодные были ножки, босые. Я щупала и щупала, грела их своими ладонями, пока не завывала от ужаса, от которого сама чуть не умерла. Не помню, как я бежала домой и что было дальше. Этот ужас и сейчас ещё сидит во мне. Не знаю, как его одолеть.

- А ты молись, деточка, - вдруг ласково сказала бабушка Дуня. - «Отче наш» читай Господу, он и поможет.

- Но я же в комсомол готовилась, в бога не верю!

- А ты поверь. Господь и комсомолке поможет. На иконку мамину чаще смотри, и придёт успокоение к тебе, доченька.

Маруся вдруг обняла бабушку, заплакала у неё на плече - но уже другими слезами.

- Ничего, Бог милостив. Переживём и это страшное горе. Надо жить. Надо терпеть, - раздумчиво сказал дядя Коля Марусе. - А мамино тело мы перевезём в Реполку и там похороним. И перестанут мамини холодные ножки тебя беспокоить. А сейчас давайте трогаться в путь. Нам ещё далеко-далеко идти.

Прошли по гати через болотину. Дальше дорога была получше. Процессия наша растянулась. Впереди шли Федя с бабушкой, потом мы с Лёнкой и Марусей, а замыкал шествие дядя Коля с коровой. Шли с частыми, но короткими остановками, чтобы Лёнке дать передышку и корове тоже. И вот, ещё часа через три, вышли мы к новой железной дороге. Колея широкая, насыпь высокая. Немцы ещё не переложили колею на свой лад.

Эта ветка шла через Реполку и должна была связать Волосово со станцией Дивенская на Варшавской дороге. Но поезда по ней до войны не успели пустить. Идти по шпалам с коровой немыслимо. К счастью, вдоль насыпи шла тропинка, как будто специально для нас.

В Реполку пришли уже в сумерках.

ЧАСТЬ 2. МАЛАЯ РОДИНА

Глава 6. ХМУРАЯ ОСЕНЬ

ОБЖИВАЮСЬ

Стало смеркаться, когда подошли к перекрёстку железной дороги с большаком. Он протянулся из Волосова через Реполку к деревням Сосново, Вересть и к селу Ящера. От переезда оставался ещё один километр до маленькой речушки, по берегам которой рассыпались избы. Считалось, что деревня состоит из трёх частей: на правом берегу Малый Край отделялся большаком от Большого Края, а на левом берегу протянулась улица Ивановка. Мой папа говорил, что много лет тому назад на ней поселились основатели Реполки - три Ивана, выходцы из Псковских земель.

На этой улице, не далеко от большака, стоял дом бабы Марфы - матери дяди Коли, а напротив него - дом Дунаевых. В нем жила бабушка Дуня с сыном Михаилом - моим крёстным, невесткой Серафимой, дочками Ольгой семнадцати лет и Ниной пятнадцати лет от роду. А через десяток домов, в самом конце Ивановки, стоял дом бабушки Маши Васильевой (по прозвищу Яснецовой) - матери моего папы. С нею жили дочь Дуся восемнадцати лет и сын Федя пятнадцати лет. Своих тётушек Олю, Нину, Дусю и дядю Федю мы с сестрёнкой Тоней всегда звали просто по имени, так как разница в возрасте была не велика.

От нашей процессии первыми отделились Марфины. Федя тоже стал прощаться со мной у дома Дунаевых. Но бабушка вдруг спохватилась:

- Пстой, Феденька, погоди. Ты думаешь, что Витя должен со мной остаться? Но я ведь не хозяйка. В доме Михаил хозяин. И я не знаю, захочет ли он содержать Виктора. Он считает, как мне кажется, что Вите лучше жить в доме отца своего, а не матери.

Федя пожал плечами, не стал возражать. А меня даже не спросили, с кем я хочу жить. Впрочем, я так сильно устал от дороги, что наверняка бы ответил: «Не знаю. Мне всё равно». Очень хотелось поскорее в постель.

В домах уже зажигались огни. Федя легонько постучал в окно своего дома. На крыльцо выбежала Дуся, подхватила меня на руки как маленького ребёнка, внесла в избу. Бабушка Маша поднялась со скамьи, захромала мне навстречу. Объятия, поцелуи, расспросы. Потом опомнилась:

- Что же я, старая, заболталась?! Сейчас поужинать соберу.

Из остывающей русской печки она достала чугунок с запеченной корочками картошкой и солёные огурцы. А к несладкому кипятку подала ватрушки с морковной начинкой. Но я съел только пару картошин с огурчиком и попросился спать. Бабушка меня уложила на Федину кровать, а ему постелила на лежанке у печки.

Так началась моя жизнь в Реполке.

* * *

Проснулся я когда было уже светло. Не сразу понял - где я и что со мной. Почувствовал острый укус. Хлопнул ладошкой по шее - разлился противный запах раздавленного клопа. Другой клоп сидел на стене рядом с кроватью. «У, фашист! Сейчас достану тебя!» - подумал я и потянулся рукой к нему. Но «фашист» свалился в щель между кроватью и стенкой. «Шиш найдёшь!» - словно съехидничал клоп.

Всё стало ясно. Клопы-то знакомые, родненькие. Позапрошлым летом я гостил у бабушки Маши полтора месяца. Тогда над моей кроватью даже марлевый полог повесили, а под ножки кровати железные миски с водой поставили, чтобы мой сон уберечь от вонючих «друзей».

За окном стояло хмурое утро, моросил дождик. Из большой комнаты через приоткрытую дверь слышались обрывки разговора Феде и бабушки Маши. Похоже, Федя кончал рассказывать о Заречье и вчерашнем переходе.

- Она сказала, что Михаилу не понравится, если Виктор у них будет жить. Я спорить не стал и привёл его к нам, - говорил Федя.

- И правильно сделал. Ведь Витенька наш, в нашем доме родился. Это Тоня родилась в доме Дунаевых. Проживём как-нибудь, - ответила бабушка.

- Мам, а что о дяде Пете Матюшкине слышно? Нашли его или всё ещё ищут?

- Всё ищут, всё никак не найдут, - вздохнула бабушка. - Вчера опять в лес ходили жена его да Алексей. А Стёпа Кузин ещё насмехается. Говорит: «И не найдёте. Волки съели вашего председателя».

Федя и бабушка помолчали. А я подумал: «Какой-то дяденька заблудился. Страшно ночью в лесу одному-то. И холодно, бррр!» Сразу вспомнилось, что когда мне было пять лет, мы с папой пошли на лесную речку за налимами. Он оставил меня на полянке, сказал: «Не уходи никуда, цветы собирай. Я скоро вернусь». И ушёл по речке налимов искать. Я ждал-ждал, стал кричать. Охрип, разревелся. Очень испугался, что папа заблудился и ночью его волки съедят. Решил скорее в деревню идти - пусть взрослые найдут моего папу. Хорошо, что лесную дорогу

запомнил, один пришёл. Бабушка Маша встревожилась, но решила подождать до вечера. Когда папа сам вернулся, то мне же ещё и попало - зачем самовольно ушёл из лесу. А налимы, пожаренные в сметане, очень вкусные были. «Вот бы сейчас их попробовать!» - размечтался я.

- Надо Витю будить, - сказал Федя. - Скоро десять часов.

- Ничего, пусть поспит вволю. Куда ему торопиться?

Я встал с постели и вышел к ним.

- А вот и Витенька. Сам проснулся, касатик, - сказала бабушка.

* * *

Дождь прекратился. После завтрака я надел пальто, вышел на улицу через крыльцо - верандочку, огляделся. Дом бабушки Маши стоял на пригорке. Два окна смотрели на запад, в сторону улицы Ивановки и речки за ней. Вплотную к речке стояла банька - без трубы, с соломенной крышей. Перед домом, по уклону к речке, был небольшой огород, где сиротливо доцветали несколько жёлтых георгинов. Немцев в Реполке не было. Бабушка сказала, что они здесь бывают наездами.

Я прошёл огородом к другой стороне дома. Там, под навесом, было много разной хозяйственной утвари и большая куча напиленных дров. Федя в одной рубашке-косоворотке лихо колот эти дрова. Он ставил чурбак на поддон в виде огромного старого пня, двумя руками заносил топор за голову, глубоко вдыхал воздух, пятки его отрывались от земли - и следовал сокрушительный удар! Две половинки чурбака летели в разные стороны!

Я залюбовался такой работой. Мышцы его играли. Он был сильный, красивый в такие мгновения. «Вот бы мне научиться так ловко колоть», - позавидовал я. Федя положил топор, вытер пот со лба рукавом рубашки:

- Что, помогать мне пришёл?

- Федя, дай мне поколоть.

- А ты хоть раз держал топор в руках?

- Нет ещё, - признался я.

- На, поддержи. Только на ноги не урони, - сказал Федя и установил чурбачок. Я ухватил топор двумя руками, тяжело приподнял до уровня лба.

Удар получился слабый, не резкий. Топор завалился на бок, топорщице вывернулось из рук, а целёхонький чурбачок отлетел в сторону.

- Слабо держишь топорщице, - сказал Федя. - Мало ещё силёнок. - Он сжал кулак, согнул руку в локте: - Пощупай, какие мускулы у меня.

Я щупал. Как будто большой камень был под рубашкой. Согнул свою правую руку. Нащупал только жиденский бугорок.

- Не огорчайся. Годика через два и ты сможешь владеть топором. А сейчас, если хочешь, укладывай поленья в поленницу.

Конечно, я хотел! С удовольствием принялся за работу. Это гораздо лучше, чем толкаться без дела. Вскоре пришла Дуся. Сложила вязанку дров, подняла на спину. Сказала Феде:

- Пойдём, воды наносишь в баню.

Я тоже пошёл с ними. Банька была низенькая, с одним небольшим оконцем. Узенький предбанник со скамейкой для одевания. В самой бане справа - полукруглая печь, сложенная из камней. Рядом стояла кадка для нагретой воды и кадка для холодной. За каменкой возвышался полоч, на который ложились и парились веником. У окна и у задней стенки тянулись лавки с шайками для помывки. Банька топилась по-чёрному, так как дым выходил через дверь.

Пока Дуся мокрой тряпкой протирала полоч, лавки и покатый пол, я ножом нащипал лучины для растопки. Печь растапливать стала Дуся. Пошёл едкий дым. Я вышел на улицу.

По Ивановке с пригорка спускались тётя Оля Марфина - дяди-Колина старшая дочь и сын её, уже знакомый мне Лёнька. Тётя Оля жила на другом берегу речки, а ближайший мосток из двух брёвнышек был за нашей баней. Федя поставил вёдра на землю. Подошли, поздоровались.

- Как там Маруся? - спросил Федя.

- Ох, даже не спрашивай. Мало нам зареченских ужасов, так сегодня новое горе добавилось - ночью корову папину украли. Прямо из хлева увели, замок сорвали. С бабушкой плохо - левые рука и нога отнялись. Маруся заперлась в маленькой комнате, тихо скулит. Боится, что её тоже украдут, как корову.

- О, Господи! - подошла Дуся. - Да как же это? Не успели поставить в хлев, как тут же украли! Кто же эта сволочь такая?!

- Думаем, что это Степа Кузин, больше некому. Он же ближе к большаку живёт, вот и видел, наверно, как папа корову вёл. Он теперь полицаё, ему всё дозволено, - горестно сказала тётя Оля. - Пойду сына кормить, да помыть его надо, - закончила она.

Я всё время молчал, поражённый их новой бедой. Да и что можно сказать в утешение? Всё смотрел и смотрел им вслед, пока не перешли они мосток и не скрылись на том берегу. Дуся и Федя продолжили свои дела у бани, а я пошёл складывать поленья. Почему-то хотелось заплакать. Видимо, за последние дни я как бы сроднился с Марусей, дядей Колей и Лёнью. Их горе воспринимал как своё.

* * *

Под вечер мужики пошли в баню, на «первый парок». Мужики - это я и Федя. А женщины обычно моются после мужиков. Мы разделись в предбаннике, вошли в баню. Остатки дыма ещё сохранились. Сильно щипало глаза и в горле першило. Федя подал мне ковш холодной, чистой воды:

- На, промой глаза. И дыши через нос, першить в горле не будет.

Я так и сделал, стало легче. Чтобы воду подогреть, он железными щипцами ухватил камень с печки и бросил в кадку. Вода запузырилась, забурлила брызгами. «Как это Федя не боится ошпариться?» - испугался я за него. Потом он приготовил мне шайку теплой чистой воды и тазик щелочной воды (с прокипяченной золой).

- Голову и тело мой щелочью из тазика, - сказал он мне. - Только будь осторожным, не торопись. Следи, чтобы щелочь в глаза не попала. Промывать и качивать тело будешь чистой водой из шайки.

- А мыло? - задал я глупый вопрос.

- С начала войны мыло нигде не достать. Терпи, казак, атаманом будешь, - пошутил он. Вылил ковш воды на печку, чтобы пару поддать, и полез на полку париться. Даже внизу, на лавке, стало жарко.

Я вымыл голову скользкой щелочной водой, потом чистой тёплой. Федя хлестал себя берёзовым веником.

- Полезай ко мне, попробуй веничка, - позвал он.

Из любопытства я залез на полку. Федя несколько раз шлёпнул меня. Я задохнулся от горячего пара, поднятого веником, и сбегал вниз, на лавку. «Нет, парилка не для меня. Лучше на лавке скользкой водой тело помою», - решил я.

Федя сбегал на речку, нырнул, вернулся и снова полез на полку. Я уже кончил мыться, когда Федя слез с полка. Он помог мне окатиться, поливая сверху тёпленькой «летней» водичкой, и помог быстренько одеться в предбаннике.

- Ты беги домой, тут близко, не успеешь остыть, - сказал он.

- С лёгким паром, с лёгкими думами! - встретила меня бабушка. Налила горячего кипятка, дала ватрушку. Потом проводила меня в постель:

- Полежи, отдохни до ужина. Хлеб, когда из печи достанешь, и тот хочет отдыха от жары. Так и человек после бани.

И действительно - хорошо чистенькому в постели! Мысли чёрные отступают, приходит спокойствие. Я незаметно заснул. Даже ужинать не пошёл, когда звали.

ЛИШНИЙ РОТОК

Несколько дней стояла сухая погода без утренних заморозков. Мне нашлась работа: я ходил на убранные картофельные поля бывшего колхоза и подбирал случайно оставшиеся картофелины. Обувал старые резиновые Федины сапоги, брал лопату с коротким черенком, ведро и маленький заплечный мешок, с которым пришёл из Сиверской.

Унылую картину представляло поле. С приходом немцев и распадом колхоза уборка недозрелой картошки проводилась стихийно, набегами, и была похожа на разграбление. Так же, как поля пшеницы, овса, турнепса, капусты. По пословице: «Кто смел, тот и съел!» Кусты вокруг были голые, освистанные ветром. Птиц не было слышно. Даже вороны не ходили по полю за червяками. Только изредка пролетал клин перелётных гусей с такими тоскливыми криками, что плакать хотелось.

Я ходил один-одинёшенек. Ни один человек в Реполке не соблазнился таким сбором. Поле было беспорядочно перекопано уже много раз. И всё-таки изредка ещё попадались картофелины. Я мысленно разбил поле на полосы. Ходил очень медленно, вглядываясь в каждый подозрительный комочек земли. В таком комочке иногда пряталась картофелина.

Терпение да упорство моё вознаграждались. За четыре - пять часов мне удавалось набрать ведро картошки. И так несколько дней подряд. Бабушка Маша была очень рада, всё приговаривала: «Касатик ты мой ненаглядный!» Сама она в поле ходить не могла, сильно хромала, так как левая нога у неё была вся в узлах вздутых вен. А Дуся и Федя работали на Германа. Это был богатый эстонец. Он,

да его сестра Телли, одни не вступили в колхоз и продолжали жить на своих лесных хуторах в километре от деревни. Дусе и Феде от колхозных полей практически ничего не досталось, но они надеялись получить хороший расчёт у Германа.

* * *

Мы уже кончали ужинать, когда к нам пришла баба Лена. Она с пятнадцатилетним сыном Митрошкой жила в соседнем доме, самом крайнем по Ивановке. Сразу за их домом, на пригорке, было деревенское кладбище. Феде и Дусе она приходилась двоюродной тётей. Но племянник и племянница почему-то называли её не тётей, а бабой. И как-то так получилось, что я тоже стал называть её бабой Леной.

Бабушка Маша не ждала гостей. Заторопилась убирать со стола, но не успела.

- Здравствуй, Марьюшка. Хлеб да соль, - сказала баба Лена с порога.

Я помнил о всегдашнем бабушкином гостеприимстве, подвинулся на лавке, освободил для гостыи место за столом. Бабушка Маша сердито посмотрела на меня и вдруг, вместо обычного в таких случаях ответа: «С нами кушать изволь», заявила: «Ем да свой», - и продолжила убирать со стола.

Баба Лена была маленького роста, сухонькая, а тут ещё больше скукожилась.

- Что ты, Марьюшка! Не хочу я обедать! Зашла спросить только, нет ли свечки сальной у тебя. Митрошка мой ругается, кулаками машет - зачем не закупила я свечей до войны.

- Нет, Елена, - уже спокойно ответила бабушка. - Сами дожигаем последние свечи. Керосину давно нет. Придётся с лучиной жить, как в старину было.

Баба Лена ушла. Я вылез из-за стола, сел у окна на лавку. «Подменили бабушку Машу. Война подменила, - подумал я. - Такая добрая, приветливая была».

Бабушка убрала всё со стола, вымыла посуду. Подошла и села на лавку рядом со мной.

- Ты не осуждай меня, внучок, - сказала она. - Каждый гость лишний роток. Идёт война, грядёт зима. А запасов-то нет. Каждую крошку хлеба надо ценить, чтобы самим с голоду не помереть.

«Значит, я тоже лишний роток, - с грустью подумал. - Завтра пойду и наберу два ведра картошки. До темна собирать буду»...

Но на завтра грянул крепкий заморозок, сковал всю землю.

СТРАШНЕЕ ЗВЕРЯ

В морозную погоду картошку в поле не выковырять из земли. Я остался дома. Слонялся по избе без цели. Бабушка прибралась по дому. Стала, кряхтя, надевать пальто и чёрный шерстяной платок.

- Ты куда собираешься, бабушка? - спросил я

- Хочу проститься с Петей Матюшкиным.

- С тем дяденькой, которого искали? Который в лесу заблудился? - вспомнил я разговор Феди и бабушки в первое утро.

- Он самый и есть. Вчера отыскали.

- Слава Богу, - сказал я по-взрослому. - А почему прощаться? Разве он уходит из Реполки?

Бабушка удивлённо посмотрела на меня. Поняла, что я ничего не знаю, но объяснять не стала.

- Уходит, совсем уходит, - грустно вздохнула она.

- Я тоже хочу попрощаться, - сказал я неожиданно.

Бабушка помолчала немножко, словно решая: брать меня или нет.

- Ну, пошли, коли сам захотел, - заключила она.

Речку мы перешли по жёрдочкам за нашей баней. Молча поднялись на высокий правый берег. Когда я и бабушка Маша вошли в дом, там уже было много людей. Пальто, куртки не снимали. Женщины были в тёмных платках, а мужчины стояли с непокрытой головой, держали шапки в руках. Я тоже снял свою шапку. В переднем углу избы, под иконами, на двух табуретках, стоял длинный ящик, покрытый белой простыней. От него шёл сильный трупный запах. От этого запаха и скученности людей было трудно дышать. Люди молчали, только несколько женщин о чем-то шептали друг другу. Я не разобрался, в чём тут дело.

- А где же тот дяденька, с которым надо прощаться? - шёпотом спросил я у бабушки.

- Погоди маленько, скоро сам всё поймёшь, - так же шёпотом ответила бабушка.

Откуда-то появился большой рыжий кот с белым брюшком. Пролетел мимо множества ног людских, запрыгнул на белую простынь. Вытянул передние лапы, положил на них мордочку и жалобно заскулил.

- Это его любимый кот страдает, - прошептала одна из женщин. Другая женщина сказала сердитым голосом:

- Надя, Надя, забери кота. Батюшка пришёл.

Девочка лет тринадцати подошла и оторвала кота от простыни. Прижала его к своей груди, унесла из комнаты. «Батюшка?! Значит, в ящике покойник лежит? Значит, дяденьку волки заели?» - догадался я, наконец.

Появился батюшка в чёрной рясе с большим крестом на груди. Люди отступили от ящика. Часть простыни завернули, открыли лицо и плечи покойного. Я стоял метрах в трёх от него и тёмное лицо было плохо видно. Батюшка помахал кадилом, разлился густой запах ладана, который перебил трупный запах. Дышать стало легче. Священник почитал молитвы, все покрестились. Некоторые женщины утирали слёзы платком. Потом батюшка обратился к собравшимся людям, сказал:

- Теперь подходите прощаться.

Мы с бабушкой одними из первых подошли близко к покойному. Лицо и шея, вплоть до белой рубашки, были синими, ноздри порваны, ушные раковины отсутствовали. Одни медные пятаки на глазах были светлые и казались огненными на фоне синевы изуродованного лица. Как у вампира. В это время какая-то женщина хотела поправить подушку покойному, нечаянно задела голову и пятаки соскользнули с глаз в ящик. А под ними-то дыры, чёрные провалы были вместо глаз! Это мне ещё страшней показалось!

Я захлебнулся от ужаса. Голова закружилась, стало тошнить. Я уткнулся лицом в бок бабушкиного пальто. Она прижала меня рукой к себе и быстро вывела в кухню. Там мне дали выпить воды, потом стакан молока. Ещё дали понюхать нашатырный спирт, такой противный, что я чуть не подпрыгнул на месте. Зато прошла тошнота. Я даже успел заметить, как рыжий бедняга кот рвётся из кухни к покойному - царапает закрытую дверь, скулит охрипшим

голосом и жалобно-жалобно глядит на людей в кухне, надеясь на их сочувствие. Боже мой, как жалко мне было кота!

Бабушка попрощалась с хозяевами, мы пошли домой.

* * *

Дома бабушка напоила меня горячим чаем, накапала валерьянки, уложила в постель:

- Поспи часок-другой. Пусть нервишки твои успокоятся.

Я не сразу уснул. Вздыхал, ворочался. Чёрные провалы глазниц на синем фоне шевелились, ширились, слились в одну пещеру, которая поглотила меня. Проснулся, когда стало смеркаться. Бабушка Маша сидела за простой прялкой, на которой была закреплена кудель из овечьей шерсти, и крутила веретено. Я подошёл, сел на лавку рядом с ней.

- Проснулся, касатик? Я вот тоже хочу успокоиться за веретеном.

- Бабушка, почему ты сразу мне не сказала, что дядя Петя мёртвый? Что его волки заели?

- Я и сама не знала, что он так изуродован. Иначе оставила бы дома тебя. Только его не волки заели, а люди, которые страшнее волков и вампиров бывают. Не только немцы, но и свои, репольские, выродки есть, которые зверствовали

- Кто же это?

- Стёпа Кузин, прихвостень немецкий. Недавно перевели его старшим полицаем то ли в Извару, то ли в Волосово. И второй из репольских кто-то был. Бабы про Германа шепчутся, - говорила бабушка. Она левой рукой ловко вытягивала нить из кудели, а правой раскручивала косо поставленное веретено. Мне было приятно смотреть на её слаженную работу.

- И за что же так дядю Петю? - продолжал я спрашивать.

- Да ни за что. Не коммунист, не еврей, не партизан. Справедливый мужик был, набожный. Люди его председателем колхоза избрали. Строг был. Часто Стёпку ругал за лень да прогулы. А теперь этой мрази можно всласть издеваться над человеком, похваляться перед фашистами.

- А синий он почему? И ящик вместо гроба?

- Так в лесу его в яму с соляжкой бросили, с камнем на шее. Две недели искали. Только когда обмелела яма, то по торчащей голой ступне и нашли

беднягу. Наскоро сколотили ящик, не до гроба тут. Надо скорей схоронить, пока немцы или Стёпка не спохватились, - закончила бабушка. Помолчала, вздохнула. Отложила веретено. Потом поднялась, пошла зажигать лучину.

После разговора с бабушкой многое стало понятно. А раз понятно, то не так страшно, как было утром. Я стал щипать лучину для растопки печки. Мне было очень жаль несчастного дядю Петю. И кота его рыжего жалко.

* * *

Но неприятности в этот день ещё не закончились. Было уже совсем темно, когда пришли Дуся и Федя от Германа. Сердитые, мрачные.

- Что так поздно? - спросила бабушка.

Федя со злостью бросил куртку на лавку, а Дуся расплакалась.

- Да скажите толком, что случилось? - встревожилась бабушка.

- Всё! Подыхать будем с голоду! - выпалил Федя. Герман с нами расплатился. За всё лето. Зерна обещал за работу, картошки, гороху. А расплатился рублями советскими, - и Федя швырнул пачку денег на стол. - Кому нужен теперь этот мусор? Что на него купишь?

Бабушка обняла Дусю и вместе они заревели на разные голоса.

- Чего заскулили, завыли? - прикрикнул на них Федя. - Самое страшное ещё впереди. Оставьте слёзы на зиму голодную.

Федя, хоть и было ему только пятнадцать лет, говорил как взрослый мужчина, как хозяин в доме. Таким он мне очень понравился. Женщины его послушались, вытерли слёзы. Бабушка стала на стол собирать. Федя сел на лавку. Достал кисет с махоркой, скрутил сигарку. Затянулся открыто, никого не стесняясь. А женщины не перечили ему по такому случаю, понимали его.

После ужина он опять закурил. Раздумчиво произнёс:

- Я этому гаду, отродью кулацкому, так не оставлю. Теперь со своим «другом» (он кивнул на топор у печки) пойду к нему за расчётом. И усадьбу спалю.

Дуся и бабушка застыли от ужаса.

- Что ты, Феденька! Бог с тобой! - первой опомнилась бабушка.

- У Германа есть охрана, - добавила Дуся. - Говорят, два эстонца с автоматами его стерегут.

Бабушка увела меня спать в другую комнату. Через закрытую дверь ещё долго слышались неразборчивые голоса, чей-то плач. Видимо, уговорили Федю не делать глупости.

УРОВЕНЬ

Феде понадобилось что-то в бане поправить. Он почесал затылок, подумал, обратился ко мне:

- Витя, сходи-ка ты к Дунаевым. Попроси у Михаила плотницкий уровень на денёк.

Я не знал, что такое уровень. Боялся забыть это слово. Стал на ходу придумывать слова, созвучные с ним - ровень, ревень, деревень, дуровень. Но все они казались непригодными для запоминания.

Бабушку Дуню я не видел с тех пор, как мы пришли из Заречья. А крёстного, его жену и девочонок с позапрошлого года не видел. «Как-то встретят они меня?» - думал я.

Неожиданно возле их дома увидел три мотоцикла с колясками. А в глубине огорода несколько солдат копали длинную яму и укладывали на подпорки толстую жердину у самого края ямы. «Никак они готовят уборную?» - подумалось мне.

Я осторожно вошёл в избу. За длинным столом сидели четыре солдата в нательных рубашках. Они хохотали и резались в карты. Тут же, на столе, была выпивка и нарезанная колбаса. На полу, между столом и русской печкой, лежала солома. Видимо, на ней спали солдаты и не убрали на день. Бабушка Дуня хлопотала у печки. Вдруг один из солдат привстал над скамейкой, громко выпустил газ и опять сел, как ни в чём не бывало. Будто и не было в избе ни своих товарищей, ни меня, ни бабушки.

Мы с ней переглянулись, усмехнулись на эту выходку и пошли в другую комнату. Там она поцеловала меня, спросила:

- Как ты там приживаешься у бабы Маши?

- Ничего, спасибо, живём потихоньку. От мамы есть какие-нибудь весточки?
- спросил я в ответ.

- Пока нет никаких вестей. Я тоже волнуюсь за них. Как-то там Настенька управляется с бабой Фимой да с Тоней? Чем они кормятся? - вслух размышляла бабушка Дуня. - А ты к нам по делу зашёл, или как?

- По делу, по делу. Не волнуйся, - ответил я. А сам подумал: «Могли бы и в гости позвать за эти три недели». - Меня Федя послал за... за... Вот, слово забыл как на зло. Ревень, деревень, дурень. Вспомнил! Дуровень мне нужен какой-то!

Бабушка пожала плечами:

- Дуровень, дуровень... Не знаю слова такого.

Из маленькой третьей комнатки вышли Оля и Нина - самые младшие мои тётушки, мамины сёстры. Молоденькие, красивые.

- Уровень ему нужен, плотницкий уровень, - сказала Оля. - Ну, здравствуй, племянничек. Как ты здорово вырос-то! - поздоровалась она со мной.

- Так нет Михаила дома. А Сима не даст без него, - заявила бабушка.

Я понял, что пора уходить. Но спросил из любопытства:

- И давно у вас немцы в доме?

- Второй день стоят. А сколько пробудут, не знаем, - ответила Оля. - Люди говорят, что истреблять партизан понаехали. Пока что истребили двух кур последних. Другой скотины нет у нас.

- Видимо, долго пробудут, раз в вашем огороде уборную строят.

- Это ты точно подметил, - согласилась Оля. - У Калиновых они четвёртый день на постое. Яму такую же вырыли. Вчера ходила к ним за водой на колодец, так видела: сидят на жёрдочке пятеро по нужде, как птички на проводе. На губной гармошке играют. Никого не стесняются, ни детей, ни женщин. Нас за людей не считают.

- А ещё у кого стоят немцы?

- Да вот, за речкой, у самой дороги. Там и кухня полевая, и начальство ихнее. Туда и Ванька Калинов бегаёт, выслуживается за кормёжку.

Оля помолчала полминутки. Сказала:

- Ладно, Витя. До свидания. Мы с Ниной пойдём в свою комнатку, - и добавила шёпотом: - от немцев прячемся, боимся на глаза попадаться. И Михаила

не будет, пока немцы в доме. Хоть и белобилетник он, да мало ли что взбредёт им в голову.

Я тоже попрощался, так же тихо прошёл мимо шумных солдат на улицу. Тоскливо было на душе. «Тяжело теперь молодым, - думал я. - В своём доме приходится прятаться». Вспомнились слова песни: *«И врагу никогда, никогда-никогда не гулять по республикам нашим!...»*

* * *

Вскоре выпал снег, окрепли морозы. Немцы из деревни убрались. Прошёл слух, что усадьбу Германа спалили, а его самого застрелили и повесили вверх ногами. То ли уцелевшие партизаны это сделали, то ли обиженные Германом наёмные батраки. Бабушка Маша думала на Федю, но он божился, что не причастен к расправе над Германом, так как был занят починкой бани.

Дни становились всё короче, ночи длиннее. Мы перешли на освещение лучиной. От скуки было некуда деться. Книг в Реполке не держали. Мальчишек - ровесников я в деревне не знал, да их, похоже, и не было. Знал я только Ивана Калинова. Но ему было уже 13 лет, и дружил он с немцами - прислуживал на кухне у них за кормёжку. Как-то в разговоре он и мне предлагал ходить на немецкую кухню - дров наколоть, воду с реки принести, кур ворованных ощипать. Но я отказался и Ваньки с тех пор сторонился. Словно чувствовал, что нельзя от врагов брать подачки. Не к добру это.

Федя видел, как я скучаю. Решил сделать мне пугач. Из деревянной колобашки он выпилил ножовкой корпус нагана с деревянным стволом. Потом раскалённым длинным гвоздём прожёл дыру на всю длину ствола. Отдельно выстрогал ударник в виде шомпола.

Резинкой, вырезанной из противогАЗа, соединил его с корпусом. Ударник оттягивался и цеплялся за уступ на рукоятке пугача, а в ствол вставлялась горошина. Большим пальцем правой руки он аккуратно снимался с уступа и следовал выстрел. Горошина летела метров на десять - пятнадцать.

Вот это был настоящий подарок! Я нашёл большой лист бумаги, нарисовал на нём круги-мишени, приклеил на стенку шкафа и стал довольно метко стрелять. Но радость моя была не долгой. Бабушка увидела, что я стреляю горохом, всполошилась.

- Ах вы, негодники! - накинулась она на Федю, снабжавшего меня. - Так весь горох расстреляете, а что зимой есть будем?

- Бабушка, не волнуйся. Я соберу весь горох с пола, - заступился я за Федю.
- Вот я вижу одну горошину на полу, а там другая, третья.

- Давай, давай, рассказывай мне сказки. Из ста нашёл две горошины и радуешься. Нет уж, лучше я запру горох на замок, целее будет.

А заменить сухой горох было нечем. Ни камешков мелких, ни дробинки охотничьих не было.

Глава 7. МАМИНЫ СЁСТРЫ

ПО ДИКОМУ ЛЕСУ

К середине ноября навалило много снега, пошли крутые морозы. Федя каждое утро разгребал снег деревянной лопатой, расчищал проход от дома до улицы Ивановки. Бабушка Маша дала мне старые Федины валенки и шубейку из овчины, которую он носил мальчишкой. Только ходить в них мне было некуда. Почти безвылазно я дома сидел. Но однажды, под вечер, к нам прибежала Нина Дунаева.

- Витя, Витя! - закричала она с порога. - Мама твоя приехала! Бежим скорее к нам!

Меня не пришлось уговаривать. Через минуту вместе с Ниной я уже бежал к дому Дунаевых.

- На чём же она приехала? - спросил я на ходу.

- На санках Тоню везли через лес. Оля помогала. Ходила за ними в Сиверскую.

- А бабушка Фима? Как же она?

- Ты разве не знаешь? Она уже неделю живёт у нас. Её дядя Лёша Шилин привёз на лошади.

Я с обидой подумал: «Даже не сообщили мне о бабушке Фиме».

Мама, не дав мне раздеться, охватила мою шею всё ещё холодными руками, стала целовать меня в щёки, в губы, в лоб. Губы её тоже были холодные. Только слёзы из глаз капали тёплые и солёные.

- Сынушка! Родненький мой! - шептала она.

- Мамочка! Мамочка! - шептал я в ответ и тоже расплакался. Слёзы наши смешались.

Рядом стояли Оля, бабушка Дуня, тётя Сима и Нина. Тоня отогревалась на русской печке. Спала, наверное, после такой дороги. Понемногу мы успокоились, сели за стол. Пили чай с цикорием. Оля стала рассказывать:

- Из Реполки позавчера я вышла перед рассветом. По лесу до Лядов я когда-то ходила, но в летнее время и не одна. А сейчас зима, всё снегом покрыто. Очень обидно было, что никто не согласился быть мне напарником. Взяла свой школьный компас, подобрала крепкую палку, чтобы отбиваться от волков и медведей. Но ещё больше я боялась встретить в лесу партизан или немцев - карателей. От страха почти бежала, увязая в сугробах.

Оля налила чаю, погрела руки о стакан, отпила немного. Все ждали продолжения рассказа:

- В Сиверской я день отдохнула, помогла Настеньке собраться. А сегодня вышли мы ночью, в пятом часу. Светила луна, яркие звёзды. Тоню укутали так, что одни глаза видны были. Санки тянули по очереди. По дороге шли быстро, к Лядам пришли в десять часов. А дальше - почти двадцать километров по бездорожью, по дикому лесу, да с санками. Тропинки не видно, кругом сугробы, кочки, коряги. На кочках Тоня часто выпадала из санок в снег. Как колобок. Не стонала, не плакала. Только глаза выдавали испуг.

- У неё и сил-то не было плакать, - вставила мама. - Тоня даже есть отказалась, когда мы перекусывали. Мы с Олей всё время двигались, и то коченели наши руки и ноги. А каково было ей без движения!

- Это точно, - подтвердила Оля. - Санки мы вдвоём тащили и тоже часто падали в снег лицом. Несмотря на две пары варежек и меховые рукавицы сверху, руки мои коченели так, что приходилось отогревать их подмышками в ватнике. Как мы не обморозились, одному Богу известно. - Оля помолчала, вздохнула и продолжила: - Через каждые пять минут мы с Настенькой выбивались из сил. Больше всего боялись, что не успеем засветло выйти к деревне, что застанет нас темнота в лесу. Фонарика нет, спички отсырели - костра не разжечь. А мороз-то за двадцать градусов! Верная гибель была бы!.. Сейчас, уже дома, особенно жутко представить себя в темном лесу. Бррр! У меня и сейчас ещё руки холодные, никак не согреются. И мурашки бегают по спине.

Помолчали. Потом Нина сказала:

- Вы настоящий подвиг совершили. Я бы ни за что так не смогла!

- Это Господь нам помог, - тихо сказала мама. - Всю дорогу я молилась Спасителю.

Я сразу вспомнил о бабушке Фиме. Ведь она так часто молилась за всех нас.

- А где же бабушка Фима?

- Она хворает. Лежит в маленькой комнатке. Пойдём, я провожу тебя, - сказала Нина.

Бабушка спала, тихо похрапывая. Такой сухонькой, маленькой она мне показалась! Неожиданно для себя я вдруг взял и перекрестил её. Машинально как-то. И не потому, что в Бога верил (в Реполке я даже перед обедом забывал креститься), а потому, наверное, что в бабушку Фиму верил. Любил я её.

К бабушке Маше уже поздно было идти. Мы с мамой устроились спать на полу в доме бабушки Дуни.

* * *

Утром мама, я и Тоня отправились к бабушке Маше, чтобы жить в её доме. Встретила она нас приветливо, всех расцеловала, поставила чайник на стол.

- Как же вы добрались через лес по такому морозу? - спросила бабушка.

- Господь помог да сестра Оля. Мать моя не решилась на такой трудный путь по возрасту. Михаил побоялся партизан и карателей, а больше помочь было некому.

- Что же Оля нам не сказала? Может быть, Дуся или Федя пошли бы с ней в Сиверскую.

- Не знаю, не знаю. Оля говорит, что никто не согласился быть ей напарником, - ответила мама.

Разговор продолжался как-то вяло, с недомолвками. Наконец, бабушка Маша решилась на трудное объяснение:

- Вот что я скажу тебе, Настенька. Располагайтесь в малой комнате. Там, на кровати, ты можешь спать с Тоней. А Витя на сундуке моём пристроится. Но питаться вашей семье надо отдельно. У меня запасов нет. Федя с Дусей лето и

осень работали на Германа. Обещал хороший расчёт и мукой, и картошкой. А рассчитался рублём советским, чтоб ему трижды в ад провалиться, подлому кулаку, эстонцу проклятому.

Мама слушала, не перебивала бабушку. Потом тяжело вздохнула, опустив голову:

- Ну что же, и на этом спасибо. Будет хоть крыша над головой.

Она встала, повела нас в малую комнату. Там обхватила меня и сестру и разрыдалась. Тоня тоже расплакалась за компанию. Я наивно пытался утешить маму:

- Не надо, мама, не плачь. Я не буду капризничать за столом, как раньше. Буду есть всё-всё, что придётся. Даже один раз в сутки готов есть. Ничего, потерплю.

Мама даже улыбнулась сквозь слёзы:

- Глупышка ты мой. Ещё не знаешь, что такое настоящий голод, - вслух размышляла она. - Михаил, крёстный твой, тоже сказал, чтоб на него не рассчитывали. Что у него и так пять ртов, сам шестой. Шура, старшая сестра, хоть и с коровой, и с достатком хорошим, а скорее лопнет от жадности, чем горсть очисток подарит. Работы зимой нигде не найдёшь, менять на продукты нам нечего. Так-то вот. С таким трудом мы добрались до Реполки, где все родные и близкие. Но, оказывается, только на Божью помощь можем надеяться.

Под вечер, видимо, переговорив с Федей и Дусей, бабушка Маша принесла нам полведёрка картошки и две турнепсины.

- Ты не сердись, Настенька, за мою прямоту. Это чистая правда, что нет у нас никаких запасов. Вот, разве ботва картофельная сушёная, что лежит на чердаке. Собиралась опрыскивать огурцы да капусту раствором этой ботвы. Так можешь брать её, если захочешь, на лепёшки да на похлёбку. Федя покажет, где она лежит.

Это уже было что-то. Мама даже поцеловала свекровь.

* * *

Через несколько дней морозы немного ослабли. Дуся и Федя собрались в лес добывать кору от деревьев и мох. Позвали меня с собой. Мама захворала, не могла пойти с нами. У неё болело горло, усилился кашель. Видимо, сказался ужасный переход по лесу из Сиверской.

Лес начинался недалеко от кладбища. Дуся привела нас на небольшую поляну, на которой было много моховых кочек, покрытых толстым слоем рыхлого снега. А по краю поляны стояли молодые осины. К ним направился Федя с топором и ножом. Дуся выбрала кочку покрупнее, стала её расчищать деревянной лопатой. Я помогал ей железной. Вскоре кочка открылась. Но мох оказался промёрзшим. Дуся взяла железную лопату и стала вырубать кубики мха. А мне надо было отряхивать их от остатков снега и складывать в мешок. Работа закипела. Вскоре мне стало жарко. Я хотел снять шубейку, но Дуся запретила:

- Не смей раздеваться. Лучше помедленнее работай, времени у нас много.

Закончив обрабатывать одну кочку, мы отрыли вторую, третью и так далее. Часа через три наши мешки были заполнены. Окликнули Федю. Он ответил:

- Идите домой, я вас догоню.

Мой небольшой заплечный мешок был плотно набит мохом и показался мне довольно тяжёлым. Я с трудом переставлял ноги по глубокому снегу. Федя догнал нас у самого дома. Мама и бабушка обрадовались нашей добыче. Мох разложили на противни, чтобы высушить и перетереть в муку. Кору деревьев ссыпали в деревянное корыто, измельчили сечкой, которой раньше капусту рубили. Такая кора годилась в похлёбку, а обваленная в муке из моха шла на лепёшки. Они сильно горчили, но притупляли чувство голода. Всё поделили на три части согласно затраченному труду. Долгой зимой ещё много раз нам приходилось ходить на эту поляну.

ТЁТЯ ИРА

В середине декабря к нам снова прибежала Нина Дунаева. Теперь не ко мне, а к маме:

- Настя! Настенька! Бежим скорее! К нам Ира пришла из Горелова! С Тосей и Толиком на руках!

Мама и я побежали к Дунаевым. Тётю Иру я знал. Это третья из шести маминых сестёр, и мама с ней очень дружила. Посёлок Горелово, где жила тётя Ира, был между Лиговом и Красным Селом. Он оказался в прифронтовой полосе. Оттуда никакой весточки не было. Все Дунаевы очень беспокоились - жива она или нет.

Когда мы вошли в избу, тётя Ира сидела за столом. Она уже поела щей, теперь пила чай. Её дочь Тося, ровесница нашей Тони, тоже поела и отправилась греться на русскую печку. А семимесячный Толик лежал на кровати, сосал соску

из хлебного мякиша. Мама бросилась к тётё Ире. Они обхватили друг друга, беззвучно рыдали. Им не мешали, не торопились с расспросами. Ждали, когда тётя Ира сама захочет всё рассказать.

- Перед майскими праздниками 41 года я была на сносях, - начала рассказывать тётя Ира. - 29 апреля ждала Сашу с работы. Решила на минутку сбежать в кондитерскую за халвой - её Саша очень любил. Купила быстро, меня обслужили вне очереди. А на обратном пути споткнулась, упала - и начались острые схватки. Успела забежать в какой-то подъезд. Там, под лестницей, и родила Толика. Спасибо, две незнакомые женщины помогли: принесли простыни, тёплую воду, вызвали скорую помощь. Саша взял отпуск, спешил достроить вторую комнату, печку сложить. Я поправилась, в грядках стала копать. И тут война накатилась. Сашу сразу призвали в армию. Молоко у меня совсем пропало. Толик очень крикливый, все ночи были бессонные. Ни минуты покоя, - тётя Ира вздохнула, погрела руки о стакан.

Бабушка Дуня послала Нину за тётёй Шурой Марковой, самой старшей из сестёр Дунаевых.

- До прихода немцев на две детские да иждивенческую карточки я кое-как сводила концы с концами, - продолжила свой рассказ тётя Ира. - А «фрицы» пришли - клади зубы на полку. Ни съестных припасов, ни денег нет. Большую комнату три немца заняли, мне маленькую оставили. Один был конопатый, грузный. Второй тонкий, остроносый. А третий с усами, строгий, видимо старший. Всегда кобура на брюхе, даже когда без кителя находился. Первое время смиренные были: «Гутен морген», «гутен таг». Но в конце октября двое младших вернулись в дом обозлённые, мрачные. Конопатый был с забинтованной головой. И неудивительно: фронт близко, часто стреляли и немцы, и наши. Как на грех, Толик ревел, не переставая. Конопатый ворвался в мою комнату, распахнул окно, схватил сына в лёгком одеяльце, чтобы выбросить за окно. Я, как тигрица, вцепилась ногтями в шею ниже бинтов, упёрлась коленкой в его спину и дёрнула на себя. Конопатый выронил Толика на пол, погнался за мной. Я через их комнату выбежала на улицу, прыгнула в своё окно обратно в дом, задвинула щеколду на двери между комнатами. Толик ревел на полу, Тося забилась под стол и тихо скулила. Конопатый ломился в дверь. Я закрыла окно, прижала к себе сына и вместе с ним спряталась в шкафу. Вскоре Толик пригрелся, затих, а я крепко уснула. Когда стемнело, Тося постучала в шкаф, разбудила меня. - Тётя Ира глотнула чаю, вздохнула. «Как ловко она конопатого обдурила!» - восхищённо подумал я.

- Дня два конопатый дулся, зверем смотрел на меня. Потом отошёл немного, - продолжала рассказывать тётя Ира. - А через три недели эти двое с какой-то радости пришли весёлые, хмельные. Принесли шнапсу, колбасы, тушёнку. Марши свои горланили. Потом конопатый вошёл в мою комнату:

- Матка, гут! Матка, ком пляшить! - и давай меня лапать. Я отбиваюсь, Толик и Тося - в рёв. Тогда конопатый схватил меня двумя лапами и потащил в свою комнату. Я лицо ему расцарапала, кровь потекла на рубашку. А тонкий, сволочь такая, закрыл дверь на ключ, чтобы дети им не мешали. На губной гармошке наяривает своего «Августина», детский плач заглушает. Толстый уже на кровать меня клонит, рожей конопатой целовать норовит. И тут я изловчилась, саданула коленкой ему между ног, он и скорчился. Я схватила кухонный нож со стола. Фрицы опешили, стали искать глазами свои разбросанные ремни, кобуры с наганами. Конечно, мне бы не справиться одной против двух уродов. Но в этот миг пришёл старший из них. Увидел нож, разорванное платье, сразу всё понял. Выругался по-немецки, скомандовал, и полураздетые фрицы пошли на улицу остужаться.

- Спаси и сохрани, Царица Небесная, - крестилась бабушка Дуня. - Страсти-то какие! Так и на пулю нарваться не долго!

- Через несколько дней всех троих куда-то услали, - продолжала тётя Ира. - Я очень боялась, что поселят ещё более жестоких немцев. Злющих фронтовиков или карателей. Надо было бежать. А куда? Где и кому нужны лишние голодные рты? Доели мы с детьми последние свёклины да стволы крапивные. И решила я: «Чем здесь с голоду подышать, так лучше окоченеть от мороза в дороге». Укутала Тосю, усадила к спинке на санки, положила перед ней Толика в пяти одеялах, скрутила верёвкой, чтоб не рассыпались. Выехали в девять утра, раньше нельзя - комендантский час. Оглянулась на дом, перекрестила его. Немножко всплакнула, вспомнила Сашеньку дорогого. - Она посмотрела на ручные часы, подаренные мужем. Глубоко вздохнула и продолжала:

- Был мороз градусов двадцать, но без ветра. Сначала шла спорко. Толик не плакал, будто понимал, что нельзя ему. Прошла Гатчину, к трём часам дошла до Колпан. Вдруг сзади окрик: «Эй, баба! Хошь, прокачу?» Оглянулась, остановилась: мчится полицай на дровнях. Поровнялся со мной, да как огреет меня плетью по спине! И хохочет ещё, потешается! Дети мои в рёв, едва успокоила. На это времени потеряла много. В Кикерино вошла уже в темноте. У давней знакомой Хрулихи решила переночевать. Едва до неё достучалась. Сначала не узнала меня, в дом не впускала. Потом узнала. Отогрела нас, покормила малость. Мужа её расстреляли за связь с партизанами. Живёт тихо, всего боится. - Тётя Ира поправила косынку на шее, налила чаю в стакан. Вернулась Нина. Одна.

- А где же Шура? - спросила бабушка Дуня.

- Ей сейчас некогда. Обещала потом как-нибудь встретиться с Ириной, - ответила Нина.

- Вышла я до рассвета, - продолжила после паузы тётя Ира. - Хотела напрямик идти через Лисино. «Пропадёшь в сугробах по бездорожью. Иди через Волосово», - посоветовала Хрулиха. - Эти последние тридцать два километра тяжелее давались, чем вчера. Сказывалась усталость. Да и мороз крепчал. Дети не плакали. Только слезинки иногда выкатывались из глаз и тут же на щеках застывали.

Тётя Ира притихла. Вдруг она опять зарыдала на плече моей мамы. Видимо, тяжело вспоминать всё это.

НАД ПРОПАСТЬЮ

Дома Тоня встретила нас с мамой плачем:

- Я тоже хочу тётю Иру встречать. Я Тосю давно не видела. И Толика тоже.

- Ещё увидишь всех, доченька, - говорила мама. - Тося на печке спит. Отогревается, как ты после Сиверской. А Толик соску сосёт. Не до тебя им сегодня, - утешала мама.

На другой день, к вечеру, я заметил, что мама готовит тёплую одежду: ватные штаны, в которых пришла из Сиверской, старую шубейку, варежки, рукавицы, большой шерстяной платок.

- Ты куда собираешься, мама? - удивился я.

Мама замялась, села на табурет. Притянула меня к себе и тихо сказала:

- Видишь ли, сынушка, тётя Ира просит сходить с нею в Горелово за вещами. Два дня туда и два обратно.

«Четыре дня на морозе, - туго соображал я. - Это же в четыре раза больше, чем из Сиверской идти! Ужас!!!»

- А что же вы есть будете? Неужто лепёшки из осинового коры? Ведь их и в тепле-то есть невозможно, такие они противные.

- Твой крёстный раздобылся. Дал немножко картошки и плитку жмыха на троих, - пояснила мама.

- Он что, третьим с вами идёт? - обрадовался я.

- Ну что ты, - усмехнулась мама. - Он боится, что первый же патруль посчитает его партизаном и расстреляет. Он Олю уговорил идти с нами.

- Опять Оля?! Давно ли вы с ней чуть не погибли в лесу?!

Мама только теснее прижимала меня к себе и тяжело вздыхала.

- Откажись, мама, не ходи в Горелово. Пусть тётя Шура идёт, если крёстный боится.

- Что ты, что ты, сынок! - замахала мама рукой. - Тётя Ира сама просила тётю Шуру, так она выругалась в ответ: «Из-за твоих тряпок чтоб я своих детей сиротами оставила?! Да никогда!!!»

- Вот видишь, значит, можно отказаться? - оправдывал я тётю Шуру.

- Это Михаил да Шура смогли отказаться. А мы с Олей другие. Мы всегда готовы помочь ближнему и поделиться последним. Нас уже не переделать. Так что не осуждай меня, сынушка, и береги сестрёнку. Ничего плохого ей не рассказывай, не давай плакать. Обещаешь?

- Обещаю, - нехотя ответил я.

Ночью я плохо спал. Вздыхал, ворочался на сундуке. Из рассказа тёти Иры я запомнил, что Горелово находится рядом с фронтом, там постоянно стреляют. Ещё опаснее, что кругом патрули, всем мерещатся партизаны и русские диверсанты. Надо уговорить маму и её сестёр не ходить в Горелово.

Я встал, в темноте нащупал мамино плечо, зашептал:

- Мама, мамочка, не ходите в Горелово. Вас всех могут повесить или убить.

- Хорошо, хорошо, сынок, - зашептала мама в ответ. - Утром поговорим. Иди спать, а то разбудим Тоню.

Я послушался, пошёл спать с надеждой на утро. Но когда рассвело, мамы уже не было дома.

* * *

У меня словно оборвалось что-то внутри. Стал мрачный, угрюмый. Ни с кем не разговаривал. Тоня пошла к Дунаевым играть с Тосей и Толиком. Там и ночевала. Она не переживала. Ей объяснили, что мама ушла по делам на несколько дней.

Я к Дунаевым не ходил. И никуда не ходил. Бесцельно слонялся по дому. Не помню, что ел и пил в эти дни. Со мной пытались поговорить, утешить. Всё напрасно. В ответ говорил только «Да» или «Нет».

Наконец, прошли ужасно тягучие четыре дня. Весь пятый день я просидел у окна, ожидая маму с сёстрами. А на шестой день не выдержал - оделся, обулся как можно теплее и пошёл на дорогу в сторону Волосова, надеясь встретить их первым. Дошёл до деревни Сосницы (четыре километра), вернулся обратно до входа в Реполку. Постоял, подумал, домой идти или ещё погулять. Ноги сами повернули в сторону Сосниц.

Я уже подходил к мосту через речку Лемовжа, как вдруг увидел тётю Иру, укутанную в платки, с заплечным мешком и санками. На санках лежал чемодан, какое-то зеркало и две сумки, привязанные верёвкой.

Сердце моё забилося в тревоге: ТЁТЯ ИРА БЫЛА ОДНА!!!

- Витя? Ты почему здесь? - удивилась она.

- ГДЕ МОЯ МАМА?!! - не здороваясь, прохрипел я. Тётя Ира замялась, хотела меня обнять. Но я увернулся.

- Видишь ли, Витенька, немцы нас разлучили.

- ГДЕ МОЯ МАМА?!! - ещё громче выкрикнул я.

- Что же, мне повеситься надо? - в сердцах ответила тётя Ира.

Я повернулся и побежал домой. Чуть-чуть не выкрикнул ей страшное: «Да, повеситься, если мама погибла!» Бежал, переходил на шаг, чтобы отдышаться, снова бежал. Сбывались мои самые худшие предчувствия. Я возненавидел всех. Крёстного, что сам струсил, а сестёр не отговорил. Бабушку Дуню - зачем поддержала она тётю Иру, не пожалела ни Олю, ни маму, ни всех детей. Тётю Шуру за грубость, хоть и была она права. Себя самого - за то, что не нашёл нужных слов, чтобы напугать маму. А больше всех возненавидел я тётю Иру за её рискованную жадность. Ведь моя мама никого не позвала за своими вещами в Сиверскую!

Когда я прибежал домой, бабушка Маша и Дуся всполошились:

- Витенька, что с тобой? На тебе лица нет. И весь дрожишь. Мама, дай скорее градусник, - говорила Дуся. - Так что же случилось? Почему ты бежал в такой мороз?

- Тётя Ира пришла одна! - ответил я хриплым голосом.

Меня напоили горячим чаем, шею натёрли овечьим жиром, укутали тёплым шарфом. Дали валерьянки, отвели в постель. «Тридцать восемь и шесть. Ангина. Наглотался морозного воздуха, пока бежал. И нервный срыв к тому же», - сквозь наплывающий сон слышал я голос Дуси в чей-то адрес.

На другой день температура поднялась до сорока. Я метался в бреду. «Надо бабушку Фиму позвать», - как бы вошла в меня чья-то беззвучная мысль. - «И священника тоже», - вкралась ещё одна противная мысль. Были также бессвязные обрывки не то слов, не то видений.

Не помню, как в сопровождении Нины приходила бабушка Фима, как лечила меня. Только на третий день, когда стало мне лучше и я пришёл в сознание, Дуся рассказала, что бабушка Фима смазала мне гортань каким-то своим снадобьем. Пошептала молитвы и заговоры, поплевала через плечо и сказала, что через пару дней я поправлюсь.

- А где же мама? Почему её нет со мной? - не понимал я и чувствовал, как туман опять накрывает сознание.

* * *

Ещё через два дня я почти поправился. Температура спала, глотать стало не больно. Только шея оставалась укутанной шарфом. Я сидел в кровати и ел похлёбку с моховой мукой и сушёной картофельной ботвой, как вдруг открылась дверь, на пороге появились мама и Тоня. Я зажмурился, выронил тарелку на пол и сам чуть не свалился с кровати. Мама подхватила меня, молча целовала и тискала, проливая солёные слёзы. Я тоже молчал, теснее прижимаясь к её груди за запахнутой шубкой. Через какое-то время Тоня стала дёргать маму за рукав:

- Ну хватит, мама! Хватит лизаться вам. Пойдём раздеваться!

Мы словно очнулись. Посмотрели друг на друга, на Тоню и рассмеялись. Так просто и так естественно было наше возвращение к обычной, будничной жизни после стольких переживаний!

Подошли к нам Дуся, Федя, бабушка Маша. Все хотели знать, что приключилось с сёстрами в дороге. Но мама сказала, что очень устала, что как-нибудь после расскажет. Была середина дня. Мама легла поспать на лежанку у печки, я тоже заснул в кровати. И, пожалуй, никогда ещё так спокойно, так сладко не спал, как в этот день.

Проснулся я, когда было темно. В большой комнате за кухонным столом сидели Дуся, Федя, бабушка Маша и мама. В таганке, потрескивая, горела лучина. Тени от неё причудливо шевелились, как в нереальном мире.

Мама рассказывала уже про второй день перехода:

- У входа в Красное Село на контрольном пункте нас остановили немцы. Ирина показала пропуск, выданный ещё в Горелове. «Это мои сёстры, они со мной», - сказала она. Однако её пропустили, а меня и Олю арестовали.

- Ахти, тошненько! - прошептала бабушка.

- Два солдата повели нас в комендатуру. Там обыскали, обнюхали - не пахнем ли мы костром. Санки выбросили на улицу, нас отвели в полуподвальное помещение с одним окошком за решёткой, - продолжала мама. - Женщина лет сорока лежала на полу, на соломе. Тоже в ватных штанах, в полушубке. «С новосельем вас, - пошутила она. - Какими ветрами сюда занесло?» Мы рассказали всё как есть. Она головой покачала: «Таких дурочек ещё не встречала. Не поверит вам следователь. Слишком невероятная правда у вас. Одно могу посоветовать: говорите только правду, твердите одно и то же, хоть на куски вас режь. Взгляд у следователя пронзительный, малейшую неправду или путаницу сразу расчушает. Тогда крышка. Передаст вас в гестапо, а там будут ногти рвать, железо калёное прикладывать. Сами начнёте на себя наговаривать, чтобы скорее повесили и закончились бы ваши муки».

«А как же вы сюда попали?» - спросила я. «От меня костром пахнет, - вздохнув, ответила женщина. - Со мной всё ясно. Не сегодня, так завтра передадут в гестапо. Я знала, на что шла. Умру достойно. На всякий случай знайте, что Ленинград не сдался, а под Москвой наши крепко вломили фашистам».

- Неужто правда? - удивилась Дуся.

- Конечно, правда. Перед смертью не врут, - пояснил Федя. - Только языки надо держать под прочным замком, чтобы самим не оказаться в гестапо.

- Пришёл конвойный, повёл меня и Олю на первый допрос, - продолжала мама. - Меня оставили ждать в коридоре, Олю ввели в кабинет. Сидела я как на иголках. Пятнадцать минут показались вечностью. Оля вышла заплаканная. Сразу позвали меня. За столом сидел грузный немец средних лет. Лицо волевое, глаз цепкий, колючий. Рядом стояла молоденькая переводчица. «Партизан?» - сказал немец по-русски, указав на меня пальцем. «Нет! Нет!» - замотала я головой и стала рассказывать всё. Девушка переводила. Немец не торопил меня, не перебивал. Только взглядом сверлил. Когда я закончила, он сказал опять по-русски: «Не верю. Будем немножечко вешать». Конвойный отвел меня и Олю обратно. Ни женщины, ни её вещей уже не было в камере. Значит, передали в гестапо. Ни имени, ни роду-племени своего нам не назвала. «Вот так, побудничному, партизанили и расставались с жизнью настоящие герои», - подумала я тогда.

- Спаси и помилуй её, Господи, - перекрестилась бабушка. - Облегчи ей страдания.

- На второй и третий день ареста на допросах мы повторяли всё слово в слово. А на четвёртый день следователь в мой адрес заговорил по-немецки: «Какие глупые бабы, - переводила девушка. - Врёте одно и то же. А зачем врёте, не понятно. Идти на фронт без документов, за какими-то не своими вещами? Да за восемьдесят километров по такому морозу? Это же просто безумие! Кто поверит, кто подтвердит ваши слова?» «Сестра Ирина Николаева из посёлка Горелово, дом 12, а улицу я не помню. Она была с нами, имела пропуск и могла бы всё подтвердить. Но покинула нас, испугалась ареста. Ещё в Реполке могут все подтвердить. Там староста Коля Карпин», - отвечала я без всякой надежды. Конвойный отвёл нас в камеру.

Дуся закрепила новую лучинку взамен догоревшей. Все напряжённо молчали, ожидая продолжения:

- К нам в камеру приволокли сильно избитую женщину. Швырнули на солому, как дохлую кошку. Она стонала, просила пить. Мы отдали ей остатки своей воды. Женщина потом рассказала: «Немец принёс четыре смены солдатского белья постирать. Соседка видела, как я сушила бельё. Донесла. Солдата того не нашли. Я же не знала ни части его, ни имени. Солдату положена одна запасная смена. А четыре почему? Значит, украла или с мёртвых сняла. Вот и били, чтобы призналась».

- Опять свои же доносчики, - сказал Федя. - Сколько таких гнид развелось!

- На пятый, шестой и седьмой дни нас на допрос не позвали, - продолжала мама. - Словно забыли про нас. «Может быть, проверяют?», - подумала я с надеждой. - На восьмой день ареста меня и Олю вместе ввели в кабинет. Следователь говорил по-немецки, девушка перевела: «Гер офицер отпускает вас. В посёлке Ящера ваш староста Николай Панков-Карпин подтвердил, что вы мирные жители Реполки». Нам вручили какую-то бумагу, как пропуск, и вот мы дома.

- Слава тебе, Господи, что не оставил сиротами детей, - перекрестилась бабушка.

- Карпин, он же Панков? Я даже не знал, что у старосты такая фамилия, - молвил Федя. - Но как же он оказался в Ящере?

- Это понятно. Ведь в Ящере у немцев районная власть, а не в Волосове, - пояснила Дуся.

Все поднялись из-за стола. Стали ко сну готовиться. Я сделал вид, что крепко сплю и ничего не слышу. Раз не позвали меня слушать маму, значит, не хотят, чтобы я знал подробности.

- А Ирина-то как? Встретилась ты с нею? - напоследок спросила Дуся. - она-то хоть признаёт, что бросила вас с Олей на съедение немцам? Ведь если бы она пошла с вами в комендатуру, то проще было бы доказать вашу невиновность. А так могло и расстрелом кончиться.

- Ирина взяла детей, пошла в деревню Гусинку жить у свекрови, - ответила мама.

Глава 8. ГОЛОДНЫЕ БУДНИ

ДУМЫ БАБУШКИ МАШИ

Новый год прошёл тихо, незаметно. Ни тебе ёлки, ни праздничного настроения, ни подарков. В январе трескучие морозы усилились. У нас закончилась моховая мука и картофельная ботва. Дуся застудила горло, осталась дома. Мы с мамой пошли одни на поляну за кладбищем. Я показал маме, как разгрести снег с моховых кочек, как вырубать кубики мха. Она у меня понятливая. Под толстой шубой снега мох всё равно промёрз. Если раньше мне удавалось из кубиков вытряхнуть снег и класть в мешок почти чистый мох, то теперь приходилось класть кубики прямо со снегом. Мешки получились тяжёлые, едва дотащили. Дома кубики оттаяли, но моху получилось мало.

Немного передохнули, согрелись и снова пошли на ту поляну - уже за корой от рябин и осин. Кора никак не хотела отделяться от мёрзлых стволов. Пришлось маме рубить ветки и мелкие стволы, а мне складывать их и готовить вязанки. Дома ветки оттаяли, кора с них стала легко сдираться ножом. Только и коры оказалось мало. Так что через несколько дней такую вылазку пришлось повторить.

* * *

Мама и Тоня пошли к Дунаевым. Я не захотел туда идти, сослался на прохудившийся валенок. Всё равно там съестного не перепадёт. Дома я стал вырезать из деревяшки снеговичка перочинным ножом. Бабушка Маша сидела на печке, лечила свою больную ногу.

- Витенька, - обратилась она ко мне. - Поддай-ка мне бинт со стола.

Я осмотрел стол, но никакого бинта не увидел. Вопросительно посмотрел на бабушку.

- Да ситцевая лента и есть бинт, - пояснила она. - Где же марлевых бинтов найдёшь теперь?

Я взял ленту, свёрнутую в рулончик, и полез на печку. Левая голень бабушкиной ноги была в язвах на вздутых венах. Она смазывала эти язвы несолёным сливочным маслом из маленькой баночки.

- Больно тебе? - посочувствовал я.

- Больно, касатик, больно. Когда помажу маслицем, так полегче, терпеть можно. Только маслице теперь не достать. В деревне коров почти не осталось. А у кого остались - у старосты, у Марковых, например, так у них не допросишься. В некоторых дворах коров сами зарезали, чтобы немцы не отобрали. Или партизаны.

- Как? Партизаны тоже коров отбирали? - удивился я.

- Про коров сама я не слышала, вот барана у Германа отобрали партизаны в начале осени. И поделом ему, мироеду проклятому.

- А партизаны страшные? Я никогда их не видел.

- Обыкновенные люди. Ушли в лес, чтобы оттуда нападать на немцев, - говорила бабушка. - Почти без оружия, без запасов продуктов и тёплой одежды. Вся жизнь у костра.

- Из репольских кто-нибудь ушел к партизанам?

- Я что-то не припомню таких. Некоторых мужиков не призвали в армию по брони, так как они работали на железной дороге. Других не призвали по возрасту или по болезни. Например, у Шуры Михеева прострелено лёгкое в Гражданскую войну, крёстный твой с одним глазом (второй у него стеклянный). А в партизаны их, видимо, не позвали, винтовку не дали. Сидят по домам.

- Почему же крёстный так боится партизан? - не удержался я с вопросом.

- А может, и не боится. Просто он очень осторожен. Да и где сейчас партизаны? Морозы, да голод, да каратели немецкие, эстонские, латышские извели партизан под корень. Ещё предатели, доносчики, полицаи, старосты. Был бы сильный партизанский отряд, может быть, некоторые репольские и пошли бы в лес, - бабушка с сожалением посмотрела на почти опустевшую баночку с

маслом. - Эту баночку в прошлый раз Дуся у кого-то в Сосницах раздобыла. Надо опять её попросить, - тяжело вздохнула бабушка.

ТАК ОБИДНО!

Кажется, я и мама отравились корой. Может быть, в пищу незаметно попала кора бузины или крушины. Зимой, без листьев, трудно их отличить от рябины. Открылась рвота и жидкий стул, поднялась температура до 38 градусов. Целую неделю мы не могли даже смотреть на похлёбку и лепёшки из коры. Питались только голой моховой мукой, разведённой в воде. И без того были бледные и тощие, а тут совсем отощали. Лицо у мамы стало пухнуть от голода. А у Тони как-то всё обошлось. Она продолжала есть кору в лепёшках, словно отравы не действовала на неё.

Однажды на улице нас встретил дядя Шура Михеев, женатый на дочери бабушки Фимы. Увидел маму с опухшим лицом, и меня худющего, обросшего лохматой гривой.

- Здравствуй, Настенька. Что-то выглядишь ты неважно. А это сын твой? Какой большой стал. Только оброс очень, как леший болотный. Давайте-ка, пойдёмте ко мне, я его постригу, а Дуня покормит, - говорил дядя Шура, не давая маме вставить словечко.

Дом дяди Шуры стоял в конце Большого края - напротив нашего кладбища. Добротный, с тремя окнами на улицу, с покрытым двором. «Крепкий хозяин», - про него говорили. Тётя Дуня встретила нас настороженно. Потом ничего, отошла немного. Машинка для стрижки была ручная. Лязгала так же, как ножницы. Даже не верилось, что натруженные, огрубелые пальцы дяди Шуры могли управляться с такой хрупкой вещью. Волосы клочьями отваливались от моей головы, как шерсть от барана. Вскоре на голове осталась только чёлка, свисающая на лоб. Её он аккуратно подрезал ножницами. Я посмотрел в зеркало и не узнал себя: исхудалый, бледный мальчишка с острым носом и какой-то взрослой серьёзностью в серых глазах. И действительно, я не улыбался уже много месяцев.

- Угощайтесь, чем Бог послал, - позвала нас к столу тётя Дуня.

Что за чудо были щи из квашеной капусты со свининой! Да с настоящим ржаным хлебом! Потом была жареная картошка с кусками свинины. Потом - молоко. Цельное, настоящее! Мы с мамой, потеряв всякий стыд, наелись, как говорится, «от пуза». Я широко улыбался от сытого счастья, мама прослезилась от благодарности, когда стали прощаться:

- Дядя Шура, тётя Дуня! Век буду помнить, какой праздник вы нам устроили!

- Чего там. Чай, не чужие. Приходите ещё, - говорил дядя Шура.

А тётя Дуня подала маме узелок: «Это дочку свою угостишь». Тоня прыгала от радости: в узелке были три варёных яйца, бутылка молока, большой кусок хлеба. А в бумажном пакетике - жареная картошка и кусок свинины. Мама разделила всё на три части, чтобы Тоне на целый день хватило такого счастья.

Только мы с мамой счастливы были не долго. Через пару часов разболелись у нас животы. Начались острые колики, тошнота, рвота и бурное извержение не переваренной пищи. Самое обидное было, что впустую пропало столько добра! Не хотели, не могли наши изголодавшиеся желудки переварить нормальную пищу. Только на третий день стало немного легче и мы смогли снова питаться тёртым мохом, разведённым в горячей воде. А через недельку и кору смогли есть.

ЗАБАВЫ СТАРОСТЫ

Глухая, морозная ночь. Свистит, гуляет позёмка. В такую погоду ни одна собака из будки носа не высунет. Впрочем, всех собак деревенских немцы постреляли ещё в прошлом году, чтобы не поднимали голос, не лаяли на новых господ. Только сильно пьяному старосте Коле Карпину да другу его господину фельдфебелю не спится. Страсть как хочется покуражиться, поиздеваться над спящими жителями.

Он же теперь новая власть, ему всё дозволено. И винтовочка есть у него, приклад которой он любовно поглаживает. И две обоймы патронов оттягивают карман. И пьяный фельдфебель с автоматом для поддержания власти. Знайте, людишки, как гуляет староста, как он бесстрашно ловит партизан в спящих домах. Вот, с краю деревни, с дома Васильевых, он и начнёт.

В наружную дверь громко застучали. Мама проснулась, подумала: «Кого там чёрт принёс в глухую полночь?» Встала, зажгла лучину в таганке. Другую горящую лучину держала в руках.

- Кто там? - спросила мама через закрытую дверь.

- Свои! Открывай! - узнала она голос старосты.

- Сейчас, сейчас, Коля! Сейчас откину крючок.

Вместе с морозным воздухом в сени ввалились Коля Карпин и немец. От обоих несло винным перегаром. Лучинка в маминых руках погасла.

- Ты кому дверь открыла? Партизан ждёшь? На слово «свои» отзываешься? - закричал на маму староста, тыча ей в лицо зажжённым фонариком.

- Так, Коля, я узнала твой голос, потому и открыла, - отвечала мама.

- Не ври, стерва, - орал староста, заталкивая маму в избу. - Становись к стенке!

В сенях загремело. Это немец, оставленный в темноте, опрокинул ведро с водой, облил свою ногу.

- Я сказал, к стенке!!! - вскинул Коля винтовку на маму.

Тоня громко заревела, бросилась к маме, обхватила её ноги своими руками. Я тоже встал рядом с мамой. Она, не одетая, в ночной рубашке, вся тряслась от озноба и страха. И меня всего колотило. Ведь по пьяни староста может и застрелить.

- Цыц, сопляки! Всех передую! - всё больше распаялся он. - Какого партизана ты Колей зовёшь? Уж не муженёк ли твой объявился?

- Да тебя я Колей зову! Тебя, дурака. А муж мой в Ленинграде остался.

С печки проворно слезла бабушка Маша.

- Уймись, бесово семя! - накинулась она на старосту. - Перепугал детей до смерти!

- Брысь, карга старая! - вскинул он винтовку на бабушку. - Где твои Федька да Дунька? К партизанам ушли?

- Вот чумовой! В Заполье они, у тётки Груни. Пошли дров напилить-наколоть, да крыльцо гнилое подправить, - пояснила бабушка. - Да и какие сейчас партизаны? Лучше меня знаешь, что пусто в лесу. Извели каратели всех партизан. На вот, лучше выпей воды, - протянула она кружку старосте.

Он отпил пару глотков и вдруг тихо, заговорщицким тоном, спросил:

- А бражки у тебя не найдётся? Опохмелиться бы.

- Это ты, боров жирный, о бражке мечтаешь. А мы думаем, как бы с голоду не подохнуть. Хочешь попробовать лепёшки из коры осиновой да похлёбку из сушёного моха? То-то же.

Немец тихо сидел на лавке, автомат лежал в стороне. От мокрой ноги натекла лужа. Он пригрелся, заснул, склонив голову. И вдруг рухнул на пол, прямо в лужу носом. Вскочил, вытаращив глаза, не понимая - где он и что с ним. Староста бросился к нему, отряхнул от пыли и влаги, повесил автомат ему на шею. Дал выпить воды. Мы даже не улыбнулись, так были напуганы.

- Запомните эту ночь, партизанское отродье, - грозно заявил староста вместо прощания. - В другой раз не буду цацкаться - враз передую, перестреляю всех!

После ухода пьяных «гостей» мы ещё долго не могли успокоиться. Мама укуталась в тёплый платок, согрелась. Разговаривать ни о чём не хотелось. Бабушка зажгла лампадку, встала на колени и стала молиться. Мама и мы с Тоней тоже встали на колени, усердно благодарили Господа, что отвёл от нас беду. Потом из остывшего чайника попили «чай без заварки» с лепёшками и пошли досыпать.

Днём к нам пришла баба Лена. Рассказала, что вся деревня взбудоражена, все обсуждают ночные похождения старосты. Больше десяти домов он посетил и в каждом устроил переполох.

ГНИЛАЯ КАРТОШКА

В середине марта появились редкие оттепели. Дни стали светлее, длиннее. Но есть почему-то хотелось ещё сильнее. Мох и кора не давали ощущения сытости. Голод сидел внутри, как червяк, поедающий тело. Тупела голова, гасли всякие желания.

К нам пришла Оля, так я даже ей не обрадовался. Встретил её настороженно. А Тоня сразу к ней на руки бросилась, защebetала: «Олечка, Олечка, я картинку нарисовала, сейчас покажу тебе».

- Где же мама твоя? - спросила Оля.

- Она за дровами пошла, скоро придёт, - ворковала Тоня, отправляясь за своим рисунком.

- А ты, племянничек, что угрюмый такой?

- Есть хочу, - сердито ответил я.

- Сочувствую. У меня тоже постоянно сосёт под ложечкой. Поэтому и пришла. Думаю позвать твою маму в село Каложицы.

- Как! Опять в поход?! Мало вы натерпелись?

- Не волнуйся. Теперь не страшно будет. За прошлогодней картошкой пойдём.

Вошла мама. Бросила охапку дров к печке, обняла Олю.

- Что-нибудь случилось? - спросила она.

- Из Каложиц от Маруси весточку получила. Там немцы бурты раскрывают. Очень много картошки помёрзло нынче, целые горы выброшены. Она знает наше трудное положение и советует сходить и отобрать более или менее съедобные клубни.

Тётя Маруся была четвёртой из шести маминых сестёр. Младше её только Оля да Нина. Она работала на овощебазе в Каложицах, в пятидесяти километрах от Реполки.

- Что же, нам с тобой опять вёрсты мерить? - раздумчиво сказала мама. - А ты, сынок, что скажешь? - обратилась она ко мне.

- Мы с ним уже договорились, - решила за меня Оля. - Он согласен.

- Это правда? - прижала мама меня к себе. Я кивнул головой. Соблазн поесть мороженой, сладковатой картошки был велик.

* * *

На следующий день я пошёл проводить маму и Олю в очередной поход. Вывел их за деревню. Остановились, попрощались. Мама наказала мне заботиться о сестрёнке. И пошли они, на меня не оглядываясь. А я всё стоял и смотрел, как они удалялись, уменьшались и скрылись за поворотом. На этот раз я не боялся за них. Было какое-то чувство, словно посадил картошку на грядке и надеялся через три дня получить урожай.

Когда вернулся домой, я вырезал ножом деревянный кубик с чёрными точками и четыре разноцветные фишки. На листе от запасных обоев нарисовал большую окружность, разместил на ней сорок маленьких кружков и четыре загона под цвет фишек. Получилась известная до войны игра «Вокруг света». Тоня азартно играла со мной. Чувство голода притуплялось, три дня прошли быстро.

К вечеру третьего дня Тоня первой увидела маму. Мы быстро оделись, побежали её встречать. Взяли из её рук холщовую сумку с двумя ручками, понесли. Мама с большим заплечным мешком едва передвигала ноги. Пятьдесят километров пройти за один день, да с таким тяжёлым мешком и сумкой в руках, просто невыносимо даже для здоровой и сытой женщины. Я считал это очередным подвигом мамы и Оли.

В избе она скинула двухпудовый мешок. Не раздеваясь, села на лавку, обняла нас и закрыла глаза. Минут десять молчала, как будто дремала. Мы терпеливо ждали. Потом я принёс кружку горячего «чая» и лепёшку из коры.

- Спасибо, сынок, - сказала мама, откусывая от лепёшки. - У нас ещё много работы сегодня. Пойдём на речку, перемоем всю картошку, пока она не оттаяла. Когда раскиснет, уже не помоешь. Разложим её на полу, на старой клеёнке оттаивать. А утром начнём чистить и варить.

- Ой, а я мечтала сегодня поесть картошечки, - захныкала Тоня.

- Ничего, дочурка, потерпи. Теперь немного осталось.

На речке мы часа за два управились. На клеёнку раскладывали уже при горячей лучине. Разместилась только половина картошки. Другую половину оставили на веранде, на морозе. Утром, когда рассвело, мы увидели, что от клеёнки расползаются в разные стороны десятки белых червяков. Мама схватила веник, стала торопливо собирать их на совок. Бабушка, глядя на это с печки, с усмешкой сказала:

- Не переживай. Ко мне на печку они не залезут.

После завтрака мы с мамой и Тоня стали чистить эту картошку. Ножи нам не понадобились. Мы ногтем надрывали тонкую кожицу, надавливали с другого края, и ядро картофелины буквально выскакивало из шкурки и плюхалось в таз. Это были скорее белые комки крахмала с белыми червяками.

Дело продвигалось быстро, через несколько часов вся оттаявшая картошка была очищена. К обеду мама испекла картофельные лепёшки на моховой муке и сварила «суп с клёцками» из этих комков крахмала. Нам всем понравились лепёшки, червей в них не было видно. Зато в похлёбке все черви всплыли наверх и было их великое множество. Из своей миски я черпал, черпал их в помойное ведро, а червей как будто не убывало. Но всё же этот суп был много вкуснее похлёбки из коры.

Мама угостила бабушку Машу. Она стала есть суп прямо с червями.

- Почему ты не выгребаешь их? - спросил я .

- Переварятся в животе, ещё жирок свой оставят. Посмотри, какие они красивые, упитанные. Ещё поговорка есть: «Не те черви, которых мы едим, а те черви, которые нас будут есть».

Тогда я и мама с Тоней тоже перестали с червяками бороться. Вкус супа от этого, кажется, не менялся. Может, и вправду, от них какой-то жирок в супу появлялся? По крайней мере от этих лепёшек и супа признаки сытости наблюдались.

Через неделю мама и Оля опять собрались в Каложицы. На этот раз к ним присоединилась Дуся. Ещё держались небольшие морозы не только ночью, но и днём. Картошка в заплечных мешках оставалась твёрдой, дома легко обрабатывалась проверенным способом. Поход был удачным.

Втроём они ещё несколько раз ходили за картошкой. Последний раз уже в конце апреля. Тогда днём было тепло и солнечно. Картошка в мешках «потекла», превратилась в кашу со скверным запахом. Её невозможно было отмыть от земли. Дома пришлось выдавливать комки крахмала прямо из грязных шкурок. В испечённых лепёшках попадался песок, он хрустел на зубах. Больше не было смысла ходить в Каложицы.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Гнилая картошка сделала своё доброе дело. Она помогла нам окрепнуть, набраться сил и дожить до первой зелени - сныти, крапивы, щавеля, одуванчиков. Страшная, голодная зима осталась позади. Жизнь в оккупации, при частых наездах немцев, эстонцев, латышей и при усердной службе местных предателей, продолжалась.

Люди то ли привыкли к новым условиям, то ли смирились. Начались работы в огородах, в поле. У мамы появились приработки - кому помочь огород вскопать, кому сена накосить, стог сметать, дров напилить. Где-то мама раздобыла глазков от картошки, посадила на грядке в бабушкином огороде. Где-то она раздобыла немного овса, посеяла на свободном клочке земли за деревней. Всею семьёй сходили мы в лес за черникой. Несмотря на полчища злых комаров и слепней, за один день Тоня собрала три литра ягод, я собрал шесть литров, а мама - десять! На другой день мама всю чернику понесла в Волосово на базар, хотела купить нам что-нибудь. Но по дороге эту ягоду вместе с кузовом отобрали власовцы - новый вид предателей: «Тихо, баба, не шуми. А то заявим, что ходила ты в лес партизан кормить». Ни с чем вернулась мама, долго плакала от обиды за украденный детский труд, наш с Тоней маленький подвиг.

Иногда по деревне ходили слухи о новых преступлениях немцев и их прихвостней. Так, полицаи и староста задержали четверых безоружных мужчин, бежавших из концлагеря на станции Дивенская, передали немцам. Расстреляли их в присутствии старосты за сараями. Латыши - каратели убили Петра Шарандина, проломив ему голову лопатой. Он приходился мне двоюродным дядей. Эстонцы поймали девушку - парашютистку. Допрашивали и мучили её в доме Шилиных перед отправкой в Волосово. Староста из деревни Селище увидел безоружного, оборванного мужчину, сидящего на придорожной канаве. Не спросив документы, молча снял винтовку с плеча и убил этого человека. Как же, ведь за каждого убитого партизана немцы обещали корову дать. Но этот человек не был партизаном, имел справку, что он отпущен из лагеря «на поруки старосты» в свою деревню. Три недели тело его лежало в канаве не убраным, распространяя жуткий трупный запах.

Но больше всего было разговоров в деревне о предательстве пятнадцатилетнего Ваньки Калинова. Он и раньше прислуживал немцам за кормёжку, выполняя мелкие поручения возле кухни. А в сорок третьем году, когда начало возрождаться партизанское движение в районе, он встретил в лесу пятерых партизан с автоматами. Его спросили, стоят ли немцы в деревне. Он ответил, что немцев нет уже месяц. Привёл партизан в крайний дом, попросил хозяев накормить гостей. А сам побежал на другой край деревни, где стояли немцы. Рассказал и повел немцев к дому, где обедали гости. Партизаны схватили автоматы. Но хозяйева дома взмолились: «Родненькие, не стреляйте! Иначе немцы и нас расстреляют вместе с детьми и дом сожгут!» Пожалели их партизаны, сдались без боя. Пока немцы обыскивали да разоружали партизан, Ванька тут же крутился, подбирая себе их ремни, ножи и разные безделушки...

В сентябре сорок третьего года немцы забрали Федю, Лёньку Калинова (родного брата Ваньки - предателя) и других подростков, достигших семнадцати лет. Забрали то ли к власовцам, то ли в Германию.

....Летом 1943 года тихо умерла бабушка Фима. Мы с Тоней очень переживали. Похоронили её на репольском кладбище. А через несколько месяцев ей позавидовала в этом бабушка Маша...

Глава 9. ОБЛАВА

БАБУШКА МАША

В середине октября Тоня походила босиком по холодной воде в речке вместе с Вале́й Марковой. У Вали всё обошлось, а Тоню скрутил ревматизм. Начались сильнейшие боли в суставах и мышцах, поднялась температура до 39 градусов. Она лежала неподвижно у Дунаевых и только маме позволяла притронуться или накрыть себя одеялом. Поэтому мы с мамой перебрались к Дунаевым. Лекарств, конечно же, никаких. И бабушки Фимы нет - нашего домашнего доктора.

Но беда не приходит одна. В шесть часов утра 29 октября 1943 года, ещё затемно, немцы окружили Реполку. На всех выходах из деревни расставили посты. Полицаи пошли по домам. Стучали в окна и двери, кричали приказ: «Вакуация! Вакуация! Через час всем собрать вещи и ждать подводы! Из деревни не выходить - расстрел на месте!» В Малом Краю слышались выстрелы. Неизвестно, то ли в воздух для остратки палили, то ли в людей. Там и сям слышался женский плач, в Ивановке голосила баба Лена. С рассветом к крайним домам потянулись подводы, с высокими бортами телеги - фуры, как их назвал крёстный. Мама послала меня к Яснецовым, то есть к бабушке Маше, чтобы взять сумочку с документами и наши тёплые вещи. Саму её не отпустила Тоня.

У дома бабушки Маши уже стояла подвода. Полицай с белой повязкой на рукаве что-то докладывал немцу - жандармскому офицеру с бляхой на груди. Вышла бабушка, упала на колени перед офицером. Умоляюще, как виноватая собачонка, смотрела она на него:

- Пан офицер, миленький, оставь меня здесь помирать. Вот моё кладбище!

Полицай хотел перевести офицеру. Но тот своим начищенным сапогом с размаху ударил бабушку в грудь. Она рухнула на бок. У неё спёрло дыхание, изо рта пошла кровь. Я весь содрогнулся от ужаса, бросился к бабушке. Офицер с полицаем ушли. Выбежала Дуся. Вдвоём мы увели бабушку в дом. Дуся кинула одеяло на пол, уложила мать, стала ей помогать наладить дыхание. В доме был полный развал. Везде разбросаны вещи, узлы и тюки. Кровати стояли голые, было много битой посуды. Я постоял минутку, понял, что ничем помочь не могу. Стал собирать вещи в свой заплечный мешок. Нашёл мамину сумочку, Тонины и мои валенки, обе шубейки, мамин ватник, ватные брюки и большой шерстяной платок. Собрал рукавички, шапки, свой перочинный нож. В общем, клал всё, что бросалось мне на глаза. Понимал, что больше вернуться мне сюда не придётся.

Прошло минут десять. У бабушки наладилось дыхание, кровь больше не шла изо рта. Но стала она какая-то безвольная, капризная. И чего она офицера «паном» назвала? Такая гордая, сильная духом раньше была.

- Мама, вставай. Сейчас полицаи придут, или немцы. Увидят, что не собрались, возьмут и застрелят.

- Ох, доченька! Пусть пристрелят! Счастливая баба Фима - вовремя померла. На Родной Земле осталась. Уж никто не побеспокоит.

В избу вошли сразу два полицая. Старший из них закричал на бабушку:

- Почему здесь развалилась? Марш на повозку! А это кто? - указал на меня.

- Этот мальчик из другого дома, - умно соврала Дуся.

- Вооон!! - заорал полицай. - И чтоб сейчас же все вещи грузить, не то пустые поедете!

Я поцеловал Дусю, бабушку и с мешком в руках выбежал на улицу. Надел его на спину. Догнал медленно идущую подводу с Митрошкой и бабой Леной. На козлах сидел немец - кучер, на повозке сзади немец - конвойный с автоматом. Увидев семью Митиных у их дома, баба Лена закричала сквозь слёзы:

- Прощайте, люди добрые! Теперь встретимся на том свете!

У Дунаевых тоже был кавардак. Оля, бабушка Дуня и тётя Сима складывали вещи в узлы и тюки, выносили их на веранду. Крёстный упаковывал продукты - крупы, муку, что на зиму было припасено, весь запас спичек и соли. Нины не было, она жила в Кикерине у тётки Иры в помощницах. Мама сидела возле Тони, меняла ей компрессы и грелки. Да и собирать ей было нечего. Всё добро на нас надето да мой заплечный мешок.

К полудню мимо окон проехала фура с бабушкой Машей. Я, мама и Оля выбежали на улицу попрощаться. Бабушка Маша лежала на вещах, с головой укрытая одеялом. Может быть, плакала украдкой, а может быть, просто весь белый свет стал ей не мил. Дуся только рукой нам помахала.

НОЧЬ НА ПОЖАРИЩАХ

Стало смеркаться, когда проехали Каблуковы. А Митиных повезли уже в глубоких сумерках. К Дунаевым пришёл грозный полицай, который прогнал меня от Яснецовых, сказал:

- Вас повезут завтра утром. Чтобы были готовы. И не вздумайте в лес уходить. Деревня окружена, посты усилены. Расстрел на месте.

За речкой, в Большом Краю, вспыхнул пожар, потом другой, третий. Загорелись дома и в Малом Краю. Вскоре весь правый берег полыхал огнём. В Ивановке дома не поджигали. Вероятно, до завтра оставили. Мы обрадовались отсрочке, особенно мама и Тоня.

- Видимо, подвела их оборачиваемость подвод. Значит, и у немцев не всегда всё продумано да просчитано, - размышлял крёстный.

Он стал украдкой собирать в вещмешок самое необходимое. Тётя Сима заметила это, сказала бабушке Дуне, и вместе они завыли, накинулись на крёстного: «Что ж ты, окаянный, бежать от нас вздумал? В лес захотел? А нас на кого оставляешь, ты подумал?! Ведь пропадём мы без тебя, совсем пропадём! Да и немцы за тебя нас расстреляют или живьём сожгут» «Хватит, хватит вам выть, глупые бабы. Что же мне, за юбки ваши прятаться?» - отвечал им крёстный. Но женщины не унимались. Где укором, где лаской, где безудержным плачем всё-таки заставили крёстного побожиться, что никуда он не уйдёт, останется с ними до конца.

Оля, мама, бабушка и я вышли на улицу возле дома посмотреть на пожары. Горели больше двадцати домов на том берегу. Бушующее пламя местами сливалось воедино Языки пламени и столбы искр взвивались в чёрное, беззвездное небо. Ветер даже сюда, через речку, доносил запах гари. Где-то в смертельной тоске выла брошенная собака, раздирая мне душу.

- Жутко, как в аду, - сказала мама.

- Что в аду! - ответила Оля. - Говорят, что немцы на этом свете загоняют жителей в сарай или в дом, запирают и поджигают. Живьём горят люди! Вот ужас-то!

- А какие муки нам предстоят на чужбине, даже подумать страшно. Вот бы сейчас тихо умереть и не мучиться.

- А что, - подхватила Оля. - У нас есть сильная отравка для крыс. Говорят, что умрёшь без боли, как будто уснёшь.

- Надо в ведре с тёплой водой развести. Потом выпить по полстакана, - добавила бабушка.

- А как же Михаил? - засомневалась мама.

- Михаил всё равно в лес уйдёт, нас не послушает, - заверила бабушка.

Меня никто не спрашивал, хочу ли я отравиться. Впрочем, я не понимал серьёзности намерения взрослых, был в таком же помрачении рассудка, как и они все.

Пошли в дом. Бабушка поставила на плиту небольшое ведёрко - греть воду. Сказала тётке Симе о принятом решении. Та ответила: «Я, мамаша, как все».

Мама зажгла лампадку. Все опустились на колени, стали шептать «Отче наш» и другие молитвы. Потом мама поднялась, подошла к лежащей на кровати Тоне, дала ей в руки маленькую иконку:

- Молись, доченька. Читай «Отче наш», как учила бабушка Фима. Скоро мы все умрём. Это будет не больно.

Руки и голос у мамы дрожали, её слёзы капали к сестре на подушку. Я ещё подумал: «Вот и стакан с отравой для Тони будет так же дрожать в её руках. Такой же дрожащий стакан и мне подаст мама». Вдруг, меня словно током ударило. Я чётко представил, как выпью отраву, засну - и уже нет меня. Совсем-совсем нет меня! И никогда не будет!!! Вот ужас-то!!! Показалось, что волосы шевельнулись на голове! Я хотел вскочить с колен - ноги не слушались. Хотел закричать - голос пропал. Как в детстве, когда я до трёх лет был немой. Только глаза таращил на маму и Тоню.

В этот момент в комнате появился крёстный. Тётя Сима всё ему рассказала.

- Вы что, сдурели все?! Общее помешательство?! - накинулся он на молившихся. - За что же казнить себя вздумали?!

- А и правда, рехнулись! - обрадовалась бабушка. За нею и Оля, и мама словно сбросили с себя наваждение.

- Дуры, дуры мы набитые, а я дурнее всех, - сказала мама, обнимая меня. - Ведь можно с собой взять отраву и выпить, когда совсем будет неважнота.

Шок, оцепенение у меня сразу прошли, так что взрослые и не заметили этого.

Успокоились. Сели ужинать при керосиновой лампе. Гнетущее, гробовое молчание. Никто не хотел разговаривать. Вероятно, устали от переживаний, дневной суеты, перебранки и ожидания смерти. За окном бушевали пожары, и такое же смятение оставалось в душе.

Спали тревожно. Часто просыпались, вздыхали, ворочались. Не сон, а собачья дремота какая-то. Перед рассветом поднялись, сели завтракать. Сон не принёс облегчения. Ели без аппетита, но старались насытиться про запас. Мама и

я стали надевать на Тоню тёплую одежду. Она стонала от боли, слёзы градом катились по впалым щекам. Уже подогнали подводу. Крёстный, Оля, бабушка и я носили вещи, кидали на фуру. Мама стала готовить местечко для Тони. Поверх вещей она положила подушки под спину и голову, чтобы тряская дорога поменьше причиняла дочери боль. На руках вынесла Тоню, уложила, сама села рядом. Несмотря на большую повозку, семерым на вещах было тесно, да ещё немец конвойный. Но как-то пристроились. Бабушка перекрестила дом, тихо прочитала молитву. Всё. Поехали. Мама и бабушка заплакали.

Переехали мост через нашу речку. Поднялись на пригорок, на развилку между Большим и Малым краями деревни. Страшная картина открылась нам. И справа, и слева зияли голые, чёрные печи да беспорядочные кучи головешек. Некоторые ещё дымились. Едкий запах гари слабый ветер не мог разогнать. Я подумал: «Прощай, Реполка! Прощай, дом! Завтра от тебя тоже останутся одни головешки».

СБОРНЫЙ ПУНКТ, КАК ПЕРВЫЙ ЛАГЕРЬ

Привезли нас в Извару на известковый завод. Выгрузили на открытую площадку, ограждённую колючей проволокой в один ряд. Стояли два часовых с автоматами. Там уже было много людей из разных деревень. У каждой семьи свой костёр возле кучи вещей. Грелись, варили пищу из своих продуктов. Стояли две бочки с водой для питья и пищи. В дальнем углу - фанерный щит, за которым было отхожее место - общая уборная. То есть, все «удобства».

Развели и мы свой костёр, благо дров здесь было много завезено. Расстелили клеёнку, на неё сложили вещи, чтобы не намокли от земли. Особенно было трудно ночью, так как спальных мест на тюках всем не хватало. Крёстный, Оля, мама и бабушка спали по очереди - двое спят, двое греются у костра. Нам ещё повезло с погодой. Было облачно, но без дождя или снега. И без заморозков при слабом ветре.

Только на третьи сутки подогнали к заводу состав из товарных вагонов - телятников. В наш вагон загнали пять семей общей численностью в двадцать человек. По краям разместили вещи, а в центре стояли люди. Было очень тесно. Тоню уложили на вещи, на самый верх. В тот день резко похолодало, пошёл мокрый снег. Из-за этого у неё ещё больше обострился приступ ревматизма. Она так сильно и громко стонала, что у нас сердца разрывались от жалости. И нечем помочь, даже компрессы и грелки здесь не поставишь

Проехали Волосово без остановки. Повезли нас в Эстонию.

Часть 3. ЛАГЕРЯ

Глава 10. КРЕНГОЛЬМСКАЯ МАНУФАКТУРА

ТОНИНЫ МУКИ

Привезли нас в Нарву. Лагерь разместили в заброшенном цехе фабрики «Кренгольмская мануфактура» на правом, «русском» берегу реки Наровы. Здание было огромное, гулкое, пустое и тёмное с четырёхэтажными нарами. Нам досталось место на третьем этаже нар. Забирались туда с вещами по подвесной лесенке. Больную Тоню поднимать по лесенке и ухаживать за ней там было невозможно.

На земляном полу около нар был длинный общий стол, а с торца стола широкая скамейка. На ней лежала тяжело больная старушка. Пока мы поднимали свои вещи на третий этаж и размышляли, как быть с моей сестрой, старушка умерла. Её унесли, а Тоне освободилось место на этой скамейке. Как говорится, и не было бы счастья, да несчастье помогло.

Приступ ревматизма у сестры всё усиливался. Ломота в суставах и мышцах становилась нестерпимой. Она страшно стонала, часто переходила на крик и ночью и днём. Некоторые люди ругались на маму - зачем она позволяет больной так кричать, не давая им спать. Мама металась и плакала, не в силах дочери помочь. Я тоже переживал и думал, что так будет вечно. Но мама как-то упростила охранника позвать врача. Пришёл пожилой немец - врач. Он проявил человечность. Осмотрел, покачал головой. Сказал по-русски:

- У меня в Германии дочь такого же возраста. Постараюсь помочь вам.

Он дал таблетки, выписал направление в немецкий госпиталь и велел каждый день носить туда больную. Мама заворачивала в одеяло восьмилетнюю Тоню, как грудную, и на руках много раз носила её в госпиталь, который находился в километре от лагеря. Это тоже сродни подвигу было.

В госпитале все суставы и мышцы сестры смазывали какой-то мазью. Она пошла на поправку. Заново стала учиться ходить.

ФАНЕРНЫЕ ДОМИКИ

По лагерю прошёл слух, что будут отправлять трудоспособные семьи на торфоразработки. Жить придётся в фанерных домиках, продуваемых ветром. А впереди зима. Никакая «буржуйка» (железная переносная печка) не спасёт от холода, сырости и болезней. Для Тони с её ревматизмом это было бы смерти подобно. Мама тяжело переживала новую напасть. Мы с Дунаевыми жили одной семьёй. У нас было пять взрослых и только двое детей. Так что нам очень даже реально грозили «фанерные домики». Утром приказали всем построиться семьями на площадке перед цехом. Каждая семья стояла отдельной кучкой, образовав большой полукруг.

Два немца - фельдфебель с журналом в руках и солдат с автоматом на брюхе начали с краю обходить семьи. Фельдфебель делал пометки в журнале, а солдат был ко всему равнодушен. Мама плакала, обнимая Тоню. Это заметила репольская бойкая женщина Клавдия Карпина.

- Ты чего ревёшь раньше времени? - обратилась она к маме.

- Так ведь пошлют в лес, а у Тони ревматизм в острой форме. Пропадём там.

- Не дрейфь. Сейчас придумаем что-нибудь.

Клавдия ушла. Несколько минут спустя она вернулась в сопровождении трёх чужих детей - малолеток. Грязных, оборванных, прыщавых.

- Пусть стоят они с вами, пока немец осмотрит и в журнале отметит, - говорила

Клавдия. - А Оля пусть со мной уйдёт на это время.

Мама, вероятно, знала, чьи это дети. Да это было не важно. Когда подошли немцы, то брезгливо сморщились. «Фу, шайзе!» - выругался фельдфебель, вычеркнул нас из списка и дальше пошёл.

Потом Клавдия хвасталась маме:

- Я ещё две семьи спасла от леса, подставляя тех же ребяташек. Немцы настолько презирают русских, что мы все им кажемся на одно лицо. Они умеют только пересчитывать нас, как овец.

Глава 11. ИВАНГОРОДСКАЯ КРЕПОСТЬ

ЧТО В ЛОБ, ЧТО ПО ЛБУ

В конце ноября нас перевели в Ивангородскую крепость. Она стояла на берегу реки Наровы у самого спуска к мосту. Вход охраняли два немца с автоматами. Внутри толстых крепостных стен была огромная площадь, на которой разбросаны разные постройки. Нам отвели двухэтажное деревянное здание. На первом этаже была столовая, кухня и вспомогательные помещения. На втором этаже размещены двухъярусные деревянные нары из нескольких секций. Сначала было освещение карбидными лампами, потом подвели электричество. Мне было непонятно, как отапливалось помещение, но было довольно тепло - спали в нижнем белье. Кормили нас прилично, от голода не страдали.

Два раза стариков и детей водили через мост в город Нарву, в православную церковь. Там было очень красиво, всё в золоте. Распятый Христос на кресте вызвал жалость и любопытство. Я подробно рассматривал шляпки гвоздей на руках и ногах, подтёки крови. Бабушка несколько раз поворачивала мою голову от распятия к священнику. Мне впервые пришлось простоять всю долгую службу. Я очень мучился. Ужасно устали ноги, кружилась голова. Но по русскому обычаю нельзя было присесть во время службы, надо стоять несколько часов до конца. Бабушка Дуня видела мои муки, сама тоже устала, но говорила мне : «Терпи, терпи, Бог терпел и нам велел». Я вспомнил любимую бабушку Фиму. «Она бы не позволила так мне мучиться, вывела бы меня из церкви хоть на несколько минут», - подумал я. Наконец, началось причастие. И здесь пришлось очередь отстоять. Но хоть какое-то движение и надежда на скорое окончание мук.

Когда в другой раз отпустили нас в церковь, то я уговорил бабушку войти внутрь только с середины службы.

Прихожане этой церкви из Ивангорода и Нарвы приходили к нам в крепость, приносили в подарок поношенную одежду и обувь, иконки, молитвенники. Они называли нас «беженцами». Это меня возмущало:

- Какие мы беженцы?! От кого и за кем бежали?! - пытался я объяснить одной набожной женщине. - Что же, по-вашему, и дома свои мы сами сожгли?! Узники, заключённые немцами, вот кто мы!

- Узников не отпустили бы в церковь, - ответила женщина. А бабушка заметила:

- Что в лоб, что по лбу - всё равно больно.

КОРОТКАЯ ЛЮБОВЬ

Нашими соседями на втором ярусе нар были Митины. Нас разделял только метровый зазор между секциями. Нюра спала с краю просвета. Она была на год моложе меня. Сероглазая, краснощёкая, с пышными светлыми волосами. Улыбчивая, всегда чистенькая, с приятным грудным голосом. Я старался проснуться первым, чтобы украдкой наблюдать, как она встаёт, откинув одеяло, надевает платье через голову и обязательно посмотрит в мою сторону. Может быть, и я был ей интересен?

В общем, я влюбился. Старался оказывать ей всяческие знаки внимания. Я нашёл обрывок верёвки во дворе и в просвете между секциями нар сделал качели. Так первой покачаться я предложил ей. А когда сам стал качаться, верёвка вдруг оборвалась, я ударился головой об угол. Образовалась большая шишка. Тогда Нюра намочила свой носовой платок и приложила к шишке на моей голове. Я был наверху блаженства. Только разговаривать у нас никак не получалось. Оба стеснялись друг друга.

Но финал был весьма прозаичным. Как-то мы с группой ребяташек стали играть в жмурки вблизи нар. Когда мне завязали глаза и все стали разбегаться, я раскинул руки, стал их ловить. Мне повезло. Случайно я схватил рукой за Нюрино плечо. Она попыталась вырваться, тогда я двумя руками ухватил её за талию. И вдруг услышал резкий, грубый, совсем не девчоночий голос: «Отстань, дурак! Отцепись!»

Я отпустил её. Сдёрнул повязку с глаз. Всё! Пошёл к себе на нары. Её грубость поразила меня. Любовь и симпатию к ней как ветром сдуло.

ЛЕСОПИЛЬНЫЙ ЗАВОД

По утрам взрослых уводили на работу на лесопильный завод. Он находился через шоссе на дорогу напротив крепости. Нас, ребяташек, свободно пропускали через крепостные ворота, и мы часто бегали на завод. Видели, как работают наши родители. Возят на тележках свежие, пахучие доски, сортируют и складывают их. Убирают в сторону горбыли и мусор.

Я любил подходить к реке - смотреть, как огромная зубастая цепь из воды цепляет бревно, наклонно поднимает и подаёт его к пилораме. А пилорама содержит десяток вертикально движущихся пил, которые разрезают бревно на доски. Ещё любил прокатиться на тележке по верху новеньких досок. «Хорошо работать на таком заводе», - думал я.

Из нашей семьи на заводе работали крёстный, мама и Оля. Работали наравне с вольнонаёмными по десять часов. (Тётя Сима не могла работать. У неё не сгибалась в коленке правая нога, и болела рука от какой-то неизлечимой болезни.) Двое охранников с автоматами были на заводе для порядка, ни во что не вмешивались. В воротах крепости рабочих пересчитывали утром и вечером.

В середине декабря эстонскому руководству завода каким-то образом удалось договориться с немецким руководством концлагеря. Рабочим завода разрешили прописываться в Нарве на свободной жилплощади с правом покинуть крепость. Это было какое-то чудо! Крёстный через знакомых подыскал в Нарве свободную комнату. Нас там прописали и мы перебрались на волю.

Когда покидали крепость, я подумал: «Это был хороший концлагерь, лучше, чем Кренгольмская мануфактура. Но на свободе ещё лучше».

Глава 12. ГЛОТОК СВОБОДЫ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

В начале января 1944 года мы поселились на последнем этаже пятиэтажного дома. Комната продолговатая с торцевым окном. В квартире жила соседка Анна с маленьким сыном. Её, как старожилку, мы считали хозяйкой. Она была «русской эстонкой», то есть была русская, но давно жила в Нарве. Хорошо говорила по эстонски. Очень приветливая, доброжелательная. Крёстный, мама и Оля продолжали работать на том же лесопильном заводе. На январь им выдали рабочие карточки, а остальным - иждивенческие. Когда впервые получили продукты по карточкам, то устроили семейный праздник. Хлеб был плоский, овальной формы с мягкими корочками. Он был с тмином, очень вкусный и есть можно досыта.

Наши работнички приносили новости с завода. Первая новость - в крепости появился тиф. Рабочих из крепости перестали водить на завод и отменили право на прописку в Нарве. Только несколько семей, включая нас, успели

воспользоваться этим правом и выбраться на волю. Бабушка Маша и Дуся не успели, остались в крепости.

Вторая новость - немцы начали драпать. На шоссе много разных машин и повозок месят грязь со снегом. Участились налёты наших бомбовозов на станцию, мост и другие объекты. Со стен крепости немецкие зенитки лупили по самолётам.

Соседка Анна говорила, что ходят слухи о неизбежном приближении советских войск. Она предложила нам с бабушкой пойти посмотреть её гнёздышко в Шведской крепости, растянувшейся по левому берегу Наровы. Внутри стен этой крепости было устроено бомбоубежище с длинными нарами в два яруса. Каждая семья имела своё место на нарах с соответствующей табличкой. Даже кувшин для воды, металлическая посуда и чайник стояли у каждой таблички. Ну и, конечно же, освещение, водопровод, центральное отопление, канализация - всё было предусмотрено для безопасного и длительного пребывания людей. «Вот это культура! - восхищалась бабушка. - Вот какая забота о людях!» На обратном пути Анна сказала бабушке:

- Многие зажиточные эстонцы скоро побегут из Нарвы, их места в бомбоубежище освободятся и вы тогда сможете оформить себе местечко здесь.

- Да, да, спасибо. Я обязательно расскажу Михаилу, - ответила бабушка.

ПОДВАЛ. ДОБЫЧА ВОДЫ.

В самом конце января загрохотали пушки. Наши войска заняли правый берег реки, только крепость немцы ещё удерживали. По слухам, узников они успели угнать в Германию, а тифозный барак сожгли вместе с больными людьми. Началась осада Нарвы. Пушки палили с двух берегов.

Соседка Анна ушла в Шведскую крепость на закреплённое за ней место. Крёстный не стал хлопотать о выделении такого же места для нашей семьи, как советовала Анна.

- В такое смутное время мне лучше не высовываться. Не то дадут крепко по носу, - пояснил он.

Мы стали прятаться в подвале нашего дома. Там человек тридцать собралось. Не было ни электричества, ни воды, никакой печки. Сидели с керосиновой лампой. Спали сидя на скамейках или прямо на полу, прижимаясь друг к другу. Пищу готовить поднимались в квартиры. Там же растапливали снег, пока он был чистый, не закопченный от разрывов снарядов и бомб. Позже мама и Оля были вынуждены ходить на реку. Крёстный не ходил за водой, чтоб не

высовываться. Шли они под обстрелом советских пушек и пулемётов, которые стреляли по немцам, но могли попасть и в Олю или маму. Да и немцы могли пристрелить их в любой момент, посчитав их сигнальщиками.

Поэтому я с трепетом провожал взглядом Олю и маму, когда шли они за водой. И с замиранием сердца ждал возвращения. Мысленно упрашивал Бога: «Господи, спаси мою маму и Олю! Ну, пожалуйста, спаси, Господи! Что тебе стоит?!» Молитву «Отче наш» я знал наизусть ещё от бабушки Фимы, но в ней же нет ни слова о маме!

Однажды сёстры пришли с реки зарёванные, без воды. Лица чумадые, в копоти. Одежда забрызгана грязным снегом.

- Свят, Свят, Свят! - крестилась бабушка, встретив их на входе в подвал. - Что стряслось-то?

Я бросился к маме. Она одной рукой прижала меня к себе, другой рукой показала своё пустое ведро с огромной дырой от осколка.

- Вот такая дыра могла быть у меня в животе! - говорила она сквозь слёзы. - Десять сантиметров до смерти! Вблизи разорвался снаряд. Осколок выбил ведро с водой из руки, отбросил его на несколько метров!

Подшли к нам другие люди из подвала, стали слушать подробности. Но я дальше не слушал. Потеснее прижался к маме и тихо шептал: «Слава Тебе, Господи! Спасибо, что услышал меня, спас мою маму и Олю!»

ДОБЫЧА ПРОДУКТОВ

Кроме воды, надо было ещё добывать продукты. Работу наши работнички потеряли, завод оказался за линией фронта. На февраль нам карточки не выдали, запасов никаких не осталось. Снова перед нами замаячил голод. Здесь в лес не пойдёшь, мох и кору не добудешь. Мы решили поискать счастья в покинутых квартирах богатых эстонцев, убежавших от фронта. Но там всё было растащено до нас и двери были не заперты. И всё же в одной квартире нашли сплошь покрытую плесенью буханку хлеба и две плитки столярного клея. «Обрежем плесень сверху, а под нею чистый хлеб должен быть», - соображала мама, опуская хлеб в сумку. В другой квартире нашли только старый ремень да рваные кожаные шлёпанцы. «На студень», - заметил крёстный. Зато в третьей квартире нам сказочно повезло. Крёстный в тёмном углу кухни обнаружил бочонок, укрытый грязной половой тряпкой, почему его и не заметили до нас. А бочонок оказался до

краёв наполнен свинями, уже очищенными, солёными потрохами! Радость наша была бы меньше, даже если бы мы нашли золото!

Крёстный подобрал верёвку, приспособил её так, чтобы удобно было нести бочонок. Я нашел моток шпагата и перочинный нож из четырех предметов, но с расколотой рукояткой. На полу среди битой посуды валялись больше десятка поздравительных рождественских открыток. Они поражали своей красотой - мальчишки все в коротких штанишках на ляпочках, девочки в розовых платьицах, панталончиках и с бантами на голове. А вокруг ангелы и амурчики со стрелами. Я собрал открытки для Тони.

Мама заметила птичью клетку, закреплённую на стене. В ней лежал на боку полуживой снегирь. Видимо, хозяева очень торопились, раз не выпустили его на волю. Мама сняла клетку, вынула снегиря. Он еле дышал. Я нашёл битое блюдце, капнул туда водички. Снегирь попробовал воду клювом, встал на лапки и начал пить. Я вывернул свои карманы, нашёл несколько крошек хлеба, высыпал перед птицей. Снегирь с трудом, но всё же склевывал крошки.

- Его надо подержать дома с недельку, пока окрепнет. Потом выпустим на волю, - сказала мама.

Я положил снегиря за пазуху, в потайной карман пальто, застёгнутое только снизу, чтоб не помять птичку. Но когда шли домой мимо кустов, снегирь сам выскочил из кармана и вспорхнул на куст. Мы даже обрадовались. Значит, найдёт рябинку, поклюёт ягоды и будет жить.

БОГ ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАЕТ

Во время относительного затишья мы из подвала поднимались в свою комнату. Там варили и принимали пищу. Там, вместо бани, протирали друг друга мокрой тряпкой, прожаривали угольным утюгом бельё, чинили одежду и обувь.

Однажды крёстный остался в подвале, поправлял ножки у нашей скамейки. За занавеской в комнате мама протирала тётю Симу мокрым полотенцем. И вдруг спросила тихим, доверительным тоном:

- Сима, тебя не тошнит временами? Не хочется кисленького или солёного?

- С чего это? - недовольно ответила тётя Сима. - Ты зачем спрашиваешь? Ничуть меня не тошнит.

- У тебя беременность и уже большая, - пояснила мама.

- Не выдумывай. Восемь лет замужем, ждём-ждём - и ни разу не получалось. А тут на тебе! Да с чего ты взяла-то?

- Я по соскам твоим вижу, - ответила мама. - Вернейшая примета.

- Мамаша! - крикнула тётя Сима бабушку. - Зайди-ка сюда! Послушай, что Настя выдумала!

Мы с Тоней раскрыли рты от любопытства. Бабушка зашла за занавеску.

- Всё верно, - подтвердила она. - Настя права, ты беременна.

- Пошли-ка, ребятки, в коридор, - запоздало сказала нам Оля. - Здесь без нас разберутся.

Но и в коридоре было слышно, как громко говорила тётя Сима расстроенным голосом:

- Даже и не знаю теперь, радоваться мне или плакать.

- Раз Бог даёт, значит, радоваться надо. Бог знает, что делает, - сказала бабушка.

УМНЫЙ СНАРЯД

В тот день Оля и мы с Тоней были в подвале. Крёстный, мама, бабушка и тётя Сима остались наверху, в квартире. День был солнечный при слабом морозце. Пушки с двух берегов палили не часто. Но один снаряд разорвался так близко, что даже подвал задрожал. Кто стал молитвы читать, кто просто креститься. Чья-то девочка от страха заплакала. Вдруг в подвал ворвалась моя бабушка и закричала Оле:

- Симку и Мишку убило! В крови все!

Бабушка запыхалась, глаза выпучены, вся трясётся. На лице и руках пятна крови. Из рта и ушей тоже капала кровь. Оля подхватила её, стала успокаивать. А мы с Тоней рванули в квартиру. Но при выходе из подвала столкнулись с крёстным. Он был живой, но всё лицо и руки густо покрыты кровью. Здоровый глаз тоже залеплен кровью, поэтому он передвигался как бы вслепую. Согнул поясницу, искал руками опоры. Он только прохрипел: «Ольга, беда! Симку убило!» Люди в подвале оказывали помощь. Несли бинты, йод. Принесли ковш чистой воды, чтобы кровь отмыть. Оля промыла брату здоровый глаз, он стал видеть. На

лице и руках было очень много порезов от осколков стекла. Убедившись, что Оля здесь справится, мы с Тоней поднялись в квартиру.

Тётя Сима всё ещё лежала на полу без сознания. Но дышала и пульс был хороший. Оказалось, что лужа крови образовалась тоже от порезов осколками стекла. Через час она пришла в себя. Осталась контузия - у неё слегка тряслась голова и заплетался язык. У мамы осколками стекла были окровавлены ноги.

Вскоре все собрались в холодной квартире. Со шрамами и наклейками на порезах, но довольные, что все живы, легко отделались. Поели, чаю попили и стали вспоминать подробности. В момент взрыва у окна тётя Сима зашивала порванную рубашку прямо на теле крёстного. А бабушка штопала шерстяной чулок чуть в стороне от окна. Мама стояла на табуретке у печки, развешивала бельё. Снаряд ударил в толстую стену дома в двадцати сантиметрах от проёма окна. Стену он не пробил, его осколки разлетелись мимо окна. Но взрывная волна резко распахнула раму и выбила все до единого стёклышка. Они-то и поранили наших страдальцев. Опять улыбнулось счастье, которое отвело снаряд от проёма. Ведь это наш снаряд, советский. Видимо, совесть ему не позволила влететь в комнату и убить людей, которых должен был защищать.

Глава 13. ОПЯТЬ ОБЛАВА

«КТО ЗДЕСЬ РУССКИЕ? К СТЕНКЕ!»

К середине февраля 44 года обстрел города усилился. За водой на реку стало ещё труднее ходить. Но мы в душе радовались и надеялись, что к 23 февраля - дню Красой Армии наши возьмут Нарву.

В подвале пошли разговоры, что немцы стали взрывать высокие здания. Якобы потому, что с высоты сигналили на тот берег русские лазутчики. Наш пятиэтажный дом тоже считался высоким, и его могли взорвать. Поэтому мама и крёстный решили самое необходимое сложить в заплечные мешки и спустить в подвал. Я упросил забрать и бочонок с остатками потрохов. - не пропадать же такой вкуснятине!

Но никто из нас не подумал, что если дом взорвут, то подвал наш завалит обломками, и мы окажемся заживо погребёнными. А немцы, оказывается, подумали, стали очищать подвалы.

Утром 20 февраля, ещё затемно, в подвал ворвались два немецких автоматчика и офицер. Он осветил мощным фонариком заспанные лица.

- Кто здесь русские? К стенке! - гаркнул он.

Наступила гробовая тишина. Кроме нас, в подвале ещё было три семьи русских, не считая «русских эстонцев» Все боялись шелохнуться. Солдаты сняли с шеи автоматы, приготовились стрелять. Вдруг поднялся со скамьи старый, бородатый эстонец и заявил твёрдым голосом:

- Я староста подвала и заявляю, что здесь нет русских. Одни эстонцы, знающие русский язык.

Тогда офицер распахнул дверь в подвал и приказал:

- Всем-всем-всем грузиться в машины. Брать с собой только то, что здесь, при вас.

В квартиры не заходить, будет расстрел.

У подвала уже стояли две открытые бортовые машины и четыре автоматчика. Начали выносить свои вещи и кидать в кузова. Садись сами, стараясь устроиться поудобнее. Наша семья разместилась на своих вещах поближе к кабине. Я вдруг заметил, что в углу между кузовом и кабиной прилепилась круглая печка. Что же, теперь немецкие грузовики на дровах ездят?! Бензину мало? Хотел спросить крёстного, но не успел. Немцы притащили два огромнейших полотнища брезента и накрыли ими людей в машинах как мешки с картошкой.

ДОРОГА ПЫТОК

Поехали. На пути к нам подстроились ещё четыре таких же грузовика, покрытых брезентом. Образовалась колонна из шести машин, мы шли третьими. Начало сильно трясти, раскачивать из стороны в сторону. Я откинул кусок брезента. Оказалось, что мы едем по раскученным шпалам и рельсам. На автомобиле да по железной дороге! Чудеса! Расскажи кому - не поверят! «Немцы совсем с ума спятили - тащат стариков и детей за собой как великую ценность», - удивлялся крёстный.

Вокруг голое поле, перепаханное бесчисленными воронками. Весь снег лежал тёмно-серый с чёрными пятнами в воронках. Параллельно нам, примерно в пятистах метрах, тянулась полоса кустов. За ней двигались машины в обе стороны.

- Почему там машины? - спросил я маму.

- Там проходит шоссе, оно занято русскими, - ответил за неё крепкий эстонец лет под сорок. «Так вот почему нас везут по разбитой железке!» - понял я.

Вдруг за полоской кустов увидели вспышку. «Уооуу - бах!» - разорвался снаряд, не долетев до нас. Потом ещё выстрел, ещё. Перелёт, недолёт. Разрывы всё ближе. Мама пыталась закрыть моё лицо брезентом, но я всё равно открывал. Любопытство сильнее страха. «Мы смерти смотрели в лицо», - вспомнил я слова из песни о «Юном барабанщике».

- Ну уж нет! Так мы не договаривались! - возмутился всё тот же эстонец. - Мало того, что на таратайке по шпалам везут, так ещё и под русскими пушками! Уж лучше я пешком пойду, целее буду! - заявил он и встал во весь рост, чтобы выпрыгнуть из машины. Но немец тут же приставил автомат к его животу. Эстонец смирился, сел на чей-то мешок. И как раз у той кочки, на которую думал прыгнуть эстонец, взорвался снаряд.

Выходит, что Бог через немецкий автомат спас эстонцу жизнь. Чудеса!

Но в этот момент прямое попадание разнесло заднюю машину в клочья. Что там осталось от людей и машины - одному Богу известно. Колонна уцелевших машин двигалась без остановки. Меня увиденное потрясло, стало тошнить. Вырвало прямо за борт. Мама вытерла мне чем-то лицо и руки, оттащила от борта.

Вскоре машины пошли гладко, взрывов не стало. Мы выехали на не занятый советскими войсками участок шоссеиной дороги.

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Привезли нас в Ревель (древнее название города Таллинна. Так он назывался при немцах). Разместили в какой-то школе, в спортивном зале. Немножко покормили и стали сортировать. Всех с эстонскими паспортами отпустили к родственникам или направили в общежитие как свободных граждан. А русских, украинцев, белорусов, татар стали распределять по концлагерям.

Кучки вещей каждой семьи жались к стенкам просторного зала. Там же и спали, кто на вещах, кто на полу. На другой день поступила ещё одна партия невольников. Они тоже были с вещами, искали местечко поудобней. Мимо нас шла пожилая женщина с котомкой и сумками. Рядом шел парень лет семнадцати с большим заплечным мешком. Вдруг моя бабушка вскрикнула:

- Ой, Ленка! Да ты ли это?

Женщина оглянулась и расцвела в улыбке

- Дунюшка! Господи, да какими судьбами?! Митя, погляди-ка, ведь Дунаевы это!

Баба Лена обняла бабушку Дуню. Митрошка протянул каждому руку, даже мне протянул. Он выглядел молодым, сильным парнем. Баба Лена была приёмным ребёнком в семье Дунаевых, росла и воспитывалась наравне с бабушкой Дуней. Приходилась ей сводной сестрой. А замуж вышла за брата бабушки Маши. Через неё Яснецовы и Дунаевы породнились раньше, чем через папу и маму.

Устроились они рядом с нами, тоже у стенки. И начались охи-ахи да взаимные расспросы. Оказалось, что когда немцы стали угонять узников из Ивангородской крепости, то перво-наперво сожгли тифозный барак. В этом бараке лежала в тифу бабушка Маша. Она сгорела живьём вместе с другими больными. Это известие ранило мою душу, мне было очень жаль её. Она так любила меня! Ещё я подумал: «Не даром в Реполке она бабушке Фиме позавидовала в том, что «вовремя она умерла - в родной земле осталась лежать».

Других узников крепости немцы раскидали по разным пересыльным пунктам, чтобы отправить в Германию. И вот теперь баба Лена с Митрошкой оказались здесь. Мы решили по возможности держаться вместе с ними.

В АД С КОМФОРТОМ

На третий день пребывания в Ревеле половину невольников отправили на вокзал, на платформу. И нас, и бабу Лену с Митрошкой в том числе. Все ждали привычных вагонов - телятников. Но вдруг к нашей платформе подогнали состав с немецкими пассажирскими вагонами и нам приказали грузиться в них. Эти вагоны отличаются от русских тем, что в них нет общего коридора. Каждое купе имеет выходную дверь прямо на платформу. Такое купе досталось и нам с бабой Леной. Разместились там все, вместе с вещами.

- Это немцы нам подарок делают ко дню Красной Армии, - пошутил Митрошка. - ведь завтра 23 февраля как-никак.

- Не плохо бы по сто пятьдесят пропустить по такому случаю, - помечтал крёстный. - Поедем с комфортом, только не знаю, в рай или в ад.

Митрошка полез в свою котомку. Пошарил там и вынул небольшой холщовый мешочек.

- А вот вам и рай, устроим его сейчас же, - заявил он, высыпая из мешка семечки в миску. - Райское занятие для бездельников.

- Откуда у тебя это чудо? - удивилась Оля.

- Шёл дождь, но вместо дождинок семечки капали. Я подставил шляпу и вот, собрал.

Тоня вытаращила глаза от удивления, даже рот приоткрыла.

- Мастер врать у твоей тёщи зять, - засмеялся крёстный.

- Вот шалопай! Слова путного не скажет, всё с вывертом, - ворчала бабушка Дуня. Но за семечками потянулась.

- Репольские семечки, Дунюшка, - пояснила баба Лена. - Чухонка по деревне ходила, вот он и купил у неё перед выселением нас.

Семечки пахучие, хорошо прожаренные. Мы накинулись на них. Посыпались шутки да прибаутки. Всем было весело как в добрые, предвоенные времена. Я почему-то вспомнил примету бабушки Фимы: «Ох, не к добру это веселье. Ох, не к добру». Эта примета оправдалась ещё в Заречье, когда мы с Марусей пели песни. Сердце забило тревожно. Я никому ничего не сказал, но семечки есть перестал.

Уже смеркалось, когда прицепили к нам паровоз. Конвойные каждого вагона заперли снаружи двери во всех купе. И вдруг завывали сирены воздушной тревоги.

- Всё. Мы в мышеловке, - тихо сказал крёстный. - На станции много составов с военной техникой и цистерны с горючим. Самолёты обязательно будут бомбить вокзал, и нам никуда не деться. Мы заперты.

Все притихли. Стало жутко от его слов. Бабушка Дуня прошептала: «Господи, спаси и сохрани наши души!» Вагон качнулся, дёрнулся и тихо заскользил вдоль платформы. Мы поехали!!! Колёса стучали чаще и чаще, как

музыка спасения! Сзади уже слышались звонкие хлопки зениток и первые разрывы бомб. Несколько самолётов бросились в погоню за нашим составом, взрывы были то справа, то слева. В купе полопались стёкла. Но паровоз летел со скоростью курьерского поезда. Вскоре самолёты улетели. Видимо, главной задачей для них была станция. Мы все крестились и благодарили Бога за спасение.

Поезд выгнулся дугой на повороте и мы увидели вдали привокзальное пекло. Там всё горело. Взрывались снаряды и мины. Взрывались цистерны с горючим, высоко выбрасывая пламя. Видимо, от скопления военных составов там ничего не осталось. Так отметили наши лётчики свой праздник - день Красной Армии.

- Никак не пойму, - размышлял крёстный, - почему немцы спасли наш поезд, а не какой-нибудь военный состав?

- Да надрался шнапсу начальник вокзала. И решил, что в пассажирском поезде большие чины сидят взаперти, надо спасать, - опять стал шутить Митрошка.

Паровоз перешёл на нормальную скорость. Постепенно мы успокоились. Пристроились спать под лёгкое покачивание вагона и мерный перестук его колёс.

Глава 14. КОНЦЛАГЕРЬ ВАЛГА

МЕСТО В АДУ

Уже светало, когда поезд остановился. Послышался скрежет открываемой двери. В купе вошёл конвойный офицер и сказал с эстонским акцентом:

- Ты и ты, - указал он на Митрошку и бабу Лену, - остаться тут. Другим - выходить.

«Почему он разлучил нас? Куда повезут наших попутчиков? - думал я.

- Всем с вещами? - спросила Оля.

- Выкидывай всё, скоро-скоро!

На улице шёл мокрый снег. Вещи клали на шпалы запасного пути. Ещё из нескольких купе высыпали люди с вещами. Конвойный снова запер дверь в купе,

где остались баба Лена с сыном. Было зябко, хотелось есть. У меня на правом ботинке на половину оторвалась подошва, открыв зубастую пасть. Крёстный присмотрел на пути какую-то проволоку и скрутил мне нос ботинка с подошвой. Поезд без гудка, как бы украдкой, прополз мимо нас.

Открылся пустой разъезд с несколькими путями. Невдалеке проходила дорога, по которой изредка проходили машины. Мокрый снег налипал на плечи и шапку, где превращался в воду. Мама достала простынь, прикрыла меня и Тоню.

Только к полудню подали открытые бортовые машины. Погрузили нас, повезли в концлагерь на окраине города Валга. Лагерь занимал огромную площадь, обнесённую тремя рядами колючей проволоки. Видны были несколько вышек с пулемётами. У ворот были две своры овчарок. Слева от ворот стояли друг за другом бараки с узкими полосками окон вдоль крыш.

Машины заехали внутрь ограды, нас разгрузили в месиво грязи и снега под ногами. Про нас как будто забыли. Даже часового к людям на площади не поставили. Прошёл час, другой. Тоня тихо плакала. Мама прижимала её к себе, пытаясь согреть. От мокрого холода, голода, неизвестности чувствовалась какая-то обречённость. Не хотелось ни шевелиться, ни думать.

Наконец, к нашей семье подошёл хромой мужчина. Сказал, что нас определили в третий барак. Он является старостой этого барака и готов показать наши места на нарах. С ним пошли крёстный, Оля, я и мама.

- Я такой же заключённый, как и вы все, только здешний старожил. Никаких привилегий мне не положено. Зовут меня Герасим Иванович. Здесь раньше были конюшни кавалерийского полка.

- А поесть нам когда дадут? - осмелился я спросить. - Мы два дня ничего не ели.

Он посмотрел на меня, как на комара, севшего на нос. Но всё же ответил:

- На обеденную баланду вы опоздали. На ужин будет по кусочку хлеба и чай.

Мы вошли в третий барак. Это и вправду была огромная конюшня. Тёмная, сырая, без потолка (видны стропила под крышей), с земляным полом. Непривыкшие к темноте глаза почти ничего не видели. Тухлый запах гниющей соломы и навоза на нарах ударил в нос. Где-то слышались стоны больных людей, детский плач. Постепенно глаза привыкли, стали различать предметы. Я увидел узкие, замызганные окошки под крышей и несколько тусклых электрических лампочек наверху. Барак был полностью заставлен трёхэтажными нарами в

четыре ряда. Одинарные крайние нары стояли у стен. К ним ещё пробивался какой-то свет из окошек. Посредине стояли сдвоенные широкие нары, на которых люди спали головами друг к другу. На каждого человека вместе с вещами отводилось полметра в ширину.

- Вот ваши места, - остановился староста. - Три места у стенки в крайнем ряду на втором этаже и четыре места напротив, на сдвоенных нарах тоже на втором этаже. Места вам достались хорошие, снаружи не продувает. На первом этаже под вами места пустуют пока. Там можете посидеть, чаю попить.

- Герасим Иванович, - обратилась к нему мама. - Перед ужином толкните нас, пожалуйста. - После стольких мытарств мы поспим часок или два.

- Хорошо, хорошо, - ответил староста. - Вот вы и пойдёте получать ужин на всех семерых. Приготовьте посуду, - и он ушёл по своим делам.

Наконец-то мы добрались до сухих, хоть и вонючих нар! Распаковали мешки и пакеты, достали сравнительно сухую одежду и уснули все ангельским сном в этом адском логове.

* * *

На другой день Олю, крёстного и маму увели на работу. С нами за главного осталась бабушка. На утро опять был чай и маленький кусочек хлеба. Хлеб был липкий, чёрный, дурно пахнущий. Из чего его пекли - я не знаю. Но точно не из муки, и даже не из коры. Мы с Тоней давились, но ели. Вспомнилась голодная зима 41 - 42 годов.

Потом мы с ней пошли на воздух, ближе знакомиться с лагерем. Снег не падал, но было ветрено. Первое, что мы заметили - на колючей проволоке висели плакаты со скрещенными костями под голым черепом и крупной надписью: «УБЬЁТ!» Проходившая мимо женщина пояснила:

- Там ток пущен по среднему ряду. Даже подходить к проволоке ближе одного метра нельзя, с вышки сразу строчит пулемёт.

- А как он с вышки измерит эти «меньше метра?» - спросила любопытная Тоня.

- На глазок, доченька, на глазок, - ответила женщина. Как захочется ему, так и пальнёт.

Противоположная ограда за бараками состояла из двух рядов колючки, но плакаты с черепами на ней не висели. Оказалось, что это была разделительная

ограда. Она отделяла от нас лагерь военнопленных. Сейчас там было мало людей, видимо больные или дежурные. Остальные работали.

- Откуда пленные взялись? - спросила сестра. - Ведь наши побеждают теперь.

- Может быть, ещё с 41 года остались, - ответил я. - А вот кто тебе сказал, что наши побеждают, хотел бы я знать.

- Фигушки, так я тебе и сказала.

- Тогда и не говори об этом ни с кем, никогда. Держи язык за зубами. Иначе попадёшь в гестапо. Там, под муками, всё расскажешь, что было и не было.

- Не учи учёного, как есть ежа мочёного, - ответила сестра. - Я уж не маленькая, летом мне девять лет будет.

«Как быстро взрослеет сестрёнка», - подумал я.

За последним баракком был пустырь. Там стояла виселица, на ней подвешен колокол. Справа от неё была уборная - длинная жердь над ямой, разделённая фанерным щитом с буквами «М» и «Ж». На пустыре я подобрал белую коробку из прочного картона и несколько узких дощечек от ломаного ящика.

- Зачем тебе это? - спросила сестра.

- Погоди, увидишь, - ответил я.

Людей у баракков и на площади было мало, несмотря на хорошую погоду. Детей мы совсем не увидели. Когда подходили к нашему баракку, через ворота въехала телега с несколькими баками. Вероятно, с баландой. У телеги толкались люди в форме, слышалась гортанная речь. Мы поспешили в барак.

Удивительно, как быстро человек привыкает к плохой обстановке. Может быть потому, что ещё вчера мы умирали, голодные, в грязи и снегу. А сегодня, когда пригрелись, поспали, нас хоть чуточку покормили - и уже барак не кажется таким чёрным, ненасытным брюхом, вмещающим тысячи узников. Глаза быстрее привыкают к полумраку. Но к навозному запаху невозможно привыкнуть.

Мы заблудились среди множества нар. Стали спорить - влево повернуть или вправо. Бродили-бродили и вдруг оказались у большой квадратной печки. Она находилась на самой середине барака в проходе между двумя участками сдвоенных нар. У печки не было дров, она не топилась. На узкой скамеечке возле печки сидела странная пожилая женщина. Она была в модном пальто, в шляпке с

вуалью и с ридикюлем в руках. На скамейке в мисочке оставалась нетронутой баланда, лежал кусок хлеба. Женщина постанывала, раскачивалась вперёд-назад. Иногда повторяла плачущим голосом: «Петенька, сынушка, что же ты бросил меня? Приезжай скорее, забери меня отсюда!» Мы с Тоней поскорей убежали от неё. «Ещё примет меня за Петеньку, пристанет - увези её да и только», - подумал я.

Вскоре мы нашли своё место на нарах и свою бабушку с тётёй Симой. Они пытались отскоблить доски на нарах от приставшего навоза и промыть водой.

ТРАГЕДИЯ ЖЕНЩИНЫ

Баланда была очень жидкая, похожая на замутнённую мукой воду. Изредка попадались картофельные очистки и гнилые кусочки картошки. Была она ничуть не лучше похлёбки из коры осины, что нам приходилось есть голодной зимой 41 года. И очень мало давали - меньше, чем пол литра на человека. Наш старый лозунг: раз куси, три хлебни, и здесь пригодился.

Мы рассказали бабушке про то, что видели, пока гуляли. Про пленных за колючей оградой, про виселицу, про уборную, открытую всем ветрам и морозам. И про странную женщину.

- Видимо, хорошая женщина и совсем одинокая, - посочувствовала бабушка. - Пойду сама посмотрю на неё. Может быть, разговорю её как-нибудь.

Мы с Тоней тоже пошли. Женщина сидела в той же позе на скамеечке у печки. Рядом со вчерашней порцией стояла свежая в другой мисочке с опущенной в баланду ложкой. Наверное, за ней кто-то присматривал. Чуть в сторонке лежала на земле охапка соломы. На ней, видимо, ночью спала эта старушка.

- Здравствуйте, - обратилась бабушка.

Женщина чуть повернула голову, окинула бабушку взглядом и снова устала в холодную печку.

- Можно к Вам присесть на скамейку? - продолжала бабушка.

В ответ - ноль внимания. Даже не шелохнулась.

- Тебя как звать-то? - участливо спросила бабушка, присаживаясь рядом с ней.

От обращения на «ты» в ней что-то сработало. Она поверила в бабушкину доброту.

- Элиза, - тихо сказала она.

- Какое красивое имя! - восхитилась бабушка, хотя знала, что это обыкновенная «Елизавета».

- Послушай, Элиза, твоего сыночка Петей зовут?

Женщина сначала кивнула, потом подняла на бабушку удивлённый взгляд - откуда, мол, знает она? Бабушка нежно обняла старушку и доверительно стала ей говорить:

- Твой Петенька очень сердится, что ты не съедаешь баланду. Так отощaeшь от голода, что помрёшь или увезут тебя в другой барак для больных. Как тогда Петя найдёт тебя?

- Да, да. Об этом я не подумала, - согласилась Элиза и потянулась за первой миской. - Соломы сюда принесла, чтобы ночью спать. У печки он всегда найдёт меня. А на нарах ему не найти будет.

Бабушка терпеливо сидела и ждала, пока Элиза съест обе порции. Мы с сестрой стояли в сторонке.

- Вот и умница. А Петенька помнит тебя и скоро приедет, - закончила бабушка.

Элиза благодарно ей улыбнулась и помахала рукой на прощанье. «Как бабушка умеет расположить к себе чужую душу!» - с одобрением подумал я.

* * *

На другой день я был на площади, искал кусочки проволоки, гвоздики для своих поделок. Через ворота въехал блестящий, новенький мотоцикл с коляской. Из неё вышел щеголеватый немецкий офицер в начищенных сапогах и с плёткой в руках. Он и солдат - водитель пошли в другой барак, оставив мотоцикл без присмотра. Мы, несколько любопытных детей и женщин, глазели на красивую машину издали, опасаясь подходить близко. Одна озорная девчонка лет четырнадцати вдруг сказала:

- Сейчас будет весело, - и убежала в барак. Там она пошутила над беззащитной женщиной:

- Собирайтесь домой скорее. За Вами мотоцикл приехал, Ваш сын прислал.

Старушку словно подменили. Откуда только взялись и сила, и ловкость. Через пару минут она увязала в платок свои пожитки, с узелком вышла из барака, уверенно пошла к мотоциклу и забралась в коляску.

- Что Вы делаете?! - в ужасе закричала одна из наблюдавших женщин. - Вылезайте скорее из коляски! Ведь немцы убьют Вас!!!

Но старушка не послушалась. Она была счастлива.

В этот момент вернулись офицер и солдат. Офицер просто озверел, увидев старуху в коляске. Он в бешенстве стал хлестать её по лицу плёткой и выкрикивать немецкие ругательства. Шляпка отлетела далеко и упала в снег. Старушка сначала заслоняла лицо руками. Но вскоре руки упали, голова запрокинулась и только дёргалась под ударами плётки. Наконец, до офицера дошло, что женщина уже мертва и он хлещет плёткой труп. Он приказал солдату убрать её. Рослый солдат взял старушку за шиворот, вытащил её из коляски и, как дохлую кошку, брезгливо швырнул на снег...

Меня тошнило, кружилась голова. Сцена бесчеловечной жестокости ещё долго вставала перед моими глазами. Хорошо ещё, что не видели этого бабушка и Тоня. Ведь пережить мой рассказ об этой жестокости легче, чем видеть своими глазами. Так легкомыслие и озорство девочки обернулись трагедией.

К вечеру старушку увезла похоронная команда, а шляпка её и узелок с пожитками ещё много дней валялись на снегу. И место на скамеечке у холодной печки больше никто не занимал.

ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОК

Из картона от белой коробки, принесённой с пустыря, я стал делать игрушку - гимнаста на турнике. Голодной зимой 41 года такую игрушку мне сделала Дуся, а я запомнил. Вырезал отдельно руки, ноги и туловище гимнаста с симпатичной головкой.

Присоединил всё шарнирно к туловищу кусочками проволоки. Получился человечек с болтающимися руками и ногами. Стойки турника я сделал из двух дощечек от ломаного ящика с поперечной дощечкой ближе к основанию. На верху стоек и на ладошках рук я сделал по два отверстия, через них продел скрещенную суровую нитку. Гимнаст повис на руках. Но стоило нажать на стойки ниже поперечной дощечки, как натягивалась скрещенная нитка и заставляла гимнаста взлетать в воздух вверх ногами. Тоне очень понравилась эта забавная игрушка. Она почти не расставалась с ловким гимнастом.

Выше нас на нарах жила женщина с девочкой Таей пяти лет. Девочка была очень капризная, не хотела есть хлеб и баланду. Часто плакала. А женщину (старшую сестру или тётю) называла почему-то «Ко-кони́на». Например: «Ко-кони́на, у меня сопельки, надо вытереть». Или: «Ко-кони́на, в носочке дырочка появилась». О какой конине речь - мне было не понятно и поэтому раздражало. Но спрашивать я не любил, хотел сам догадаться. Оказалось всё проще простого. Тая слово «Кока» (то есть крёстная) произносила слитно с именем «Нина», а мне всё слышалось «Ко-кони́на». Вот дурной-то! В наших краях крёстных коками не называют, поэтому трудно было мне догадаться.

Так вот, эта капризная Тая увидела гимнаста у Тони и сразу захотела такого же. Её тётя, то есть кока Нина, упростила меня сделать гимнаста для своей крестницы. Я сделал и получил в награду её поношенные ботинки 37 размера (мои-то ботинки совсем развалились). Это был мой первый в жизни заработок.

Мой крёстный тоже похвалил гимнаста, попросил сделать и для него. Я удивился:

- Тебе-то зачем? Тёте Симе дарить или новорожденному?

- Ты почти угадал, - ответил он. - Только я сначала обменяю твоего гимнаста на что-нибудь стоящее.

На работе крёстного использовали по плотницкой части, он ремонтировал мост через речку Вяйке. Там был хороший учётчик из русских эстонцев с пятилетней внучкой. Для неё-то и предназначался гимнаст. А взамен учётчик дал крёстному литровую банку квашеной капусты и три солёных огурца. Конечно, всё это было отдано тёте Симе, ждущей наследника.

ТОВАРИЩ ИЗ ДЕТСТВА

У входа в барак стояли две бочки с кранами для воды. Там почти всегда толпился народ. Однажды я с пятилитровым бидоном стоял в очереди за водой. Вдруг рядом с моей тенью легла более длинная тень, кто-то тронул меня за плечо и спросил:

- Ты последний?

Я кивнул головой, оглянулся. Стоял долговязый мальчишка старше меня. Узколицый, с острым носом, с зеленоватыми глазами. А главное - «рыжий, рыжий, конопатый, кто бил дедушку лопатой!» - как мы дразнили его в детстве в Сиверской.

- Борька, да ты ли это?! - воскликнул я.

- Витька!!! Какими судьбами здесь? Как я рад тебя видеть!

Мы обнялись, как старые друзья или братья.

- Сколько же лет мы не виделись? - спросил Борька.

- Да с июля сорокового года, когда чуть не подрались из-за Люси.

- Не из-за Люси, а из-за твоей бабушки Фимы. Я её тогда как-то некрасиво назвал. Кстати, она вылечила мамину ногу, за что мама и я вспоминаем её с благодарностью.

- Нет теперь бабушки Фимы. Летом 43 года она умерла. А в октябре фашисты сожгли деревню и всех жителей загнали в концлагерь.

- Вот оно как! Значит, и тебе досталось от этих выродков! Ты давно здесь?

- Уже восьмой день пошёл. А ты давно?

- Я уже два месяца здесь. Старожилом стал. Всё здесь знаю, - с грустью ответил Борис.

Подошла наша очередь. Мы набрали воды.

- Давай, отнесём и снова встретимся здесь. Поговорим не торопясь, - предложил я.

Так и сделали. Встретились. Нашли скамейку у стенки барака.

- Ну, рассказывай, - сказал я.

- О чём рассказывать-то?

- Обо всём по порядку. Как встретил войну, как жил, как здесь оказался.

- Тогда слушай, если терпения хватит, - ответил Борис. - В мае 41 года я закончил первый класс Сиверской школы. Мама отвезла меня отдыхать на Псковщину к тёте Фросе, папиной сестре. Она жила одна в доме, без мужа вырастила сына, которого призвали в армию ещё в сороковом году. Мама моя только-только успела выехать домой, как началась война. А через две недели пришли немцы. Девятого июля они уже взяли Псков. Начались грабежи. Немцы отбирали коров, поросят, ловили кур. У женщин срывали серьги, браслеты, кольца. Слово было они в Европе голодные, нищие. О культуре как будто и не слышали. Вешали евреев, коммунистов, партизан.

Борис перевёл дыхание. Достал носовой платок, вытер нос, продолжал:

- Западнее города Опочки обширные пространства заняты болотами. Среди болот есть лесистые острова, на которых и обустроились партизаны. Немецкие, эстонские, латвийские карательные отряды в болото не лезли, всё по сухим деревьям рыскали да ловили партизан и связных партизанских. Дом тёти Фроси стоял в деревне, которая тянулась по берегу клюквенного болота.

Шапка-ушанка с завязанными на макушке ушами съехала Борьке на лоб. Видимо, великовата была. Он поправил её, окинул меня оценивающим взглядом и вдруг спросил:

- Кстати, ты язык-то умеешь держать за зубами?

- Конечно, Боря, не беспокойся. Война многому научила.

- Тётя Фрося была связной у партизан. Ну и я с ней, конечно. У нас даже почтовый ящик свой был. На небольшом островке, под старой корягой, вместительная ямка была. Туда даже продукты клали, принесённые из деревни. Мохом, ветками, листьями закидаем, никто не разглядит. А собаки, даже если придут сюда, ничего не учуют, так как кругом всё хлюпает.

Борис замолчал. Откинулся на скамейке, упёрся затылком в стену барака. Закрыв глаза. Можно было подумать, что он задремал. Но нет, просто он мысленно видел свою деревню, те роковые события.

- В ноябре 43 года, - стал рассказывать Борис, - мы с тётей «отправили» почту, возвращались домой. Недалеко от края болота стали собирать клюкву для маскировки. Метров за двести от нас, тоже с корзинкой, шел в деревню подросток лет четырнадцати. Вдруг с берега стали стрелять в него. Мальчишка нырнул в заросли багульника и больше не встал. Видимо, ранили или убили. Несколько карателей стали искать. Не нашли. А мы хорошо запомнили место его падения. Каратели нас тоже заметили, но не придрались, даже не обыскали. Видимо, знали, что мы из ближайшего дома и давно собираем ягоды у края болота.

Борис опять поправил шапку и продолжал:

- Так бы и обошлось для нас. Но не могли же мы оставить в беде мальчишку. В сумерках мы с тётей пошли искать. Он был ранен в бедро, пуля раздробила сустав. Тёте пришлось тащить его на своей спине.

- Тебя как звать-то? - спросила она.

- Зачем это вам? Коли убьют, так хоть родственников не тронут, - ответил он.

- Тётя Фрося обработала рану, - продолжал Борис. - Дала нижнее бельё сына и спрятала его в хлеву, в сене для козы. Окровавленное бельё и бинты тётя положила в большой чугунок кипятить. На утро была облава, эстонские каратели пошли по домам искать раненого. У нас они всё обыскали: и дом, и чердак, и подпол, и хлев - всё впустую. Уже собрались уходить. И вдруг белобрысый эстонец, самый вредный и опытный из карателей, заметил огромный чугунок на плите. «Это на двоих такой чугунок? - удивился он. - Надо проверить». Он откинул крышку, подцепил деревянной вилкой бельё с остатками крови, бинты.

- Это что за варево, такую-то мать?! - выругался он по-русски. Говори, партизанская стерва, где прячешь раненого.

- Он ушёл в свою деревню, - всё ещё пыталась спасти мальчишку тётя Фрося.

- Обыскать всё заново! - приказал белобрысый своим.

Через пять минут приволокли раненого. Когда стали прокалывать сено штыками, задела его. Он простонал и выдал себя. Пригнали лошадь, покидали в телегу всех нас со связанными руками. Дом тут же подожгли «Больше он вам не понадобится», - ещё посмеялся эстонец.

Борис опять достал носовой платок, вытер холодный пот со лба. Было тяжело вспоминать.

- Привезли нас в гестапо, - продолжал Борис. - Там раненого мальчишку отделили от нас. Вероятнее всего расстреляли или повесили. Ведь от него пахло костром, а в подкладке ватника был зашит комсомольский билет. Меня и тётю поместили в общую камеру, где было человек десять. Сырое, подвальное помещение, крохотное окошко с решёткой. Пол земляной, холодный. На нём несколько кучек протухшей соломы для спанья. Кормёжка ещё хуже, чем здесь. И каждый день допросы, избиения, пытки. Тёте Фросе печёнку отбили и лёгкие. Кровь горлом шла. Она и сейчас ещё кровью кашляет. Всё лежит, ничего делать не может. Меня тоже били нещадно. Вон, зубов почти не осталось (он открыл разбитый рот), нечем хлеб разжевать. Размачивать приходится. Иголки под ногти загоняли, но я быстро терял сознание от болевого шока. Потом долгое время было мучительно больно. Пальцы в слесарных тисках раздавливали (он показал три изуродованных пальца на левой руке). До сих пор так болят, что ночью спать невозможно. Всё добивались, чтобы мы показали на карте болотные проходы к партизанам. «Да как же можем мы показать, чего не знаем? Никогда не были у

партизан», - говорили мы одно и то же. - И мальчишка раненый сам дополз до нашего дома, в болоте мы никого не искали».

Через неделю пыток в гестапо направили меня и тётю Фросю в этот концлагерь. Здесь тоже тошно и голодно, но по сравнению с гестапо всё же можно хоть как-то жить.

Шапка снова сползла на Борькин лоб.

- Вот вредная, - сказал Борис. - Да только на неё и ругаться нельзя. Принадлежит она хорошему человеку, сыну тёти Фроси. На ней даже вмятинка, след от звёздочки, сохранилась. Надо свято надеяться, что удастся когда-нибудь вернуть её живому хозяину.

Я был глубоко взволнован Борькиным подвигом. Встал и обнял его, не скрывая мокрых глаз своих от сочувствия. Хотел сказать что-нибудь умное, бодрое, а пролепетал чуть слышно самое банальное: «Ты мне будешь примером».

ЗЕМЛЯЧОК

Герасима Ивановича, нашего старосту, арестовали. Ходил слух, что он укрывал еврейскую девочку, где-то под нарами прятал. Кормил из своего пайка. Очень жаль его. Хороший был человек. При нём был порядок на раздаче баланды и хлеба. По алфавиту он называл фамилию и состав семьи. А раздатчик, обычно один из пленных, наливал соответствующее количество порций на всех членов семьи. Ни драки, ни давки, ни споров в очереди не возникало.

Теперь же вместо старосты начальником барака поставили злющую эстонку Хильду. Она потребовала, чтобы каждый живой человек сам вставал в очередь за баландой и чаем. А если ты больной, не можешь стоять, то жди, когда остатки баланды пленный разнесёт прямо на нары под её неусыпным контролем. Если больной лежит без сознания, значит, есть ему незачем, ничего не получит. Если что-то не так, кто-нибудь не доволен, то при ней всегда плётка за поясом. А споры и недовольные были почти всегда, поэтому плётка работала «без выходных».

Борис возненавидел Хильду с первых дней.

- Ты понимаешь, - говорил он мне. - Из-за этой гадины тетя Фрося часто не получает даже баланды. Мне её порцию не выдаёт, а на нары приносит в самую последнюю очередь из остатка, которого часто не хватает. «Раз вы из гестапо, то жить не должны», - считает Хильда. - Финский нож по ней плачет, - закончил Боря.

Мне стало жутковато от его слов:

- Что ты говоришь, Боря! Ты же мальчик ещё.

- Я был мальчиком до гестапо. Там сломали мне тело и душу. Но в правой руке есть ещё сила для мести.

Я не знал, как реагировать на его настроение. Борис заметил моё смущение, сказал примирительно:

- Не дрейфь. Я не бегу за ножом. Главное, не дать всяким гадам уйти от расплаты, когда наши придут.

* * *

С Борисом мы теперь виделись каждый день. Иногда сидели на нашей скамейке у стенки барака, вспоминали Сиверскую или я рассказывал о своих злоключениях. Иногда ходили на пустырь в надежде найти что-нибудь дельное. Однажды он показал на пристройку вблизи ворот и спросил:

- Ты знаешь, что там, в этой пристройке?

- Откуда мне знать? - удивился я.

- Это кухня. Там готовят нам баланду и хлеб. Хочешь там побывать?

- Так нас и пустят! Разевай рот шире!

- Со мной пустят.

- Ты что же, начальник какой?

- Блат есть. Земляк мой там служит, - сказал Борис вполне серьёзно. - Он родом из села Рождествено, совсем рядом с Сиверской.

У входа перед нами встал эстонец.

- Мы к Сердюкову, - пояснил Борис.

Эстонец посторонился, давая дорогу. Навстречу вышел пленный в потёртой гимнастёрке и солдатских штанах. Упитанный, сероглазый, со вздёрнутым носом.

- Ой, землячок мой пришел! - обрадовался он. - Проходите сюда, - показал он на закуток, где был маленький столик и две табуретки. - Сейчас я соберу для вас что-нибудь.

Мы уселись за стол. Я огляделся. Маленькая комнатка метров пять квадратных, окошко с железной решёткой, стены оклеены немецкими (а может быть эстонскими) газетами. Дощатый пол хлипкий, скрипучий. Слева от окна - топчан и портрет Гитлера над ним в простенькой рамке.

Вернулся Сердюков. Принёс сковороду с жареной картошкой со шкварками, две ложки и два куса настоящего хлеба. «Ешьте», - сказал, присаживаясь на топчан. Я захлебнулся от аромата горячей картошки, даже голова закружилась. Борька понял меня. Сунул мне кусок хлеба в руку, ложку - в другую, тронул за плечо:

- Успокойся. Давай, наворачивай.

Я торопливо, как будто у меня отнимают, стал забрасывать в рот картошку, как в паровозную топку, и глотать её, не разжёвывая. Борька опять тронул меня за плечо:

- Разжёвывай медленно, пока зубы целы. Растягивай наслаждение.

Какой чудесный друг у меня! Жаль, что в Сиверской этого я не знал. А с топчана во все глаза смотрел на нас русский солдат. Столько сострадания было в его взгляде! Мне показалось, что он едва сдерживает желание обнять, приласкать нас. Но что-то мешало ему. Может быть, портрет на стене?

- Боря, как твоя тётя Фрося? Не становится лучше ей?

- Нет, дядя Вася. Всё хуже становится. Кашель кровавый душит, руки-ноги холодеют. И сердце бьётся всё тише и реже.

Солдат достал из кармана пергаментный пакетик.

- Здесь свежий творожок удалось достать. Может быть, это она проглотит?

- Спасибо, дядя Вася. Вы для неё как святой.

- Ну, ну! Не забывайся, - вдруг одёрнул его солдат.

Мы доели картошку. Я стал хлебом вылизывать сковородку.

- А где туалет у вас? - спросил Боря.

- Пойдём, проведу, - ответил солдат.

Я приподнялся, хотел с ними идти. Но Боря ладошкой вниз показал: «Сиди!» Я остался долизывать. Догадался, что им надо поговорить наедине. Через пять минут они вернулись. Дядя Вася проводил нас мимо эстонца.

- Смотри, никому ни слова о картошке, о кухне, - сказал Борис по дороге.

- Почему? - удивился я.

- Значит, глуп ещё, раз не понимаешь.

- Ты предупредил, теперь - могила.

- То-то же. Пойдём, я познакомлю тебя с тётей Фросей.

* * *

Я у Борькиных нар ещё ни разу не был. Оказалось, что он живёт в самом конце от входа в барак на первом этаже сдвоенных нар. Тётя Фрося, высохшая до костей, лежала в косынке, ватнике и ботах с шерстяными носками. Открытые, не моргающие глаза. Рядом лежало кашлем окровавленное полотенце. Борис потрогал её бледные щёки и руки, они были холодные. Сердце не билось. Борис не заплакал. Видимо, он уже разучился плакать. Он молча наклонился, закрыл её глаза, положил свою голову на грудь, обнял тётю Фросю за плечи и так постоял несколько минут. Тихо, как бы сам себе, прошептал: «Я отомщу!»

Я стоял в оцепенении. Шёл познакомиться с живой тётей, а оказался у мёртвой. Но ещё больше было мне неприятно, когда Борис деловито стал раздевать свою тётю. Сначала снял с головы шерстяную косынку - рассыпались красивые, тёмные волосы. Потом стал снимать с неё ватник. Приподнял за спину левой рукой до положения полусидя, поочерёдно вытащил руки из рукавов, а потом выдернул и ватник из-под неё.

- Зачем ты её раздеваешь? - поморщился я.

- У нас нет одеяла. Раньше ночью мы прижимались и согревали друг друга. Теперь её ватник даст мне тепло. - Он взял белое полотенце с пятнами крови, обмотал им стойку нар.

- А это зачем? - удивился я.

- Это сигнал для похоронной команды, что на нарах есть покойник, надо убрать, - пояснил Борис. - Теперь давай помянем душу её творожком с кухни, который был ей предназначен.

Борис достал из кармана пергаментный пакетик. Развернул его, перочинным ножом разделил творожок на две части.

- Боря, можно я половинку своей доли отнесу сестрёнке? - спросил я с надеждой.

- Нет, Витя, нельзя. Начнутся расспросы, откуда взял. Нам не надо расспросов.

У Бориса откуда-то появились две чайные ложки. Мы молча съели творожок. Встали около тёти Фроси. Борис вдруг перекрестился сам и перекрестил покойницу: «Господи, прими её в царство Божие. Она хороший человек. В годы войны заменила мне маму», - просил он у Бога.

* * *

Я вернулся «домой», то есть к своим нарам, уже в сумерках. Все приготовили кружки, собрались идти в очередь за чаем.

- Ты где пропадал так долго? - с тревогой спросила бабушка. - Мама твоя заболела тифом, увезли её в какой-то тифозный барак. Она так хотела проститься с тобой. Может, и не увидите больше.

- Типун тебе на язык, мама! Что ты каркаешь раньше времени? - одёрнула её Оля. - Может быть, и поправится, Бог даст.

Меня словно холодной водой окатили. Только что с Борькиной тётей прощался, а здесь уже своя беда поджидала. Я раньше слышал, что тиф - очень опасная болезнь, многие от неё умирают. Значит, и в нашем бараке появился этот безглазый, безносый брат смерти по имени ТИФ.

Потянулись дни и недели в томительной безвестности и тревоге.

На другой день я рассказал Борису о тифе, о маме.

- Надо жить, надо терпеть. Может быть, наши немцев и дальше погонят, до нас дойдут.

- Я что подумал, Боря. Может быть, на нас беды посыпались потому, что мы у предателя картошку ели?

Борис привстал со скамейки, окинул меня оценивающим взглядом и назидательно сказал:

- Пускай все думают, что дядя Вася предатель. Это даже хорошо. Только я, и ещё кому надо, знаем, что ему можно верить. Этот разговор выкинь начисто из головы, если не хочешь познакомиться с иголками под ногтями. И хватит об этом,

- продолжил Борис. - Сегодня, после ужина, я познакомлю тебя с учителем истории, который рассказывает всем желающим о различных приключениях путешественников и рыцарей. Так что приходи к печке, я встречу тебя.

УЧИТЕЛЬ

После ужина Борис привёл меня к нарам недалеко от печки. Там, на третьем этаже, было много свободного пространства и накидано с десяток брикетов прессованной соломы. Человек десять слушателей, в основном мальчишки и девчонки, уже сидели на брикетах. Мы с Борей поднялись к отдельно сидящему мужчине в серой куртке и белой рубашке с галстуком.

- Здравствуйте, это - Витя, - отрекомендовал меня Борис.

Мужчина внимательно посмотрел на меня. Не сказав ни слова, кивком головы показал на свободный брикет. Мы с Борей сели.

- Что ж, давайте начнём нашу встречу, - сказал учитель чётким, приятным голосом. - Сегодня я расскажу о Зигфриде, о кладе нибелунгов и битве с драконом. О красавице Кримхильде и других приключениях Зигфрида я расскажу в другие дни. Так что приходите слушать продолжение моих рассказов хоть каждый вечер.

- Итак, - начал он, - нидерландский король, отец Зигфрида, созвал тысячу доблестных рыцарей на широкий пир в честь посвящения сына в рыцари и в честь проводов его на битву с нибелунгами. Было зажарено пять сотен баранов, сотня быков, десять сотен гусей и угрей. Открыто двести бочек вина. Столы просто ломились от изысканной пищи. Со всех сторон слышались здравицы в честь благодетеля короля и его славного сына. Зигфриду подарили непробиваемый щит и кольчугу, стальной шлем и вороного коня. А меч подарили такой острый, что он на лету разрубал подброшенную пушинку! - Учитель встал, опираясь левой рукой на трость, а правой ладонью показал, как он разрубил бы такую пушинку. Потом успокоился, сел на свой брикет и продолжал:

- На заре, ещё солнце не успело искупаться в Рейне, Зигфрид со своим отрядом рыцарей отправился в путь. Два короля воинственных нибелунгов ждали с ним встречи. Через две недели прискакал в Нидерлады гонец с радостной вестью: «Оба короля нибелунгов убиты, отряды воинов разбиты и просят Зигфрида стать их королём». Ещё Зигфриду достался клад золота и

драгоценностей, спрятанный нибелунгами в огромной пещере. Но вход в пещеру сторожит страшный дракон, которого ещё надо победить. А шкура дракона такая крепкая, что от неё отскакивает и меч, и стрелы, и копье. Только брюхо дракона имеет мягкую кожу. Но как заставить дракона лечь на спину или встать на задние лапы?! И Зигфрид придумал. Он вырыл узкий ров, устроился там со своим мечом и стал дразнить дракона. Рассерженный зверь пошёл на человека на своих коротких лапах, накрыл своим телом ров, где тот лежал. А Зигфриду это и надо было. Он воткнул свой меч прямо в сердце чудовища. Ров наполнился его кровью. Тогда Зигфрид толкнул дракона в сторону, скинул с себя всю одежду и обувь, искупался в драконьей крови. И не заметил, что между лопаток прилип к телу маленький липовый листок. Вся кожа воина ороговела, стала непробиваемой для стрел, меча и копья. И только на месте листочка осталась не защищённая кожа, уязвимая для любого оружия....

Учитель встал, потянулся. Заворожённые слушатели, раскрыв рты, сидели и ждали продолжения.

- Всё на сегодня, хватит. Приходите завтра, продолжение следует, - усмехнулся он.

Кажется, что только-только он начал рассказ - и уже перерыв. На самом интересном месте. А Боря говорит, что он больше часа рассказывал. Мы попрощались с учителем и спустились на пол.

- Ну, как тебе, понравилось? - спросил Боря.

- Не то слово! Я как будто побывал в другом мире! Так складно, так образно он говорил, будто я рядом стоял и одежду Зигфриду подавал, пока тот купался. Очень жаль, что не пришлось мне в школу ходить столько лет.

Мы распрощались с Борисом и разошлись по домам. «Боря обещал меня познакомить с учителем, а сам даже имени его не назвал, - думал я по дороге. - Словом единым с ним не обмолвились. Непонятно как-то».

От мамы никаких вестей. Занозой в сердце саднил вопрос: «Как она там? Чем ей можно помочь? Жива ли ещё она? Ведь если умрёт, то могут нам даже не сказать об этом. Увезут в общей куче покойников. А я тут развлекаюсь, сказки слушаю», - вдруг устыдился я.

ЭПИДЕМИЯ

Красных повязок на стойках нар, то есть сигналов о том, что на нарах лежит больной тифом, с каждым днём становилось всё больше и больше. Теперь

больных никуда не увозили, оставляли здесь же болеть и умирать, так как тифозный барак давно был переполнен. Всё больше больных лежат без сознания, и новая начальница Хильда не даёт им ни баланды, ни чаю, ни хлеба. Лекарств никаких. Если есть рядом родственники, то хоть воды принесут из бочки попить и сделать холодный компресс.

На нашей стойке тоже появилась красная повязка. На третьем этаже, над нами, заболела девочка Тая. Всё щебетала, капризничала, и вдруг замолчала. Её кока Нина, стоя на коленях, негромко молилась вслух:

- Господи! Ты всемогущий, всевидящий! Зачем тебе моя девочка? Не отнимай её у меня, Христом-Богом прошу! Если уж надо тебе, так возьми кого-нибудь из немецких детишек!

Моя бабушка осторожно коснулась её руки:

- Нина! Нина, послушай меня! Твоя Таечка жива ещё. Не хорони ты её раньше времени!

Нина оглянулась на бабушку непонимающим взглядом.

- Возьми кружку да миску, пошли в очередь за баландой, - уговаривала бабушка.

- Какая баланда?! Мне ничто в рот не ползет, пока Тая больна. Она же оставит меня сиротой, если...если... - И Нина расплакалась.

- Поплачь, поплачь, горемычная. Может быть, полегчает, - утешала бабушка.

На пятый день лицо и ручки у девочки стали бледными и холодными. Кока Нина попросила Олю поднести зеркальце ко рту девочки.

- Может быть, она ещё дышит? - с последней надеждой сказала Нина.

Но напрасными были надежды. Зеркальце не запотело. Нина словно оцепенела. Потом резко вскинула обе руки вверх и закричала на весь барак:

- Господи!!! Ведь я же просила Тебя!!! - и рухнула вниз лицом на хрупкое тельце девочки.

Нина не ходила за баландой и чаем, ничего не ела и не пила. Всё лежала. Как безумная, смотрела вверх на стропила крыши. На вопросы, на участие не отвечала. И вскоре умерла, как обещала, от истощения и тоски.

Крёстный через пленного санитаря, работавшего в тифозном бараке, узнал, что моя мама жива. Лежит без сознания двенадцатые сутки. Иногда в бреду просит пить. Бабушка у кого-то выпросила соску, натянула на бутылку с чаем и передала крёстному:

- На, попроси своего санитаря, чтобы сунул бутылку в потайной карман её пальто. Там чай не остынет, и Настенька, даже в бреду, сможет до него дотянуться.

Красные повязки на стойки перестали подвязывать. Бесполезно. В каждой семье, на каждом нарах кто-нибудь болел тифом. Зато белых повязок становилось всё больше и больше. Идёшь по бараку, как по моргу. Только среди мертвецов есть и живые люди, шевелятся. Обычно умирают молча, не называя ни имени, ни места рождения, ни рода занятий. Да никто из живых соседей и не спрашивает об этом. Люди становятся неинтересны друг другу. Нет ни мечты, ни надежды, ни желания бороться, цепляться за жизнь.

Два десятка санитаров из пленных добровольцев едва успевали на тележках вывозить покойников из барака и грудой складывать у стенки. Трупы коченели на морозе, становились гремучими. Два раза в день приезжали несколько больших фур с короткохвостыми лошадьми-тяжеловозами. Тогда санитары брали покойников за руки и за ноги, с размаха швыряли в глубокие фуры. Раздавался громкий треск и хруст мороженных костей. Мне не раз доводилось видеть и слышать эту работу. С тех пор всегда, когда вспоминаю об этом, в ушах раздаётся этот чудовищный хруст.

Санитарам, конечно, тяжело приходилось. И сами заразиться могли. Но эта работа была не сравнимо легче той, которую выполняла основная масса пленных в каменоломнях и на стройках. Поэтому охотников работать на немцев санитарями было хоть отбавляй.

Крёстного и Олю перестали гонять на работу, чтобы не выносить тифозную заразу в город. Оля - на грани заболевания. Днём она подсаживается к окошку и давит вшей. Нещадно давит. Берёт своё нижнее бельё, моё, Тонино, бабушкино, расправляет, просматривает каждую складочку, каждый шов и давит паразитов с хрустом между двух ногтей. Мы с Тоней помогаем ей находить вшей, но давить их не умеем. Ещё она берёт наволочку и гребешком вычёсывает над ней наши волосы. Десятки вшей расползаются по наволочке, но Оля успевает их всех раздавить. Вскоре она заболела, её увезли в тифозный барак уже без сознания.

Учителю запретили собирать людей и рассказывать интересные истории. С Борисом мы стали редко видаться. Как-то я заметил, что он сидит на скамейке у

стенки барака. К нему подходил, прихрамывая, учитель с тростью в левой руке. Опрятно одетый, при галстукe. Я хотел подойти к ним, поговорить о нашествии тифа. Но Борис отрицательно покачал головой и жестом руки показал: «Дальше иди». Значит, были у них свои дела, знать которые мне не положено.

Ещё раза два я заходил к его нарам. Думал помочь ему, если болен. Но не заставлял его там. На третий раз пришёл - пусто на нарах. Нет ни его, ни вещей. Может быть, перебрался на другие нары? Ведь не мог он умереть, он же не болел. Не понятно. А всё непонятное вызывает тревогу.

МАМА

Незаметно и тихо вернулась мама. Целовать нас не стала, только прижала к себе меня и Тоню да «по головке» погладила. Слёзы падали нам на волосы.

- Я ведь заблудилась в бараке, едва нашла вас, - говорила она сиплым голосом.

Тётя Сима и бабушка обняли её, но ни о чём не расспрашивали. Видели, что мама очень устала, пока шла. Вдруг мама встала на колени перед берёзовой стойкой нар и воскликнула:

- Слава тебе, Господи! Слава тебе, Матерь Божья и низкий земной поклон! Я снова увидела своих детушек! - и разрыдалась.

Тётя Сима и бабушка подняли её за руки, уложили на нары прямо в той же одежде, в которой она лежала в сарае и вернулась в барак.

Мама проспала несколько часов до обеда. Мы с Тоней были рядом. Нам всё не верилось, что это - наша мама, что это не сон.

Надо было идти в очередь за баландой. Мама сняла лишнюю одежду и валенки, взяла свою миску и кружку, пошла с нами к раздаче. Хильда признала в ней чужого человека, не хотела давать баланды. Долго пришлось ей растолковывать, что к чему. По её мнению, никто не мог, не имел права выжить после сыпного тифа. Для чего же тогда нужна эпидемия?! Нехотя, но всё же дала маме порцию. Недаром в очереди говорили, что руководство лагеря специально раздувало эпидемию без лекарств, как ещё один способ массового уничтожения славян.

Мама охотно съела свою порцию. Потом села на нары, прислонилась спиной к стойке и стала рассказывать:

- Я была ещё в сознании, когда санитары увозили меня на тележке. Большое счастье, что так тепло одели меня мама и Оля. Тёплые кальсоны брата, ватные штаны, ватная фуфайка и сверх неё зимнее пальто моё с кроличьим воротником, два шерстяных платка и тёплые меховые рукавицы спасли меня. Потому что тифозный барак оказался простым сараем для сена, где дощатые стены имели огромные щели. Сарай промерзал и продувался насквозь как чистое поле. Больных туда привозили на верную смерть. А меня спасла Богородица, Матерь Божья. Да, да, не усмехайтесь. Но расскажу всё по порядку. Сначала тело моё сотрясал внутренний озноб и тёплая одежда не помогала. В то же время голова горела от температуры. Потом был провал сознания, я ничего не помню. Сколько так продолжалось, что я говорила или кричала в бреду - совершенно не помню. Один санитар говорил, что четырнадцать дней я была без сознания. Но вот, какая-то чёрная ночь. Я лежу в темноте и слышу легкий стук. «Это мне гроб сколачивают», - понимаю я. Вдруг появляется Богородица с ярким нимбом вокруг головы и с нею рядом Спаситель - Иисус Христос. Он молча пихает мне в потайной карман пальто бутылку с соской, а в ней - лекарство.

Бабушка удивилась, дернулась возразить. Но опомнилась, промолчала.

- А Богородица мне говорит, - продолжала мама. - «Хватит тебе лежать. Иди в барак и скажи всем больным и здоровым, чтобы шли сюда на встречу со мной». «Хорошо, хорошо», - говорю я и благодать разливается в моей груди. Я не различаю ни её голоса, ни своего, а слышу каким-то чутьём. Спешу в наш третий барак. Кричу, как мне кажется, громко-громко: «Люди! Вас ждёт Богородица! Идёмте, скорее, к ней!» Но люди молчат, не обращают на меня внимания. Я ещё и ещё зову их, но никто не откликнулся. В печали я вернулась к Богородице: «Люди словно не слышат меня, никто не пошёл со мной». «Это потому, - отвечает Матерь Божья, - что ты не святая. Но не печалься. Теперь я пойду только к тем, кто меня позовёт. А тебе я дарю иконку, молись на неё». С той поры я не теряла сознание, пошла на поправку. В потайном кармане пальто действительно оказалось лекарство в бутылке с соской. А в другом кармане я нашла иконку точно такую же, какая была у меня до болезни и оставалась в бараке.

Мама была счастлива, и мы были счастливы. Поэтому не стали уточнять происхождение иконки и бутылки с соской. Мама не встретила Олю в тифозном бараке, они разминулись.

* * *

Меня и сестру почти одновременно стало знобить. Поднялась температура, появилась тошнота, спутанное сознание. Пропал аппетит, интерес ко всему. Последнее, что я смутно помню, был чей-то шёпот: «Зеркальце, зеркальце поднеси к губам», и мой слабый испуг - вдруг не заметят пот на зеркальце и отправят меня, живого, к покойникам? Потом был глубокий провал сознания на

восемь дней. Бабушка говорила, что я метался в бреду, стонал, кому-то бессвязно грозил и требовал купить самокат. Почему именно самокат? Мечту довоенного детства, что ли?

На девятый день я услышал тихий бабушкин голос: «Никак Витенька глазки открыл? Ах ты, мой миленький!» Я только успел подумать: «Считает меня совсем маленьким» и опять впал в забытье. Следующий раз я уже отчётливо слышал, как бабушка говорила:

- Ешь, ешь супчик. Он сегодня с перловой крупой.

Она вылавливала ложкой крупинки и клала мне в рот. До чего же вкусная была перловка! Мягкая, сочная, крупная! Я навсегда полюбил эту крупу.

- А где же мама? - спросил я.

- Она Тоню кормит. Твоя сестра тоже пришла в себя, идёт на поправку. И Оля уже почти поправилась.

Через день я уже попробовал ходить по бараку. Через два дня - вышел на улицу, придерживаясь рукой за нары. Стоял ясный день. Было не жарко, но солнышко уже пригревало. По стенке барака едва-едва передвигалась белая бабочка. Видимо, только что вылупилась из куколки и мокрые крылья сушила на солнце. «Тоже пережила второе рождение, как мы после тифа», - сравнил я. Потихоньку дошёл до нашей скамейки, посидел, вспомнил о Боре: «Где-то он сейчас? Что с ним случилось?»

Вспомнил, как в Сиверской, ещё до войны, он дразнил меня и Люсю: «Тили-тили-тесто, жених и невеста. Тесто засохло, невеста оглохла», - и мы чуть не подрались. Потом я ревновал его к Люсе, когда он провожал её в школу, мечтал ему отомстить. А здесь, в лагере, мы встретились чисто случайно: его тень оказалась длиннее моей в очереди за водой, и я оглянулся. Ещё вспомнил его жуткий рассказ, как он со своей тётёй Фросей помогали партизанам и пережили ужасные пытки в гестапо. Очень хотел бы знать, что он жив. «Надо будет сходить к его нарам. Вдруг он уже объявился», - решил я.

Но ни Бори, ни вещей его на нарах не было. Спрашивать о нём у мерзкой Хильды я боялся. Вернулся к своим нарам. Оказалось, что заболела бабушка. Мама сказала, что её ещё вчера знобило и тошнило, а сегодня подскочила температура. Увезли бабушку в тифозный барак. Там поправилась Оля, но осталась ухаживать за бабушкой.

Сенсация! Сенсаци! В очереди только и разговоров о том, что эстонку Хильду разжаловали и услали куда-то из лагеря. А старостой поставили Анну Семёновну, такую же узницу из третьего барака. Она уже переболела тифом. Завела журнал, как раньше было у Герасима Ивановича. В журнале каждый день отмечала - кто жив, кто болен, кто умер. Опять выдавала баланду одному человеку на всю семью, включая больных. Но так как теперь всегда был излишек баланды, то раздавала добавки всем, кто захочет.

И ещё староста объявила, что завтра будут всех стричь наголо и отправлять в баню, устроенную в соседнем бараке. А всё нижнее бельё надо будет сложить в специальные мешки под номерами, чтобы отправить в жарильню.

Люди в очереди по разному восприняли эту новость. Одни недоверчиво говорили:

- Знаем мы ваши помывки. Наслышаны. Напустят газу в мыльную комнату и отравят всех голыми.

- Зачем же тогда людей стричь и вшей жарить?

- Как, вы не знаете? А волосяные матрасы чем набивать? А нижнее бельишко батракам и слугам своим разве не надо раздаривать? Для этих выродков даже пуговица имеет цену. Не верьте фашистам. Лучше больным притвориться и переждать эту «баню»

Другие говорили:

- Наконец-то объявили войну вшам и тифу! Если бы два месяца назад это сделали, много тысяч жизней могли бы спасти!

А третьи так рассуждали:

- У них всё продумано. Сначала специально разжигали эпидемию, умертвили три четверти узников как бы самым невинным способом. Будто и нет преступления, нет виновников. А теперь заматают следы, хотят сделать лагерь образцовой гуманности. Ведь Красная Армия всё ближе, можно сказать - расплата стучится в ворота. Так что не бойтесь, люди, не будут они нас травить, - говорил один старичок.

На другой день после завтрака всем раздали холщовые мешки с набитым номером и повели в соседний барак. Часть барака была отгорожена. Там устроен мыльный зал, жарильня для белья, а в широком предбаннике - смотровая и парикмахерская. Баня была общая для мужчин и женщин. Мы разделись. Бельё положили в свой мешок, застегнули на железные пуговицы. Нам на запястье штемпельной краской нанесли тот же номер, что на мешке. Две женщины в белых

халатах осматривали на заразу мужчин тут же, в предбаннике, а женщин - за ширмой. Потом остригли наголо всех подряд. В мыльном зале выдали какую-то скользкую жидкость, пахнущую керосином, для мытья головы и тела. Окачивали нас из шлангов санитары из военнопленных. Мама помогла вымыться нам с Тоней и тёте Симе. Крёстный не пошёл с нами мыться, где-то спрятался.

Среди моющихся я пытался разглядеть Бориса или учителя, но не увидел. Казалось, что кругом одни женщины. Ещё до войны, в семь лет, я любил подглядывать за чужими девчонками во время купания в речке. Тогда почти все дети купались без трусиков и была какая-то манящая тайна. Девчонки визжали, заметив нас. А здесь, в общей бане, смотри, сколько хочешь. И никакой тебе тайны, никакого интереса. Все люди здесь тощие, бледные, как скелеты, обтянутые кожей. А безволосые головы словно тыковки покачивались на тонких шеях.

Зато одеваться в прожаренное, обжигающее бельё было интересно и очень приятно. Я на какое-то время почувствовал себя обновлённым человеком.

МАЙСКИЕ ДНИ

Как-то я оказался между бараками вблизи внутренней колючки, разделяющей лагерь пленных от нас. Там была непривычная тишина. Не наблюдалось никакого движения. Может быть, пленных перевели в другой лагерь? Тогда откуда будут немцы брать санитаров для нас? С одной стороны, санитары - предатели, так как связаны с немцами. А с другой стороны - полезные узникам люди. Впрочем, эпидемия уже кончается, бараки наполовину пусты. Теперь мало кто умирает и санитаров нужно значительно меньше. Почти все они размещаются в небольшом доме на территории лагеря, называемом лазаретом для санитаров.

На улице мало людей. Пока шёл до уборной, встретил всего несколько человек. Общую уборную не хотелось называть туалетом. Здесь царили грязь и запустение. Её отделяло от пустыря несколько кустов с распутившимися почками. За кустами едва проглядывала верхняя часть виселицы, ветер там со скрипом что-то раскачивал. Я пошёл туда, за кусты, и увидел страшную картину: на виселице колокол отсутствовал, зато висели шесть человек казнённых. Пятеро мужчин и один рыжий мальчишка. Это был Боря. Ему в декабре исполнилось бы тринадцать лет. Вся жизнь могла быть впереди. Из мужчин я узнал учителя и дядю Васю - пленного солдата с кухни, угостившего нас картошкой. Учитель, как всегда, был в серой куртке и белой рубашке с галстуком. Это так не вязалось с петлёй на шее, что искажённое лицо его казалось ещё страшнее. Трость, сломанная пополам, валялась под виселицей.

Ещё трое незнакомых мне мужчин были пленными, может быть, санитарями. Лица у всех искажены гримасами смерти. Руки связаны за спиной. Ноги босые. На груди у каждого висела табличка с надписью: «ПАРТИЗАН».

Я стоял, как истукан, не в силах сделать ни шага назад. Забыл про обед, про усталость. Теперь я понимал, что у них была своя организация для встречи Красной Армии, а может быть, и для захвата руководства лагеря. Борис по взрослому мечтал о борьбе. Если бы учитель не взял его к себе, то он в одиночку вынашивал бы план мести. Видимо, он уже не мог жить иначе.

Борису очень хотелось, чтобы и меня пригласили туда, учитывая мою серьёзность и рассудительность. Для этого он показывал меня дяде Васе и учителю. Они увидели щуплого, хилого, десятилетнего мальчишку и отвернулись, забраковали. И правильно сделали - какой из меня борец? По сравнению с Борей. Ведь я не был в гестапо, не рвали мне ногти, не дробили кости. И не было у меня той жгучей ненависти к фашистам, как у Бори.

Я постоял ещё минут десять, повздыхал. Хотел забрать на память обломки трости, сделал пару шагов к виселице, и вдруг, с ближайшей вышки, застрочил пулемёт! Между мной и виселицей на земле вскипели пыльные пузырьки от пуль. Значит, за мной следили, чтобы близко не подходил. Ну и не надо. Ни к чему мне трость. Вспомнил слова Бори: «Расспросы нам не нужны». Потихоньку поплёлся «домой». Старался отвлечься, не думать про увиденное. Но сердце всё равно сжималось от горечи.

* * *

На нарах была только Тоня.

- Витя, ты где пропадал? Даже на обед не пришёл! Мне скучно одной.

- А где же мама? И тётя Сима?

- Утром, когда ты ушёл, к тётя Симе пришли какие-то схватки. Она стала охать, стонать. Тогда мама вместе со старостой взяли её под руки и повели в лазарет.

- И с тех пор не возвращалась?

Она приходила в обед. Принесла нам баланду. Собрала какие-то тряпки в узелок и снова ушла. Вон, твоя порция стоит.

- А крёстный где же?

- Он как узнал, что тётя Сима в лазарете, сразу ушёл куда-то.

Я съел баланду. Стали ждать маму.

- Давай, в картишки сыграем? - предложила Тоня.

Карты у нас самодельные. Я вырезал их из плотной белой бумаги, найденной на пустыре. Масти нарисовал палочкой синей краской из остатков в банке, найденной там же. «Чёрную» масть я закрасил полностью, а «красную» масть обозначил только синим контуром. Вместо картинок написал: ВАЛЕТ, ДАМА, КОРОЛЬ, ТУЗ. Мы с Тоней вполне понимали эти карты, играли в «дурака», в «пьяницу», в «Акулину». Но сейчас мне не хотелось играть.

- Что-то голова разболелась, - пожаловался я. - Пойду, полежу часок.

- Ну, вот ещё. А я так ждала тебя! - надулась сестрёнка.

Через пару часов Тоня тормошила меня:

- Витя, Витя, вставай. Люди пошли за ужином.

Я поднялся, сходил за чаем и хлебом на всех. Мы с Тоней съели своё и снова стали ждать маму. Сестра раздала карты. Пошла игра в «дурачка».

Только в сумерках пришла мама. Усталая, но довольная. Обняла меня и Тоню и радостно так сказала:

- У вас братик родился. Двоюродный. Сыночек тёти Симы и крёстного.

- Так долго? Мы уж давно-давно ждём тебя, - укоряла её сестра.

- Что ты, доченька! Наоборот, очень быстро. С утра Сима ещё с нами была, а к вечеру уже родила. Ребёночек маленький-маленький. Положу на руку, так от кончиков пальцев до локтя - вся его длина. И не кричит, а только попискивает, как котёнок.

Появился крёстный. Он был «под мухой», то есть «на веселе». (Мама потом говорила, что кто-то из санитаров угостил его денатуратом). Он радовался, сиял, как медный самовар.

- Запомните этот день 10 мая 1944 года! - горячо наказывал нам. - Я стал отцом!

Он подхватил Тоню, начал подкидывать её, а та визжала на весь барак. Все радовались, и я в том числе. И в самом деле, разве не великое чудо - в одном из самых страшных концлагерей, среди многих тысяч загубленных жизней,

появилась на свет новая жизнь?! Как ещё лагерные прислужники смилостивились и пустили тётю Симу в свой лазарет!

* * *

На другой день, быстро позавтракав, мама заторопилась к тёте Симе. Тоня напросилась пойти с ней - посмотреть маленького братика, помочь маме купать его. Меня не взяли, да я и не просился. Пospал подольше, вымыл посуду. Хотел сходить на пустырь, чтобы ещё раз взглянуть на казнённых. Последний раз попрощаться с Борей. Я крепко сдружился с ним за эти месяцы и тяжело переживал его гибель. Как будто частичку меня самого потерял.

Но ещё издали увидел, как по бараку тащатся шаркающими шажками Оля и бабушка. День был тёплый, а они одеты во всё шерстяное да ватное. Ещё за плечами у Оли котомка с одеялами, подушками и сумка в левой руке. Я пошёл их встречать, взял её сумку.

- С выздоровлением вас! - поздравил я.
- Спасибо, дорогой, - ответила бабушка.
- А где же все остальные? - спросила Оля, когда подошли к нашим нарам.
- У нас хорошая новость: у бабушки внук родился, - пояснил я.
- Да ну! - всплеснула руками бабушка. - Когда же это случилось?

- Вчера под вечер. Тётя Сима в лазарете. Мама всё хлопотала возле неё, как-то ей помогала. А сегодня она уже с Тоней пошла туда. Крёстный ушёл, я не знаю куда. Может быть, опять к знакомым санитарам за денатуратом.

- Ну что ж, - сказала Оля. - Сейчас мы скинем лишнюю одежду, передохнём часок. После обеда я пойду в лазарет, а ты оставайся присматривать за бабушкой. Она ещё очень слаба, должна лежать. Меняй ей компрессы на голове, давай попить, и так далее.

На обед в барак пришла только Тоня. Сказала, что Гена (так тётя Сима назвала сына) очень слабенький, может умереть. Поэтому мама осталась в лазарете.

- А что же врачи говорят? - задала бабушка наивный вопрос.
- Что ты, бабушка! Никаких врачей там нет, одни мужики - санитары кругом. И лекарств нет никаких.

- Получается, что одно название - лазарет. Почти как в тифозном бараке, - ворчала бабушка. - Только нет щелей и ветра сквозного. Правда, тепло и светло, и воду можно нагреть.

Мама и к ужину не пришла. Только Оля вернулась. Я слышал, как она рассказывала бабушке:

- Приходил Михаил. Посидел, поговорил с Симой. Она, кажется, болеет тифом. Появился озноб, температура повысилась. Видимо, кончился скрытый, инкубационный период заболевания. Завтра будем просить санитаров перевести её в другую комнату, отделить от малыша. Мне придётся ухаживать за Симой.

- Тогда тебе нельзя будет подходить к ребёнку. Чтобы не заразить.

- Да, с Геней останется только Настя. Он настолько слаб, что уже два раза был

при смерти. Становился синим, задыхался, глазки тарашил. Настя клала иконку к его изголовью, читала молитвы. Потом становилось полегче. Но через пару часов снова всё повторилось. Михаил, глядя на сына, не скрывал своих слёз.

- Чем же вы кормили ребёнка?

- Настя разжёвывала мякиш хлеба, заворачивала в марлю и давала ему сосать. Молока у Симы совсем-совсем не было.

- Да и нельзя ему тифозное молоко, - добавила бабушка. - Неужто ни один санитар не смог раздобыть хоть чуточку коровьего молока?!

- Не знаю, не знаю. Может быть, и удастся Михаилу добыть. Ведь он такой пробивной мужик. Только платить нечем: ни колец, ни браслетов, ни лисьих воротников они с Симой не нажили.

Мама пришла уже в сумерках. Усталая, расстроенная. Сказала, что тётю Симу уже перевели в другую комнату. У Гены, слава Богу, третьего приступа не случилось. Хоть бы ночь продержался. Ей там ночью сидеть не разрешили.

Тётя Сима заболела, появился бред, потеряла сознание. Начался отсчёт дней до кризиса её болезни, после которого обычно начинается выздоровление. У Гены был ещё один приступ удушья с угрозой остановки сердца, потом положение немного выровнялось. Бабушка совсем поправилась. Я, наконец, сходил на пустырь, чтобы проститься с Борей. Но виселица была пуста, на ней висел только колокол.

На седьмой день болезни у тётки Симы был кризис, она пошла на поправку.

* * *

В двадцатых числах мая на территорию лагеря заехали три роскошные легковые машины. Люди, собравшиеся у бочек с водой перед входом в барак, глазели на машины.

- Какая-то инспекция нагрянула, - говорила женщина в синей косынке, прикрывавшей стриженую голову.

- Я видела, как они пошли во второй барак, - добавила женщина в жёлтом платке.

Вскоре группа офицеров вышла из второго барака и направилась к нам. Впереди шагавший офицер приказал всем отойти на двадцать метров от входа в барак. Только староста осталась стоять у входа. Среди офицеров были двое в коричневой форме. Я никогда раньше не видел коричневых немцев. «Наверно, какие-то большие эсэсовские тузы прикатили», - подумал я.

Немцы вошли в барак, но через пару минут возвратились. Видимо, постояли у входа, понюхали нашего запаха, и скорее обратно на чистый воздух. Поговорили между собой, пошли в следующий барак.

- Ну, теперь жди перемен к худшему, - говорила «синяя косынка». - Погонят переболевших на работы, остальным прикажут кровь сдавать. А может, и камеры газовые приготовят.

Перемены и вправду не заставили себя ждать. Уже перед ужином староста всем объявила:

- Лагерь расформируется. Всем заключённым собрать свои вещи, готовиться в дорогу. Уже завтра с утра придут машины.

Староста не говорила, куда нас повезут. Но все догадывались, что в Германию. Опять не дали нам дожидаться Красную Армию.

Тётю Симу с Геной и моей мамой к ужину вернули в барак, в нашу семью.

ЛАГЕРЬ В ГОРОДЕ ВАЛКА

С утра пришли восемь бортовых машин и забрали всех людей из первого барака. Через час машины вернулись, погрузили уцелевших людей из второго барака. А сразу после обеда приехали за нами - узниками третьего барака. Неизвестно, куда увезли людей из первых бараков, а нас привезли на пересылочный пункт в латвийском городе Валка. Всего одна буква в названии этого городка отличает его от эстонского города Валга. Но как сильно отличались условия содержания узников!

Пересылочный пункт был небольшой, человек на триста. Он тоже был ограждён

колючкой, но в один ряд и без тока. Нет вышек с пулемётами, злых овчарок. Разместили нас в светлых, деревянных бараках с двухэтажными нарами и свежей соломой. Баланда была похожа на суп с фасолью или с перловкой. Хлеб был хороший и давали его по большому куску. Мы стали поправляться понемногу. Взрослые говорили, что нас специально подкармливают, чтобы не присылать в Германию серые скелеты. Ведь им нужны батраки и рабочие - «ост арбайтеры».

* * *

Крёстный отпросился сходить в православную церковь в сопровождении вооружённого латыша. Там он рассказал, что у него есть новорожденный сын, надо бы его окрестить. В церкви его хорошо приняли. Священник написал записку начальнику лагеря, чтобы отпустили всю семью на крестины. Мой крёстный пришёл сияющий:

- Всё! Приглашаю всех завтра на крестины в церковь.

- А кто же будет крёстный и крёстная Гене? - спросила бабушка.

- Быть крёстной мы попросим Олю. А крёстным нашему Гене я прошу стать Виктора. Как ты, мой крестничек, согласишься? - обратился он ко мне.

Я растерялся, не знал, что ответить.

- Конечно, согласится, - сказала мама. - Больше некому.

На другой день мы всей семьёй в восемь человек под конвоем латыша с автоматом двинулись к церкви. Надо было пройти две улицы. Городок Валка утопал в цветущей сирени. Домики приятного вида. На улицах ни единой соринки. Церковь была небольшая, деревянная, красивая изнутри и снаружи. Ещё

продолжалась служба. Мы поставили свечи, мама передала записки за здоровье и за упокой. Помолились. Дождались конца службы. Батюшка к нам подошёл, приветливо поздоровался. Спросил, какое выбрали имя, кто родители, кто кумовья. Удивился, что крёстным будет десятилетний мальчик, то есть я. Началась процедура крещения. В больших руках крупного священника младенец выглядел живым пищащим комочком. Когда батюшка окунул Гену в купель, у него от испуга прорезался голос - он громко заплакал и больше уже не пищал. Потом священник подарил тёте Симе иконку, объяснил ей, как молиться, как просить у Господа помощи для младенца и для себя.

А рядом с купелью уже собрались представители благотворительной церковной службы, в большинстве местные русские люди с подарками для ребёнка. Подарков было много: два одеяла, пелёнки, распашонки, ползунки, простынки, подгузники, летняя и зимняя шапочки, соски, мыло разных сортов. Из пищевых продуктов подарили сухое молоко, манную крупу, бутылочку рыбьего жира, пряники. Всего понемногу, но зато от души. Присутствующих в церкви поразил наш истощённый, болезненный вид, остриженные головы. Люди шептали друг другу: «Валга, тиф, концлагерь». И очень сочувствовали, когда осознали, что надо нам опять возвращаться в неволю. Провожать нас на крыльцо вышли все православные прихожане, что были в церкви.

Мы возвращались по тем же нарядным улицам с тем же конвоем. Словно в щёлочку заглянули на почти мирную, свободную жизнь. Тоня, дожёвывая пряник, робко сказала:

- Давайте, не пойдём обратно на нары? Будем в церкви жить. Нам ещё пряников принесут.

- Что ты, доченька! - возразила мама. - Нас тут же поймают фашисты и в наказание снова отправят в такой же ужасный концлагерь, как в городе Валга. А может быть, и того хуже.

Я мысленно отметил, что самой Германии - вражьей страны - мы почему-то меньше боимся, чем новых страшных концлагерей.

ОПЯТЬ ТЕЛЯТНИКИ

Не прошло и двух недель, как снова нас погрузили в вагоны - телятники и повезли дальше, в Германию. В поездке нас не кормили, сухих пайков не давали.

В составе поезда было двенадцать таких вагонов. Дальше шли платформы со щебнем, с зенитками, несколько цистерн и в конце - один пассажирский вагон

для сопровождающих немцев. В наших вагонах, где ехали семьи узников, немцы не закрывали двери, не боялись, что разбежимся. Стоянки поезда часто были длительными. Мы успевали сбегать за холодной и горячей водой у вокзала, успевали пелёнки заполоскать. Но сушить их приходилось взрослым на себе, обёртывая свою грудь. Ещё плохо, что наш паровоз трогался без предупредительного гудка. А так как мы не знали, сколько продлится стоянка, то всегда нервничали, с тревогой поглядывая на свой состав. На одной из таких стоянок я чуть не погиб под колёсами встречного поезда.

На какой-то крупной станции, вблизи от нашего вагона, немцы разгружали из фургона хлеб. Один вынимал лотки с хлебом, два других - уносили эти лотки то ли в магазин, то ли на склад. Мы все были голодны. Я выпрыгнул из вагона, пошёл к фургону. Я умел просить по-немецки: «Онкель, гип мир битте брод» (дяденька, дай мне, пожалуйста, хлеба). Просил долго и настойчиво. Вначале немцы просто не обращали на меня внимания. Но в самом конце разгрузки немец, вынимавший лотки, специально выронил буханку на землю. Виновато посмотрел на своих товарищей, развёл руками - мол, ничего не поделаешь, и отдал грязную буханку мне. «Данке, данке» - поблагодарил я, запихнул буханку за рубашку и вдруг увидел, что наш поезд тронулся. А между нашим поездом и фургоном медленно движется чужой поезд в противоположном направлении! Что делать?! Меня охватил ужас. Вдалеке, за хвостом чужого поезда, я увидел маму. Она махала руками и что-то кричала. Я мгновенно оценил ситуацию - если побегу к маме, то наверняка опоздаю, так как наш поезд наберёт полный ход. И отчаянно кинулся под идущий чужой поезд. Чудом проскочил наискосок под стучавшим на стыках вагоном. Не споткнулся на шпалах, не зацепился за низ вагона, не упал на рельсы, а проскочил и оказался перед последним вагоном нашего поезда! Это был пассажирский вагон для немцев. Я на ходу уцепился за поручень и запрыгнул на последнюю подножку вагона. В то же время я увидел далеко впереди, как маму подхватили несколько рук и втянули её в наш телятник.

Было довольно прохладно, и на ветру, на подножке, я стал замерзать. Вдруг открылась дверь в тамбур и небольшого роста, пухленький немец впустил меня. Не в вагон, а только в тамбур, но мне и этого было достаточно. Оказывается, немец видел, как я ходил к фургону хлеба просить. И видел, как я неожиданно вынырнул из-под идущего встречного поезда. Он восхищённо качал головой, махал руками и что-то всё лопотал по-немецки. Потом он ушёл в вагон, оставил дверь в тамбур не запертой.

Примерно через час поезд остановился и я благополучно перебежал в свой вагон. Мама плакала от радости. Остальные члены семьи очистили буханку от грязи, деловито разделили её и съели свои доли, похваливая вкус немецких хлебопёков. Мой подвиг, как мне показалось, не оценили.

На третий день пути нас привезли на небольшую станцию Калвене. Приказали выгружаться прямо в поле, на зелёную траву. Появился немец - фельдфебель с журналом учёта и латыш - распорядитель. Каждой семье велели держаться отдельной кучкой. Крёстный спросил латыша:

- Нас что, не повезут в Германию?

- А вы очень хотите туда? - ответил латыш.

- Нет, конечно. Зачем она нам?

- Вас отправят в Германию пароходом. Но в Лиепае скопилась большая очередь. Временно вас раздадут латышским хозяевам как работников.

К середине дня стали съезжаться владельцы хуторов. Оставляли телеги у грунтовой дороги вблизи нашего «табора» и начинали выбирать себе трудоспособные семьи. Взрослые говорили, будто латышские хозяева платят немцам за нас, поэтому они выбирали вдумчиво, как скот покупают на рынке. Сначала разобрали бездетные семьи, усадили на телеги и повезли на свои хутора. Потом стали брать небольшие семьи в три - пять человек, чтобы едоков было поменьше. Часа через два остались только одинокие старик со старушкой да наша большая семья, где трудоспособных взрослых было всего трое на восемь едоков.

Ещё через полчаса и стариков забрал какой-то сердобольный латыш. Мы заволновались. Беспокойство передалось младенцу. Гена громко заплакал, и тётя Сима никак не могла его успокоить. Крёстный, как мальчишка, стал прутом нервно сбивать головы травы тимофеевки. Мы все понимали, что если до вечера нас не заберут, то немцы отправят всю семью снова в концлагерь.

Но Господь опять нам помог. По дороге, поднимая пыль, прилетел на паре гнедых опоздавший к распродаже хозяин по фамилии Кауп. Упитанный, коренастый, он был владельцем самого богатого в округе хутора. Мы разместились на просторной телеге, успокоились, даже Гена перестал плакать.

ОТ ЗАРИ ДО ЗАРИ

Хутор Кауп (по имени владельца) включал в себя двести гектаров земли. Были картофельные, пшеничные, овсяные поля, покосы, выпасы для скота, небольшое озеро, участок леса. Большой бревенчатый дом стоял у самой дороги. За ним был яблоневый сад, колодец, высокий ветряк, дающий электрический ток. Чуть в сторонке размещались скотный двор на 18 коров и 6 лошадей, каменный свинарник на 50 поросят, амбар, сарай для сена. Ну и, конечно, навес для

сенокосилок, картофелекопалок, телег и разных колясок. В общем, всё было предусмотрено для независимой, сытной жизни.

А семья-то состояла из хозяина да его жены. С таким хозяйством никак не управиться. Всё держалось на труде наёмных работников из обедневших, безземельных соседей. Наша семья оказалась ему очень кстати. Он всем нашёл дело: Оле, крёстному и маме - полевые работы, дойка коров три раза в день, уход за свиньями и лошадьми. Мне - выпас коров, Тоне - выпас гусей. Бабушке и тёте Симе - лущение гороха, отделение сливок от молока с помощью сепаратора. Нас он считал батраками, которые должны работать от зари до зари только за еду и крышу над головой. Никакой оплаты, одежды, обуви нам не положено. Он сразу же уволил всех наёмных работников, чтобы не платить им.

Вскоре после приезда на хутор приветливая хозяйка позвала нас на кухню обедать. Там стоял длинный стол на земляном полу и две скамейки. Девушка Полина, давнишняя батрачка, подала сначала щи со свининой, потом тушёную картошку с большими кусками мяса. Хлеба ели вволю. На третье дали парного молока по большой, полулитровой кружке. Наелись «от пуза» за три постных дня в пути.

Хозяйка встала, постучала ложкой, привлекая внимание:

- Ну как, работнички, понравился вам обед?

- Да, да! Спасибо, хозяйшкa. Большое спасибо! - почти хором ответили мы.

- Тогда запомните, - продолжала она - будете хорошо и много работать - будем вас хорошо кормить четыре раза в день.

Нам отвели небольшую комнату метров двенадцать квадратных с окном во двор. Стол с двумя скамейками, одна железная кровать, навесная полка - вот и вся мебель. Мама расстроилась:

- Как мы все поместимся? Здесь даже на полу места не хватит.

Крёстный пошел к хозяйке. Попросил доски, гвозди, ножовку и молоток. Она сказала, где всё это взять. Крёстный соорудил двухэтажные нары и деревянную раскладушку, которую на день ставили вертикально. Я с мамой спал наверху нар, Тоня с бабушкой - внизу. Оля спала на раскладушке. Кровать предназначалась для крёстного и тёти Симы. Гена спал в плетёной из прутьев люльке - качалке. Конечно, было очень тесно. А в сырую погоду и пелёнки надо было стирать и сушить в этой же комнате. Но после лагерных нар да вагонов - телятников и такая комнатка была благодатью.

Мама, крёстный и Оля жадно набросились на работу. Всё горело в их руках. Истосковались по настоящему делу. По 14 - 16 часов работали. Уставали ужасно, зато много ели и крепко спали в короткие ночи. Хозяйке нравилась такая работа, часто хвалила их. А хозяин угрюмо молчал. Никогда не разговаривал с батраками, только указывал кнутовищем, что надо сделать.

Была у него любимая лошадь - серая в белых яблоках. Красавица холёная. Использовалась для парадных выездов напоказ. Но однажды она чем-то не угодила хозяину. Так я собственными глазами видел, как обозлённый Кауп засунул кнутовище в ноздрю бедной лошади и несколько раз повернул там. Струя крови прыснула на обидчика. Лошадь хотела встать на дыбы, но помешали оглобли. Тогда она вскинула голову, Кауп повис на кнутовище и сломал его. Выругался по латышски, ушёл в дом, оставив любимую лошадь с обломком кнутовища в ноздре. Пришлось крёстному успокаивать лошадь, распрягать её, вести в стойло и там как-то вытаскивать этот обломок.

Ещё крёстный рассказывал, как он сам чем-то не понравился хозяину. Так тот схватил длинный нож, которым режут поросят, и бросился на крёстного. Он - бежать, а Кауп - за ним. Хорошо, что крёстный быстрее бегает. Иначе могла бы случиться трагедия.

* * *

У меня тоже было своё дело - пасти 18 коров. Вставать приходилось очень рано. Солнышко только-только выкатится из-за леса, а мне уже надо гнать стадо на пастбище. Гнать, правда, не далеко, с полчаса коровьим шагом. Там были просторные клеверные лужайки. Коров я любил, звал всех по имени. Они меня слушались, не разбегались. Если ты к животным без плётки да с ласковым словом, они начинают тебя понимать.

Особенно мне нравилась одна чёрно-белая корова по кличке Майка. Она выделялась своей дородностью и спокойствием. Мычала только вполголоса. Неторопливая походка её казалась мне величавой. Другие коровы чувствовали сдержанную силу и принимали её верховодство. Майка первая ложилась на траву отдыхать в жаркий день и первая вставала. Шла впереди стада на пастбище и домой. Таким стадом было легко управлять. На обед и на дневную дойку я пригонял коров домой. Полдень определял по самой короткой тени (измерял следочками). А через полтора часа гнал стадо обратно.

Посреди пастбища стоял широкий каштан, усыпанный отцветающими белыми свечками. Под ним я любил прятаться от дождя и жаркого солнца. Там же, видимо, прятался и предыдущий пастух. Потому что я нашёл под каштаном забытую книгу, прикрытую лопухом. Это был потрепанный учебник по географии

для пятого класса. Я впервые за все военные годы держал в руках книгу, да такую чудесную, что лучше всяких сказок!

Оказывается, на юге есть Чёрное море глубиной до двух километров! Это же примерно такое расстояние, как отсюда до станции Калвене, если поставить его вертикально! Мало этого, оказывается, что Чёрное море заполнено мёртвой сероводородной водой, где ни единый микроб жить не может. И только самые верхние 150 метров имеют живую воду со всеми рыбами и медузами. Поэтому море и называется Чёрным.

Оказывается, что наша страна Советский Союз такая большая, что занимает девять часовых поясов из двадцати четырёх. Это же почти полсвета! Но живём мы не по солнечному поясному времени, а по декретному. Наше правительство своим декретом в тридцатые годы приказало перевести стрелки всех часов на один час вперёд. И получается, что полдень у нас не в двенадцать часов, а в один час дня. Полночь тоже наступает в один час ночи. Оказывается, что в лесу стороны света можно определить не только по компасу, но и по приметам. Так, муравейник всегда расположен с южной стороны дерева, а моховые наросты на коре - с северной стороны живого дерева. Оказывается, что в Каспийском море есть залив, в воде которого содержится так много соли, что высокая плотность её не позволит человеку утонуть, даже если он захочет.

И так, на каждой странице для меня всё новые открытия. Жаль только, что обычный книжный шрифт мне трудно читать - я плохо вижу. Помню, что до войны у меня было хорошее зрение. Видимо, концлагеря и тиф его испортили.

* * *

На помойке за скотным двором я нашел выброшенный ржавый топор с топоричем. Он был в зазубринах, но мне показался достаточно острым. Я вспомнил, как в 1939 году мой девятилетний друг финский мальчик Эрик вслепую забивал молотком гвозди и гордился, что владеет топором. Он сам смастерил двухслойную будку и дверцу на колесиках, чтобы пёс мог самостоятельно открыть и закрыть её.

«А мне сейчас 10 лет, скоро будет 11. Надо и мне попытаться что-нибудь путное сделать», - подумал я.

Каштан на пастбище плохо защищал меня от дождя. Крупные капли обильно просачивались сквозь листву. А у меня ни плаща, ни накидки нет. Вдобавок, из найденной книги я вычитал, что опасно прятаться под одиноко стоящим деревом. В него может ударить молния. Вот и задумал я устроить себе надёжное и безопасное убежище от дождя и ветра. «У меня есть топор, хороший перочинный нож и большой моток шпагата, найденный ещё в Нарве в заброшенной квартире.

Что можно сделать с таким набором? -рассуждал я.- Обычный шалаш из конусом поставленных жердей меня не мог устроить - тесно и коров только через вход можно видеть. А мне ещё надо похвастаться хотя бы перед сестрой - какой я умелый. Надо сделать домик - комнату с окнами на все стороны, с лежанкой, столом и табуреткой для гостя. В деревнях встречается плетень. Почему бы и мне не сделать плетёные стенки?!» В голове сложилась картина, я реально увидел свой будущий домик.

Вырезал мерку длиной в мой шаг (примерно в полметра). Пошёл в заросли молодняка. Из стройных берёзок вырубил четыре угловые стойки длиной в четыре шага. Заострил нижние концы, сделал канавки на верхних. Забил их в землю на один шаг. Как подставку под ноги при забивании использовал дырявое ведро, принесённое с той же помойки. Затем вырубил тридцать промежуточных стоек потоньше, расставил и тоже забил в землю. Для стола и лежанки забил короткие колышки. Угловые стойки по верху связал четырьмя горизонтальными жердинами. Сделал настил для лежанки из плотно уложенных жердинок. Покатую крышу выполнил из стропил и привязанных к ним наклонно еловых лап. Столом стала фанерка, привязанная за углы к вбитым колышкам. Стены сплетал из толстых ракушечных прутьев и тонких рябиновых стволиков.

Это перечислить легко и быстро, что сделал. На самом деле работа была очень кропотливая, утомительная. Растянулась на несколько недель. Но меня радовало, что она всё-таки продвигалась. Понемногу задуманное становилось реальностью. Спасибо коровам, спасибо Майке. Они знали своё дело, не разбегались и мне не мешали.

Но однажды, когда я сидел на лежанке за столом и доедал принесённый с собой завтрак, в дверной проём пролезла рогатая Майкина голова. Её круглые глаза с явным любопытством разглядывали моё убежище. Я перепугался - сделай Майка ещё один шаг вперёд, и домик мой тут же развалится. Но у моей любимицы хватило коровьего ума не лезть напролом. Я схватил лежавший на столе бутерброд с маслом и солью, ладошкой левой руки легонько надавил на её белый лоб, чтобы она попятилась от проёма, и поднёс к её губам угощение. Майка благодарно промычала вполголоса, отошла от проёма.

Я срочно сплёл дверь, подвесил её за верхние углы к жердине. При входе дверь приходилось приподнимать, зато она всегда оставалась закрытой для коров.

* * *

Только через три недели я решил пригласить сестру посмотреть на своё творение. Она была в восторге, даже пыталась попрыгать на моей лежанке. Как

раз набежала туча, пошёл сильный дождь. И мы убедились, что ни одна капля не попала внутрь домика.

Вечером, за ужином, Тоня восторженно говорила маме:

- Ой, мамочка, какой у нас Витя умный! Он дом на поляне построил!

- Какой ещё дом? Шалашик, наверно, - засмеялся крёстный.

- И никакой не шалашик, а настоящий дом. Четыре стенки, три окна и дверь.

- Может быть, и мебель имеется? - продолжал насмехаться крёстный.

- Имеется! Кровать и стол есть. Я даже попрыгала на кровати.

- А крыша, конечно же, черепичная?

- Крыша покатая, еловыми лапами закрыта. Была гроза, но к нам ни капли не попало, вот!

- Что-то вы завираетесь, уважаемая Антонина Николаевна, - уже серьёзно заявил крёстный. - Где же он пилу и топор взял? И гвозди где раздобыл? Ведь мой инструмент под замком.

- Мама, почему он мне не верит? - рассердилась Тоня.

- Наверно, он очень устал. И хозяин сегодня ругался, - успокоила мама.

- У меня были только перочинный нож и ржавый топор, найденный на помойке. А вместо гвоздей я использовал моток бечёвки для связывания жердей, - пояснил я.

- Чудеса какие-то. Или враки безбожные, - задумался крёстный. - Выберу свободную минуту и забегу посмотреть на ваш чудо-дом. Если он завтра же не развалится.

- Мама и Оля, вы тоже приходите взглянуть на Витину работу, - сказала сестрёнка.

Но прошёл месяц, другой. Домик не развалился. Только хвойные лапы на крыше я поменял на свежие. Никто из взрослых так и не собрался забежать на пастбище. Конечно, забот у них значительно больше, чем у меня. И всё же было обидно, что это первое моё серьёзное творение осталось только в моей и Тониной памяти.

ЛИШНИЕ

Пришла дождливая осень. В начале октября появились первые заморозки. Хозяйка сказала, что больше не надо пасти коров. Полевые работы тоже закончились. Остались только доение и уход за скотом. За это хозяин решил кормить Полину, Олю, маму и крёстного только обедом, один раз в сутки. Тоню, бабушку, тётю Симу и меня кормить совсем отказался. Найти подённую работу у других хозяев было невозможно. Перед нами встала угроза новой голодной зимы.

Я сам вызвался на убранном картофельном поле искать остатки картошки, как было в Реполке в 1941 году. Ко мне присоединилась Тоня. Мы собирали каждый в своё ведёрко, выносили на край поля, там высыпали в мешок. За светлое время короткого дня нам иногда удавалось набрать полмешка картошки. Конечно, там было много порченных клубней (разрезанные лопатой, позеленевшие на свету и даже подгнившие картошины), но в голодное время всё могло пригодиться. В сумерках приходил крёстный, уносил мешок и прятал на скотном дворе. Ещё мы собирали колоски на пшеничном и овсяном полях. Изредка нам помогала Оля, прибегая в поле на полчаса. Бабушка и тётя Сима сушили колоски, перетирали в руках, сдували мусор.

Постоянная батрачка Полина каждую неделю отвозила немцам в город Айзпите четыре бидона сметаны и сливок. То ли налог, то ли плата за наши души. А в конце октября с нею поехал сам хозяин. К вечеру я вернулся с пшеничного поля. Через открытую дверь в комнату услышал, как Полина рассказывала маме и крёстному о поездке. Подслушивать, конечно, не хорошо. Но уж очень интересно!

- К нам вышел латышский бургомистр, старый приятель Каупа, - говорила Полина. - Они поздоровались. Говорили по-латышски, но я всё понимала. Хозяин спросил: «Комендант немецкий у себя?» «Сегодня его не будет. Может, я отвечу на твои вопросы?» - сказал бургомистр. Хозяин пояснил: «В июне я взял у немцев временных батраков. Сейчас поля опустели, батраки стали мне не нужны. Даром их кормить не хочу. Пусть комендант забирает их у меня и отправляет в Германию». «Ты придуриваешься, или вправду не понимаешь? - возмутился бургомистр. - В котле мы сидим, в Курляндском котле. От Европы отрезаны. А пароходы топят русские подлодки. Немцам надо миллион солдат и уйму техники отправить на помощь Берлину. Не до русских тифозников им теперь. Коменданту лучше не заикайся, а то заставит кормить батраков».

- Хозяин настолько был зол, - продолжала Полина, - что сам, один, снял бидоны с телеги, взял подпись бургомистра на расписке, не попрощался с ним, а погнал кобылу домой. Так что сегодня старайтесь обходить его стороной.

* * *

После поездки в Айзпуге хозяин совсем одичал. На улицу выходил очень редко. Только ясными вечерами он выходил в сад, смотрел с тревогой на восток, слушал отдалённую канонаду. Тяжело вздыхал, прикладывал ладони к вискам, раскачивал головой. Чувствовал приближение расплаты за стрельбу в спину отступающим русским солдатам в 41 году, (как поговаривали некоторые обедневшие соседи Каупа). Я несколько раз видел его таким. Но не было к нему ни сочувствия, ни злорадства. Была глубокая обида, что перестал нас кормить. Ведь за лето мы так много поработали на него бесплатно, что заслужили себе пропитание на год вперёд.

На него свалилась ещё одна напасть. От какой-то болезни за короткий срок передохли все пятьдесят поросят. Свинарник опустел, не стало участка самой грязной работы. Мама с досадой сказала: «Лучше бы нам отдал парочку больных поросят. Михаил прирезал бы их, и сытной была бы зима».

Все распоряжения по хозяйству давала хозяйка. Особенно строго она следила, чтобы Оля, мама и крёстный за обедом не прятали хлеб по карманам для нас. А при доении коров следила, чтобы молоко не прятали, не уносили домой своим детям. «Вот гады, жадюги! - думал я. - Ведь хорошо понимали, что всё богатство скоро для них пойдёт прахом. Но не хотели этому верить».

Всё равно родители воровали хлеб со стола и молоко, особенно после вечерней дойки в десять часов. Обычно мы с Тоней и бабушка с тётёй Симой уже спали. Мама и Оля приносили молоко в большом чайнике. Будили нас, велели сразу всё выпить, чтобы не оставалось следов. Первый и второй стаканы тёплого, пенистого молока мы пили охотно, а третьи стаканы шли через силу. Опасались, что хозяйка вздумает обыскать нашу комнату.

* * *

Наступила зима. Белая скатерть покрыла землю. Маму, Олю и крёстного немцы направили в лес заготавливать полуметровые колышки для минных ограждений. Вместе с ними увязались и мы с Тоней. Через двадцать минут мы пришли на опушку соснового бора, где росли молодые сосенки. Крёстный спиливал сосенку и макушку с ветками, мама с Олей сдирали кору, а я взялся затёсывать колышки. Тоня подбирала кору, складывала в отдельную кучку. Нам выдали задание - по сто колышков на взрослого человека. На свежем воздухе, при небольшом морозце так хорошо работалось, что мы через три часа сделали больше половины задания. Кроме нас были ещё люди. Видимо, такие же временные батраки - пересыльные узники. Два немца следили за порядком. Один - с автоматом, другой - с журналом учёта.

В полдень приехала немецкая полевая кухня. Привезли горячий гороховый суп с кусочками мяса, кашу перловую со сливочным маслом и сладкий чай. Немецкий хлеб был очень вкусный. После обеда мы ещё посидели на лежащей берёзе, пока учётчик не скомандовал: «Апштейн!» То есть «подъём». Мы дружно взялись за работу. Часа через два наша норма в триста колышков была выполнена. Показали немцу. Он отметил в журнале и досрочно отпустил нас домой.

В лесу мы работали две недели. Потом немцы решили, что колышков им на две войны хватит, всех распустили. Опять для нас потекли скучные, полуголодные будни.

Но после Рождества многое изменилось в худшую сторону. На постой к хозяину встало танковое отделение. Громадный «тигр» встал почти у крыльца, две приземистые «пантеры» - у сеного сарая. Офицерам в чёрной форме нашлось место в доме хозяев, рядовых поселили на сеновале. А собственный портной с помощником выбрали нашу комнату. Нас же, вместе с грудным ребёнком, «под зад коленкой» прогнали в свинарник при морозах выше двадцати градусов. Да, да! В каменный пустой свинарник, где только что передохли свиньи!

Крёстный отгородил досками ячейку с узким, горизонтальным окошком под потолком. Дали нам жестяную печку - буржуйку, дрова, лампу - коптилку без стекла. Кухней служил предбанник с плитой и котлом для приготовления еды поросётам. Спали на каменном полу, на матрасах, набитых сеном. Спали вповалку, тесно прижимаясь друг к другу, чтоб не замёрзнуть. Гену тётя Сима брала к себе, под общее одеяло. С вечера натолим, раскалим буржуйку до красна, жарко станет, а под утро волосы и подушки покрываются инеем. Надо снова топить. И так всю зиму прожили. Просто удивительно, что никто не простудился, не заболел. Кроме мокрого носа да лёгкого кашля ничто к нам не липло.

На кухне мы регулярно устраивали баню. Нагревали целый котёл воды. Отдельно, в ведре, разводили золу, получали щелочную воду. Использовали её вместо мыла. Пол был покатый, вода не задерживалась. Только воздух в кухне оставался холодным, его не удавалось нагреть. Зато приятно быть чистеньким, словно душа отдыхает!

Я иногда задумывался, где же мылись хозяева? Почему такие богатые латыши не построили баню себе? И пожадничали на доски для земляного пола в летней кухне, где кормят батраков? И рабочую обувь для батраков не покупают, а всё деревянными колодками потчуют? Обходятся без радио и телефона? Неужели им для счастья достаточно 50 свиней и 18 коров на двоих? Достаточно сытого брюха?!

ДОЖДАЛИСЬ.

В середине апреля немецких танкистов куда-то перевели. С ними уехал и портной из нашей комнаты. Оставил (или забыл?) ручную швейную машинку «зингер». Мы перебрались из свинарника в комнату. На дворе разгулялась весна. Появилась первая зелень - сныть, крапива, хвощ полевой. Фронт теперь был совсем рядом. В пяти километрах грохотали пушки, иногда слышались пулемётные очереди. По вечерам взлетали осветительные ракеты. Мы радовались: «Ещё немного, ещё чуть-чуть, и нас освободят». Крёстный нашёл себе приработок по плотницкой части. А мне нашли работу на соседнем хуторе - надо пасти четыре коровы.

Новая безлошадная хозяйка была приветливая, но скуповатая женщина. Она говорила, что сын её в Красной Армии. Вестей от него никаких нет, но надеется, что он скоро вернётся. Кормила меня рано утром крупяным супом на снятом молоке, который называла «путрой», и чаем с бутербродом. В обед тоже путра и перловая каша. Вечером опять путра и чай. Разнообразилась только каша в обед.

Земли у хозяйки было мало, пастбище небольшое в пяти минутах ходьбы. Травка с каждым днём подрастала. Но с коровами долго не удавалось поладить. Они разбегались. Им всё время хотелось забраться на соседские земли. Тогда я стал очищать солонки со стола и угощать коров подсолённой водой. Благодарные коровы стали послушными. Краснозвёздные самолёты летали теперь низко-низко и сбрасывали листовки. В них призывали немцев сдаваться. А в нескольких листовках сообщалось, что второго мая Берлин взят нашими войсками, и Гитлер застрелился. Испугался, сволочь, что его повесят вниз головой, как итальянского вождя Муссолини. И дан рисунок, где Гитлер висит вниз головой и в рваных трусах без брюк.

Как жаль, что я не догадался сохранить те листовки и ещё много-много свидетельств той войны. Не понимал я тогда, что это сама ИСТОРИЯ мне дышит в затылок и мимо стремительно пролетает. Я прикреплял к сосне эту карикатуру на Гитлера, бросал перочинный нож в него, пытаюсь таким образом ещё раз казнить этого изверга.

В тот солнечный день восьмого мая 1945 года я, как обычно, вывел коров на пастбище. Только канонада почему-то притихла. Зато самолётов над самой землёй было особенно много и листовки сыпались непрерывно. Вдруг я увидел маму. Она бежала ко мне и вся светилась от радости:

- Витя, Витя, сыночек! Войне конец! Конец, проклятущей!

Мы обнялись, заливаясь слезами от радости. Когда чуточку успокоились, мама сказала:

- Немцы подняли белые флаги. Бежим, скорее, домой.

Я передал коров хозяйке и мы побежали. Над домом Каупа на ветру полоскалась белая простыня, прибитая к шесту. Наши все тоже обнимались и плакали. Только Гена не плакал, таращил глазёнки. Он уже научился ходить, придерживаясь за скамейку. И слово «дай!» сказал раньше, чем слово «мама».

Тоня сказала Оле:

- Давайте, и мы выставим в окошко белый флаг.

- Что ты, Тонечка! Бог с тобой! - возразила Оля. - Мы же не немцы, нам не надо сдаваться. Это же наша армия победила!

На другой день, девятого мая 1945 года, мимо нас в сторону городка Айзпути пошли танки, потом артиллерия и пехотные части Красной Армии. Лица солдат были довольные, бодрые. У каждого на груди сверкали медали и ордена. Я смотрел и думал: «Да, это другая армия. Совсем не такая, что отступала мимо нашего крыльца в Сиверской в 41 году. Это шли победители. Наши, русские победители и защитники!» И гордость за них наполняла мне душу. Я представлял себе, что принимаю парад. Вспомнился тот бесконечно усталый танкист, которому мама кашу варила. «А ты верь, сынок, - говорил он мне в тот страшный год. - Наполеона без штанов в Европу прогнали, и Гитлеру шею свернём, придёт время. Только доживи, дорогой. Всем смертям назло доживи, чтобы увидеть нашу Победу», - словно предчувствовал, какие муки предстоит нам пережить. «Где-то ты сейчас, дорогой товарищ танкист? Великое спасибо тебе за веру твою», - думал я.

Хозяйка вынесла к дороге табуретку, поставила на неё бидон с молоком и несколько кружек. Принарядилась, платок по-крестьянски повязала под подбородком. Но солдаты шли мимо, не нарушали стройных рядов. Только некоторые офицеры подходили пить молоко. Один капитан в фуражке с зелёным околышем выпил две кружки, вытер губы ладонью, поблагодарил хозяйку. Покосился на нас, исхудалых, в обносках. У Оли на ногах деревянные колодки.

- А вы что же не нарядились? - спросил он.

- Мы батраки, после концлагеря, - ответила Оля.

- Вот как? Откуда же вы?

- Волосовский район Ленинградской области. Немцы сожгли деревню в 43 году, всех жителей загнали в концлагеря. В прошлом году продали нас латышским хозяевам. Ждали мы вас как спасителей. Скорей бы домой теперь, - закончила Оля.

- Ну, это вы зря торопитесь. Вас ещё будут проверять и перепроверять - нет ли за вами грехов против советской власти. Мой вам совет: наберитесь терпения. Если совесть чиста, всё закончится хорошо.

- Что же, к терпению нам не привыкать, - сказала мама.

Эпилог

Терпение, действительно, нам потребовалось, и не малое, перед возвращением домой.

Прежде всего, удивила и покорила нас та насторожённая и пренебрежительная к нам со стороны русских офицеров, остановившихся у хозяйки. С нею они шутили, смеялись, играли на пианино и пели новую песню «Огонёк». А с нами только «Да» и «Нет» говорили. Один нагловатый солдат сказал бабушке Дуне:

- Что, немецкие прихвостни, некуда дальше бежать? Придётся отвечать за грехи.

- Дурак сопленосый, - спокойно ответила бабушка.

Я поразился: Никогда не думал, что она способна на смелый поступок. Солдат поперхнулся от злости, прошипел: «Ну, погоди, карга старая!» - и вышел из комнаты.

Где надо, крёстному разъяснили:

- Без разрешения никаких отъездов домой. Придёт время, вас отвезут на фильтрационный пункт и там решат, что с вами делать. А пока можете подыскать себе временную работу.

Работа сама нас искала. У того же Каупа. Как и прошлым летом, Оля, мама и крёстный работали в поле, ухаживали за скотом. Я пас коров, Тоня - гусей. Только теперь, кроме кормёжки, хозяин обещал и какую-то плату пшеницей. Я по наивности думал, что теперь-то наступит возмездие - хозяина раскулачат, вышлют, скот передадут в колхоз и справедливость восторжествует. Но никто его не трогал. С ним даже более вежливо разговаривали, чем с нами.

Я с удовольствием пас коров и любимицу Майку. Охотно вставал на рассвете, любовался июньскими восходами. Каркас моего домика не развалился даже под зимними вьюгами. Я только покрыл стропила свежими еловыми лапами. Привольно было мне в поле.

В середине июня Кауп на телеге повёз нашу семью на фильтрационный пункт №19. Всю дорогу он торопил коня. А когда выгрузил нас, то выплеснул на коня всю ненависть к нам и к советской власти. Он так озверело стегал животное плетью с проволокой на конце, что погнал его вскачь, грозя в любой момент разнести в щепки телегу.

Фильтрационный пункт практически тоже был лагерем, только без охраны и ограждения. Двух ярусные нары с соломенными матрасами в чистых одноэтажных бараках. Кормили нас сытно на солдатской кухне. Устраивали баню в палатке два раза в месяц. Взрослые ходили куда-то работать, а мы, малочисленная детвора были предоставлены сами себе.

Играли в прятки, в ножечки, в чехарду. Узнали, что в километре от лагеря есть немецкий аэродром и десятка два заброшенных самолётов. Стали бегать туда. Забирались в кабины, крутили, вертели всё, что вертится. Нажимали на педали, на гашетки. Срезали все цветные провода и делали из них красивые четырёхгранные плётки. Такой разбой продолжался до тех пор, пока у какого-то мальчишки не застрочил боевой пулемёт. Тогда военные спохватились - закрыли аэродром, всё население лагеря вывезли за пять километров и целый день взрывали запасы бомб на немецких складах.

Отношение к нам было ровное, достаточно вежливое. Наши взрослые в разговорах между собой отмечали, что на допросах (или собеседованиях, как их называли), не было оскорблений, угроз. Наоборот, часто звучало сочувствие. Возможно, к другим людям и отношение было другое?

.В конце июля крёстному сказали, что на все запросы получены ответы, проверка закончена, всё в порядке. Можно собираться домой.

Второго августа 1945 года в таких же товарных вагонах мы приехали в Ленинградскую область. Остановились в посёлке Кикерино Волосовского района у тёти Иры - маминой сестры. Узнали, что наш папа жив, пережил всю блокаду,

теперь живёт в Ленинграде, но у него уже другая семья. Для меня, Тони и особенно для мамы это было страшным ударом. Всё, о чём мы мечтали долгие четыре года войны, обрушилось в один миг. Как будто было мало нам военных переживаний. Мне было поручено присматривать за мамой, чтобы она не сделала с собой что-нибудь. Ведь у неё ещё с Репольского пожарища в 1943 году была где-то спрятана отравка.

Крёстный вместе со всей семьёй Дунаевых поехал обживать Реполку. Ему, как плотнику, там предстояло много работы.

Так начиналась наша нелёгкая послевоенная жизнь. Но это уже другая истори